

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2020 Том 22 № 1

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии РУДН, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Иванов В.Г., доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии РУДН, Москва, Российская Федерация
E-mail: ivanov-vg@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Панкратов С.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Российская Федерация

Попова О.В. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Капустин Б.Г. — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Войтацки К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Витковска М. — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дуткевич П. — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Францке Й. — доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета, Потсдам, ФРГ

Пачеко Амарал К. — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов, Понта-Делгада, Португалия

Када Н. — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* (*Вестник РУДН. Серия: Политология*) — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки», «Научная жизнь».

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>.

Электронный адрес: politj@rudn.ru.

Литературный редактор: *И.Л. Панкратова*

Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала *Вестник Российского университета дружбы народов*.

Серия: Политология:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28

e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 16.03.2020. Выход в свет 31.03.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 9. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2020 VOLUME 22 No. 1
DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Pochta Yu.M., Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, RUDN University, Moscow,
Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ivanov V.G., Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ivanov-vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Grachev M.N., Doctor of Political Sciences, Full Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ASSOCIATE EDITORS

Pankratov S.A. — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Mchedlova M.M. — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Karadje T.V. — Doctor of Philosophy, Full Professor and Head of the Department of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Popova O.V. — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Kovalenko V.I. — Doctor of Philosophy, Full Professor and Head of the Department of Russian Politics, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kapustin B.G. — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The USA

Wojtaszczyk K.A. — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Witkowska M. — Doctor of Political Sciences, Professor at the Faculty of Political Sciences and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Dutkiewicz P. — Doctor of Political Sciences, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Franzke J. — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Vice Dean of the Faculty of Economic and Social Sciences, Potsdam University, Potsdam, Germany

Pacheko Amaral C. — Doctor of Political Sciences, Full Professor, University of the Azores, Ponta-Delgada, Portugal

Kada N. — Doctor of Political Sciences, Full Professor, Université Grenoble Alpes, Grenoble, France

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: Russian Science Citation Index (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals

Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political Process in Contemporary Russia: Tendencies and Prospects", "Political Processes in Contemporary World", "Current Problems of Political Science", "Academic Life". The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>.

E-mail: politj@rudn.ru.

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efreмова*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board
RUDN Journal of Political Science:
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения 7

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА

Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане 22

Атрисангари Ф. Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы 32

Эсмаили С. Повышение роли женщин в парламенте Ирана после Исламской революции 1979 г. 49

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шеин С.А. Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства 59

Ivanov V.G. The Evolution of Populism in South America: Was J. Bolsonaro's Victory in the 2018 Brazilian Presidential Election a Precedent or a Model for the Region? (**Иванов В.Г.** Эволюция популизма в Южной Америке: стала ли победа Ж. Болсонару на президентских выборах в Бразилии 2018 г. прецедентом или примером для региона?) 71

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Amiantova I.S., Ivanova E.A. Migration Policy in the Programs of FRG's Leading Political Parties (**Амиантова И.С., Иванова Е.А.** Миграционная политика в программах ведущих политических партий ФРГ) 81

Алонци Р. В поисках политической идентичности ЕС. Опыт желто-зеленого правительства в Италии, 2018–2019 гг. 92

Ндайисаба О. Руанда – Бурунди: политический диалог как способ достижения соглашения 105

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ильинская С.Г. Аутентичное развитие: ключевые аспекты концепта 116

Савенков Р.В. Тенденции изменений форм публичного оспаривания граждан в условиях постдемократии 134

Sorokina A.A., Maximenkova M.S. Russia and China as Viewed by Russian and Chinese Youth (**Сорокина А.А., Максименкова М.С.** Образы России и Китая во взаимных представлениях российской и китайской молодежи) ... 144

CONTENTS

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: TENDENCIES AND PROSPECTS

- Mchedlova M.M., Kofanova E.N.** Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-political Preferences 7

CONTEMPORARY POLITICS OF IRAN

- Garbuzarova E.G.** Iran's Soft Power Tools in Kyrgyzstan 22
- Atrisangari F.** Iranian Foreign Policy in the South Caucasus: Identity and National Interests 32
- Esmaeili S.** The Growth of Women's Role in the Iranian Parliament since the Islamic Revolution of 1979 49

RIGHT-WING POPULISM: ORIGINS AND MODERNITY

- Shein S.A.** Responses of European Mainstream to Right-Wing Populism Challenges from the Perspective of the Resilience Concept: Case of the United Kingdom 59
- Ivanov V.G.** The Evolution of Populism in South America: Was J. Bolsonaro's Victory in the 2018 Brazilian Presidential Election a Precedent or a Model for the Region? 71

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

- Amiantova I.S., Ivanova E.A.** Migration Policy in the Programs of FRG's Leading Political Parties 81
- Alonzi R.** Searching for the EU Political Identity: Experience of the Italian Yellow-Green Government (2018–2019) 92
- Ndayisaba A.** Rwanda – Burundi: Political Dialogue as a Method of Achieving Agreement 105

CURRENT PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

- Ilinskaya S.G.** Authentic Development: Key Aspects of the Concept 116
- Savenkov R.V.** The Changes of Forms of Public Contestation in Post-Democracy 134
- Sorokina A.A., Maximenkova M.S.** Russia and China as Viewed by Russian and Chinese Youth 144

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: TENDENCIES AND PROSPECTS

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21

Научная статья

Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения

М.М. Мчедлова¹, Е.Н. Кофанова²

¹Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

^{1,2}Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117218

Аннотация. Религиозный фактор сегодня помещается в центр теоретических и общественных дискуссий, затрагивающих осмысление и оценку форм проявления в различных сферах общества: внутрицерковных, частных, публичных и политических. Разнообразие исследовательских фокусов выстраивает вариативность интерпретаций воздействия религиозного фактора на политический процесс, в том числе и в России. Политические коннотации религиозного фактора, применительно к внутривнутриполитической сфере, предполагают выявление специфики воздействия, в частности и на характер социально-политических запросов, оценку ситуации в стране, видения путей развития, единства или демаркационных линий в массовом создании и поведении. Запрос на перемены в российском обществе разделяют все религиозно-мировоззренческие группы, что подтверждается социологическими исследованиями. Данный запрос конкретизируется в желании реформирования политической системы в сторону большей открытости, с одной стороны, а с другой – в сторону обеспечения государством социальных гарантий и обеспечения эффективности институционального функционирования. Вопрос о политической субъектности и о готовности к определенным действиям фиксирует неравный активизм среди представителей различных религиозно-мировоззренческих групп. Наполнение образа желаемого будущего смыслами социальной справедливости, связанными не только с доступом к базовым социальным благам, но также с равенством всех перед законом, обеспечением демократии и прав человека, а также универсальным геополитическим смыслом, подтверждает общность основных параметров со-

© Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

циально-политического характера, демонстрирующих, что глубинных препятствий мировоззренческого характера для артикуляции общих интересов – направленных на социально-политические перемены или на поддержание традиционных оснований – не существует. В разрезе российской поликонфессиональности, наличия светских и религиозных идентичностей данный вывод имеет ключевое значение для обеспечения социальной консолидации. Статья основана на данных общероссийского репрезентативного исследования Института социологии РАН 2018 года (N = 4000), в котором авторы принимали личное участие.

Ключевые слова: религия, политика, религиозно-мировоззренческие группы, перемены, справедливость, политическая система, политическое участие, социально-политические предпочтения, образ будущего, Россия

Введение

Пересмотр традиционных интерпретаций организации политического и, прежде всего, логики властвования и управления отражается в новых подходах к объяснению связи религии и специфики социально-политических трансформаций и управленческих практик. В фокусе поиска новых объяснительных моделей находится достаточно широкий спектр интерпретаций: от политико-институционального до мировоззренческого изменения статуса религии. Разнообразие форм зримого и активного возвращения религии в различных формах в публичное пространство определяет и различные исследовательские призмы анализа: от политико-институциональной, культурно-цивилизационной, мировоззренческой до алармистской. Среди основной концептуальной проблематики следует вычленить следующие сюжеты: роль религии в становлении нового Мирового порядка, государственно-церковные отношения, религия в качестве критерия социокультурной идентичности и возможности политической мобилизации и политического участия, основанных на религиозных референтах [1]; технологии и формы межрелигиозного взаимодействия; проблема светскости и свободы совести, религиозность и политические предпочтения, статус и деятельность религиозных организаций как социально-политических институтов и субъектов политического целеполагания [2].

Актуализация религиозного параметра политического процесса в России в условиях российского поликонфессионального устройства ставит перед исследователями проблему осмысления ряда ключевых моментов социально-политических структурных изменений: акцептацию религиозных оснований идентичности и обеспечение ценностной целостности общества, поиск определенной новой логики и философии государственной политики, активизацию деятельности религиозных лидеров, организаций и объединений¹, новые вызовы и угрозы современности, связанные с религиозными смыслами.

¹ Сейчас в России зарегистрированы 31 392 религиозные организации более 60 различных конфессий. За последние пять лет появилось 2927 религиозных организаций, а с начала 2019 года – 483 (данные приведены по состоянию на 30 сентября 2019 года) [3].

Политические коннотации религиозного фактора в России предполагают обращение не столько к собственно религиозности, сколько к новым смыслам и явлениям на границе пересечения религии, политики и общества. Одним из контекстов является отношение и оценка последствий так называемого «Религиозного возрождения» (см., например: [4]) в России. Существующие дискуссии относительно форм проявления данного феномена – внутрицерковных, частных, публичных и политических – затрагивают различные сферы общества и исследовательские фокусы. Так, потребность российского общества в ценностной консолидации, в «возрождении национального духа» звучит и в заявлениях религиозных лидеров: «чем сильнее дух, тем сильнее потенциал человека, чем сильнее дух народа – тем сильнее его потенциал. Если человеку невоцерковленному, далекому от церкви, в двух словах сказать, для чего нужна церковь – церковь... нужна для того, чтобы был силен дух нашего народа» [5]. Одновременно, дискуссии о светскости и законодательной регуляции сферы, связанной с религией, становятся предметом рассмотрения в Конституционном Суде [6; 7].

Из всего широкого спектра новых форм взаимоотношений государства, религиозных организаций и общества, в том числе в неполитических сферах, выделяются вопросы: какова реальная корреляция религиозности с повседневными социальными практиками, запросом на перемены, каково реальное восприятие религиозных институтов и Веры населением России; каковы пределы негативного и позитивного внедрения религиозных смыслов и институтов в общественные и политические сферы. Одновременно немаловажным в России является ответ на вопрос: существует ли водораздел между религиозно-мировоззренческими группами либо общероссийская идентичность и общее ценностное пространство обеспечивают единый вектор социальных практик, сознания и запроса на будущее.

Результаты исследования

Констатируемый многими экспертами и аналитиками запрос на перемены, подтверждаемый различными формами социального недовольства, фиксируется и социологическими данными. К осени 2018 г. впервые за последнюю четверть века каждый второй россиянин пришел к выводу, что страна нуждается в существенных переменах. Ранее большинство было против кардинальных реформ – настолько глубоко в массовом сознании укоренился страх перед ними, памятью о «шоковой терапии» начала 1990-х. В данных координатах логичным представляется вопрос: существует ли взаимосвязь религиозно-мировоззренческих установок россиян с их отношением к возможным социальным и политическим преобразованиям и каков запрос общества в данной ситуации к религиозным организациям. Для ответа на первый вопрос можно поставить следующие задачи: какие религиозно-мировоззренческие группы россиян склоняются к переменам, что их не устраивает в сложившейся ситуации, что хотели бы получить в результате

перемен и на что готовы пойти ради реформ; иными словами, как самоидентификация с той или иной религиозно-мировоззренческой группой влияет на социальное самочувствие и политическое поведение россиян.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, сравним мнения и стратегии поведения представителей основных религиозно-мировоззренческих групп россиян².

Ключевым политическим значением обладает оценка гражданами общего климата для проживания в стране. Во многом она является показателем политической стабильности, а также либо поддержки, либо недовольства общества политико-управленческими решениями и их следствиями. В российском массовом сознании обстановка в стране в целом воспринимается как более напряженная по сравнению со своим регионом и тем более своим населенным пунктом (табл. 1): положение дел в стране всеми группами оценивается скорее со знаком «минус», в регионе неоднозначно, в своем населенном пункте скорее со знаком «плюс» или нейтрально; также во всех группах среди негативных оценок резкие («ситуация катастрофическая») звучат заметно реже умеренных («ситуация напряженная, кризисная»). При этом из четырех групп наиболее оптимистичны в оценках мусульмане, на втором месте по степени оптимизма в данном вопросе внеконфессиональные верующие, на третьем – православные, и наиболее пессимистичны атеисты. Так, разница позитивных и негативных отзывов о положении дел в стране колеблется в интервале от –38% среди атеистов, –27% среди православных и –21% среди внеконфессиональных верующих до –7% в группе мусульман. Ситуацию в своем регионе атеисты и православные оценивают скорее отрицательно: –17% и –6% соответственно, а внеконфессиональные верующие и мусульмане скорее положительно: +4% и +18%. Обстановку в своем населенном пункте во всех группах считают скорее нормальной, спокойной, впрочем, если оценки атеистов близки к нейтральным (положительные отзывы перевешивают отрицательные всего на 2%), то в остальных группах эта разница заметнее: от +6% группе православных и +13% среди внеконфессиональных верующих и до +39% среди мусульман. Индекс оценки социально-политической ситуации стране, рассматриваемый как разница позитивных и негативных оценок, находится в отрицательной зоне, если речь идет о ситуации в России в целом. Соответственно, параметры необходимости для определенных перемен масштабируются до общего и предъявляется запрос на перемены непосредственно к государству. Более частные выводы позволяют констатировать привязанность к месту проживания (ре-

² В статье используются данные 9-й волны (октябрь 2018, N = 4000, подробнее о выборке см.: [8. С. 11–12]) мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН 2014–2018 гг., выполненного при поддержке РНФ. Выделены следующие религиозно-мировоззренческие группы: православных (67%), мусульман (5%), внеконфессиональных верующих (9%), атеистов (11%).

гиону и населенному пункту) прежде всего сторонников ислама и более мягкую оценку ситуации, вероятнее всего амортизируемые традиционными параметрами оформления публичной и частной жизни.

Таблица 1 / Table 1

Оценка ситуации в России, % / Assessment of the situation in Russia, %

Оценка ситуации / Assessment of the situation	Все / Total	Православные / Orthodox	Мусульмане / Muslims	Верующие вне конфессий / Non-denominational believers	Атеисты / Atheists
В России в целом / In Russia as a whole					
Ситуация нормальная, спокойная / The situation is normal, calm	31	31	41	35	27
Ситуация напряженная, кризисная / The situation is tense, crisis	51	51	44	47	54
Ситуация катастрофическая / The situation is catastrophic	8	7	4	9	11
Разница позитивных и негативных оценок / Difference between positive and negative ratings	-28	-27	-7	-21	-38
Затруднились ответить / Difficult to answer	11	11	10	9	9
В своем регионе / In their region					
Ситуация нормальная, спокойная / The situation is normal, calm	43	43	55	49	39
Ситуация напряженная, кризисная / The situation is tense, crisis	42	43	30	39	46
Ситуация катастрофическая / The situation is catastrophic	7	6	7	6	10
Разница позитивных и негативных оценок / Difference between positive and negative ratings	-6	-6	+18	+4	-17
Затруднились ответить / Difficult to answer	8	8	8	6	6
В своем населенном пункте / In their locality					
Ситуация нормальная, спокойная / The situation is normal, calm	51	50	65	54	48
Ситуация напряженная, кризисная / The situation is tense, crisis	35	37	19	33	36
Ситуация катастрофическая / The situation is catastrophic	8	7	7	8	10
Разница позитивных и негативных оценок / Difference between positive and negative ratings	+8	+6	+39	+13	+2
Затруднились ответить / Difficult to answer	6	6	10	5	6

Источник / Source: составлено авторами.

Если рассмотреть оценки представителями религиозно-мировоззренческих групп ситуации в стране в динамике – год в прошлое и год в будущее с момента опроса – то тенденция, по крайней мере краткосрочная, вырисовывается негативная. И перемены за последний год, и перспективы на ближайший год воспринимаются всеми религиозно-мировоззренческими группами со знаком «минус». Наиболее оптимистичны в оценках прошлого и будущее-

го также мусульмане, наиболее пессимистичны атеисты (разница позитивных и негативных оценок произошедших за год перемен среди мусульман составляет –16%, среди атеистов –39%; перспектив в ближайший год: –23% и –34% соответственно). Связанное с оценками ситуации чувство тревожности подтверждается и оценкой социального напряжения: доминирующим является мнение, что социальное напряжение в России в целом, а также в регионе проживания возрастает³.

Можно отметить солидарность восприятия представителями всех религиозно-мировоззренческих групп происходящих в стране изменений скорее как регресса. При этом, как правило, наиболее скептически в оценках атеисты, наименее – мусульмане. Конкретизация данных положений в оценках изменения ситуации в 11 социально-политических сферах жизни российского общества за последние 5 лет (улучшилась, не изменилась или ухудшилась)⁴, показывает также отрицательные значения индекса. Так, разница ответов «улучшилась» и «ухудшилась» в каждой группе в среднем (имеются в виду средние арифметические значения по всем 11 сферам) оказывается со знаком «минус»: от –32% среди атеистов, –26% среди внеконфессиональных верующих и –20% среди православных до –13% среди мусульман.

Наибольшую обеспокоенность всех групп вызывает ухудшение финансового положения россиян (речь идет об уровне жизни и пенсионном обеспечении) и моральная деградация, а также растущая социальная незащищенность населения. Кроме того, высокий уровень тревожности (разница позитивных и негативных ответов в диапазоне от –43% до –40%) у внеконфессиональных верующих и атеистов связан с состоянием экономики в стране, а у атеистов также с международным положением России.

Единственная сфера, изменения в которой оцениваются скорее позитивно, – это борьба с терроризмом. Если брать религиозную проекцию внешних угроз, то среди фиксируемой активизации и приобретения угрожающих и диверсифицированных форм проявлений международного религиозного терроризма наиболее четко проявляется угроза деятельности исламистских субъектов, причем как террористическая и военная, так и связанная с attractiveness их идеологии и методами привлечения последователей. Ак-

³ Так, разница позитивных и негативных оценок изменений социального напряжения в России составляет в группе мусульман –9%, атеистов –51%; в своем регионе соответственно –5 и –42%, в своем поселении +3 и –36%. Православные традиционно пессимистичнее внеконфессиональных верующих: разница оценок этими группами изменения социального напряжения в России –38 и –32%, в своем регионе –31 и –18%, в своем поселении –27 и –12%.

⁴ Были предложены следующие 11 сфер социальной и политической жизни: состояние экономики страны в целом, уровень жизни населения, моральное состояние общества, уровень межнациональной (межэтнической) напряженности, международное положение страны, ситуация в области прав и свобод, развитие демократии, борьба с коррупцией, законность и правопорядок, борьба с терроризмом, ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура), пенсионное обеспечение, ситуация в сфере культуры и искусства.

тивная деятельность организации Исламского государства (деятельность в РФ запрещена) на территории других государств, террористические акты в различных странах не только заставляют пересматривать интерпретацию традиционно-действенных парадигм и схем интерпретации мировой и публичной политики, но и ставят вопрос о пересмотре иерархии ценностей, как несущих конструкций современности, и внешнеполитических конфигураций. При этом именно позиция России как локомотива борьбы с терроризмом, ее предложения по консолидации усилий мирового сообщества, активные действия в направлении непосредственной борьбы с терроризмом определяют позитивные оценки и общественную поддержку всех религиозно-мировоззренческих групп. Это артикулируется и верховной властью: «...мы нанесли поражение уже практически побеждавшему на территории Сирии террористическому интернационалу и предотвратили возвращение, инфильтрацию в нашу страну и в соседние государства, с которыми у нас, кстати, нет визового режима, у нас прозрачные с ними границы, предотвратили инфильтрацию к нам сотен, а может быть, в дальнейшем тысяч вооруженных головорезов» [9]. Следует подчеркнуть, что проблема исламистской экстремистской угрозы не перерастает в российском обществе в исламофобию, скорее воспринимается как нечто внешнее и угрожающее всему российскому поликонфессиональному устройению, как политическая или глобальная угроза, чем как собственно религиозная.

Таким образом, оценки сложившейся ситуации в стране маркируют отчетливый запрос на необходимость перемен, что отражается в параметрах социально-политического и социально-психологического самочувствия. При этом религиозно-мировоззренческий фактор не оказывает существенного воздействия на оценку социально-политической ситуации, за исключением более оптимистических оценок у последователей ислама. Конкретизация данного сюжета отражается в распределении мнений в этих группах по вопросу о том, нужны ли стране существенные перемены, политические и экономические реформы, или важнее стабильность⁵. И если важнее реформы, то в каких именно областях.

Если обратиться к парным суждениям о выборе векторов политического развития, то иерархия приоритетных желательных для страны перемен выстраивается религиозно-мировоззренческими группами во многом сходно, хотя есть некоторые расхождения (табл. 2). Так, политические свободы для групп православных, внеконфессиональных верующих и атеистов (по 83–84%) представляются несколько более значимыми, чем для группы мусульман (74%). Социальные гарантии для групп православных и мусульман (78%

⁵ Среди воцерковленных православных – тех, кто в свободное время посещает церковь, религиозные службы (а таковых 12%), – наблюдается небольшой перевес мнений в пользу стабильности (55% против 45%). Это подтверждает стабилизирующий ресурс реальной религиозности.

и 75%) более важны, чем для групп внеконфессиональных верующих и атеистов (70–71%), поскольку в двух последних группах меньше доли тех, кому без господдержки не выжить. Так же и госконтроль над экономикой для православных и мусульман, как правило, более значим (72–73%) по сравнению с двумя другими группами (по 59%). Влияние граждан на принятие государственных решений в качестве приоритета указывают примерно по две трети в каждой из изучаемых групп.

Таблица 2 / Table 2

Какие Вы видите приоритеты для осуществления желательных для страны перемен? (один ответ в каждой паре суждений), % / What priorities do you see for the implementation of desirable changes for the country? (one answer in each pair of judgments), %

Пары суждений / Pairs of judgments	Все / Total	Православные / Orthodox	Мусульмане / Muslims	Верующие вне конфессий / Non-denominational believers	Атеисты / Atheists
Обеспечение политических свобод, честных выборов, права на митинги и демонстрации / Ensuring political freedoms, fair elections, the right to rallies and demonstrations	83	83	74	83	84
Временное ограничение в целях обеспечения стабильности в обществе политических прав и свобод граждан / Temporary restriction in order to ensure stability in society of political rights and freedoms of citizens	17	17	26	17	17
Расширение государством социальных гарантий граждан / Expansion of social guarantees of citizens by the state	76	78	75	70	71
Стимулирование личной ответственности, защита государством только социально уязвимых слоев населения / Stimulation of personal responsibility, protection by the state only socially vulnerable segments of the population	24	22	25	30	29
Усиление контроля государства над экономикой, развитие государственного планирования / Strengthening state control over the economy, development of state planning	69	73	72	59	59
Отказ от государственного вмешательства в экономику, развитие свободного рынка / Rejection of state intervention in the economy, the development of the free market	31	28	28	41	41
Повышение открытости органов власти, увеличение возможностей для влияния граждан на принятие важных государственных решений / Increasing the openness of authorities, increasing opportunities for citizens to influence important government decisions	68	69	65	69	64
Ограждение органов власти от некомпетентного влияния бизнеса, политических и общественных организаций и отдельных граждан / Protection of authorities from incompetent influence of business, political and public organizations and individuals	32	31	35	31	36
Укрепление централизованной власти, властной вертикали / Strengthening of centralized power, power vertical	57	59	54	55	46
Децентрализация власти, расширение прав региональных и муниципальных органов власти / Decentralization of power, empowerment of regional and municipal authorities	44	41	46	45	54
Преодоление острой конфронтации с Западом / Overcoming the acute confrontation with the West	54	53	53	59	58
Противостояние Западу, отстаивание независимости России при опоре на собственные силы / Opposing the West, defending Russia's independence while relying on its own forces	46	48	47	41	42

По поводу необходимости централизации/децентрализации власти явно-го консенсуса как внутри групп, так и между группами не наблюдается. Православные и, в несколько меньшей степени, мусульмане и внеконфессиональные верующие высказываются скорее за усиление властной вертикали (59 и 54–55%), в то время как атеисты скорее за децентрализацию (54%), впрочем, перевес мнений в ту и другую сторону невелик. Что касается отношений России с Западом, то стремление к преодолению конфронтации во всех четырех группах хоть немного, но перевешивает тягу к противостоянию; при этом внеконфессиональные верующие и атеисты проявляют несколько больше заинтересованности в мирном урегулировании конфликтов (58–59%), на фоне православных и мусульман (по 53%).

Таким образом, приоритетными политическими сферами для перемен для граждан России, вне зависимости от религиозно-мировоззренческой принадлежности, выступают внутривнутриполитические. Внешнеполитический вектор конфронтации или сотрудничества представляется определенным показателем традиционного деления российского общества. Запрос на перемены затрагивает области политических прав, открытость власти и возможности диалога с обществом, а также запрос на участие в решении проблем. Также следует отметить предъявляемый запрос на обеспечение государством атрибутивных функций, включая выражение общих интересов, обеспечение социальных гарантий, установление и обеспечение соблюдения четких правил игры.

Как видим, в обществе в целом и в религиозно-мировоззренческих группах в частности существует запрос на перемены, в том числе запрос на обеспечение политических свобод, честных выборов, права на митинги и демонстрации, а также увеличение возможностей для влияния граждан на принятие важных государственных решений. В связи с этим закономерен вопрос, в какой мере изучаемые группы готовы брать на себя ответственность и участвовать в общественной и политической жизни.

Большинство представителей каждой из групп за последний год (перед опросом) не принимали участия в деятельности каких-либо общественных движений, организаций. Если в группе мусульман таковых 61%, то в трех других группах социально пассивные респонденты составляют подавляющее большинство – 80–81%. Мусульмане оказываются более активными, по сравнению с православными, и в плане участия в деятельности религиозных организаций (10% мусульман и 1% православных).

В политической жизни за последний год мусульмане также проявляли себя более активно: не принимали в ней никакого участия только 32% представителей этой группы, на фоне 42% православных, 52% атеистов и 58% внеконфессиональных верующих – самой пассивной в политическом отношении группы. Самая распространенная форма политического участия представителей групп – голосование на выборах, из четырех групп наиболее активные избиратели фиксируются среди православных (51%), наименее ак-

тивныe – среди внеконфессиональных верующих (34%). На втором месте в рейтинге самых популярных форм политического участия для православных, атеистов (18–19%) и, в чуть меньшей степени, внеконфессиональных верующих (14%) – обсуждение политических событий с друзьями и коллегами. Для мусульман на втором месте в рейтинге помимо дискуссий также участие в избирательных кампаниях в роли наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т. п. (по 16–17%).

Наибольшей значимостью для анализа данной ситуации представляется то, что вне зависимости от религиозно-мировоззренческой ориентации граждане России наиболее расположены защищать экономические и социальные права граждан, нежели политические. Самым высоким протестным потенциалом среди религиозно-мировоззренческих групп обладают мусульмане⁶, что указывает на более активистский характер участия последователей ислама во всех формах возможного участия. Скорее всего, артикуляция политических требований не происходит в силу отсутствия политической субъектности, однако запрос на изменение политической системы и правил ее функционирования налицо. В условиях отсутствия институционализированных субъектов, способных стать драйверами перемен, закономерен вопрос: какая группа или общественный слой могли бы стать инициаторами или катализатором социально-политических изменений. Показателем консенсуса религиозно-мировоззренческих групп по данному вопросу: среди различных групп общества в переменах наиболее заинтересована молодежь, наименее – священнослужители [10].

Представленные положения подтверждаются и другими исследованиями. По данным исследования Фонда Карнеги и Левады-центра «Мы ждем перемен – 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения» 2019 года, 60% россиян считают, что необходимы перемены. Более половины согласились с тем, что перемены в нашей стране возможны «только при условии серьезных изменений политической системы». Лишь треть опрошенных выбрала вариант перемен «в рамках нынешней политической системы». Подобное распределение не говорит о полной готовности людей к смене власти. Однако оно означает, что внутри общества продолжает нарастать недовольство положением дел в стране. И эти настроения все чаще будут прорываться наружу, в том числе в виде различных протестных акций [11].

⁶ В пользу данных выводов свидетельствуют различия между группами в разнице тех, кто безусловно или скорее всего готов участвовать в массовых протестах, и тех, кто в той или иной мере не готов; а также различия в долях наиболее вероятных («безусловных») протестующих. Так, выражают безусловную готовность участвовать в массовых акциях в защиту демократических прав и свобод 25% мусульман, 5–7% православных и атеистов и 1% внеконфессиональных верующих; в защиту экономических и социальных прав граждан соответственно 22%, по 11 и 7% в этих группах.

Заключение

Если религиозный фактор не оказывает существенного влияния на запрос общества на политические изменения, это позволяет говорить о его неконфронтационном характере для внутривнутриполитических отношений и неважности при желаемом выборе социально-политического развития. Это еще раз подтверждает поликонфессиональный характер России как имманентное начало, не продуцирующее политические противоречия на уровне всего общества.

В рассматриваемых координатах запроса общества на внутривнутриполитические изменения справедливым представляется обращение к соотношению традиции и современности в представлениях о желаемом пути развития России сквозь призму религиозных интенций. Институциональные преобразования политической системы не могут рассматриваться в отрыве от ценностного контекста. Более того, ценности накладывают отпечаток не только на политическую культуру или способы политического участия, но и на нормативное наполнение и оценку деятельности власти и институтов. Фиксируемые социологическими исследованиями идейные воплощения желаемого будущего коррелируют с культурно-цивилизационными характеристиками [10], а также с запросом на социально-политические изменения. Поэтому в массовом сознании религиозно-мировоззренческих групп присутствуют представления о социально-политической структуре, основным критерием которой выступает социальная справедливость. Ее параметры связаны не только с доступом к базовым социальным благам, но также с равенством всех перед законом, обеспечением демократии и прав человека, что является прерогативой государства. В культурно-цивилизационной и геостратегической проекции восстановление статуса великой державы присутствует в массовом сознании не только как желаемый политический проект, но и наделяется новыми внутривнутриполитическими проекциями, также связанными с контекстами социальной справедливости (например, благосостояние и развитая наука). Последний сюжет, связанный с универсализирующим началом, превалирует над частными параметрами возвращения к национальным традициям и ценностям. Соответственно проекция России как особой цивилизации перекрывает возможности и либерально-западнического (вхождение в «общеевропейский дом», рынок и частная собственность), и русско-националистического характера («Россия для русских»)⁷.

Стабильность социального бытия во многом обеспечивается единством предпочтений, в том числе и приверженцев различных религиозно-мировоззренческих течений. Формируемый в российском обществе запрос на перемены не выявляет, несмотря на существующие дискуссии, конфлик-

⁷ Следует подчеркнуть, что различия между группами здесь в ряде случаев проявляются весьма отчетливо. Так, лозунги «общеевропейского дома» и свободного рынка существенно более значимы для респондентов-атеистов, тогда как «Россия для русских» – для православных [12].

тогенного или демаркационного воздействия религиозного фактора. В разрезе российской поликонфессиональности, наличия светских и религиозных идентичностей можно констатировать общность основных параметров социально-политического характера, демонстрирующих, что глубинных препятствий мировоззренческого характера для артикуляции общих интересов, направленных на социально-политические перемены или на консервацию, не существует.

Библиографический список

- [1] *Temptations of Power: Islamists & Illiberal Democracy in a New Middle East* / ed. by Shadi Hamid. Oxford and N-Y: Oxford University Press, 2015. 269 p.
- [2] *Узланер Д.А.* Религия и политика: неразрывный симбиоз? Обзор современных тенденций // *Россия в глобальной политике*. 2019. № 1. С. 10–24.
- [3] Комментарий Отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ в связи с публичным обращением ряда священнослужителей по фигурантам дела о задержанных в ходе протестов в Москве. 18.09.2019 // Официальный сайт Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского Патриархата. Режим доступа: <https://sinfo-mp.ru/kommentarij-otdela-po-vzaimootnosheniyam-czerkvi-s-obshhestvom-i-smi-v-svyazi-s-publichnym-obrashheniem-ryada-svyashhenoslužhitelej-po-figurantam-dela-o-zaderzhannyh-v-hode-protestov-moskve.html>. Дата обращения: 20.10.2019.
- [4] *Пронина Т.С.* Возрождение религиозных институтов в постсоветской России: структурно-функциональный анализ // *Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина*. 2018. № 3. С. 182–195.
- [5] Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 18-ю по Пятидесятнице после Литургии в Свенском Успенском мужском монастыре 20.10.2019 // *Русская Православная Церковь*. Официальный сайт Московского патриархата. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5516341.html>. Дата обращения: 21.10.2019.
- [6] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.10.2019 № 2683-О по жалобе местной религиозной организации Церковь евангельских христиан-баптистов «Примирение» города Йошкар-Олы Республики Марий Эл на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 2 и 3 статьи 8 и пунктом 3 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250011>. Дата обращения: 20.10.2019.
- [7] Адвокат Сергей Чугунов: Конституционный Суд РФ признал законным расширение территориальной сферы деятельности религиозной организации при осуществлении миссионерской деятельности // Сетевое издание «Религия и право». 29.10.2019. Режим доступа: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=514&ELEMENT_ID=8162. Дата обращения: 02.11.2019.
- [8] *Российское общество и вызовы времени*. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
- [9] Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 03.20.2019 // Официальный сайт Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719>. Дата обращения: 01.10.2019.
- [10] Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» // Официальный портал Института социологии РАН. Режим доступа: https://www.isras.ru/rezume_ros_obschestvo_osen_2018. Дата обращения: 20.10.2019.

- [11] Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен – 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения // Московский центр Карнеги. Ноябрь 2019. Режим доступа: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273>. Дата обращения: 20.10.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 14.11.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21

Research article

Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-political Preferences

M.M. Mchedlova¹, E.N. Kofanova²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

^{1,2}Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovsky Str., 24/35, build. 5, Moscow, Russian Federation, 117218

Abstract. The religious factor is now at the focus of theoretical and public discussions, addressing the issues of understanding and evaluation of its manifestation forms in various spheres of society: intra-Church, private, public and political. Numerous research focuses account for the variability of interpretations of how the religious factor impacts the political process, in Russia among other countries. The political connotations of the religious factor in relation to the domestic political sphere imply identification of its impact on the nature of socio-political demands, assessment of the situation in the country, visions of development, unity or demarcation lines in public consciousness and behavior. Demand for change in Russian society is shared by all religious and ideological groups, which is confirmed by sociological studies. This demand manifests itself in a plea to reform the political system to achieve greater openness on the one hand, and provide social guarantees, as well as ensure efficient institutional functioning, on the other. The issue of political subjectivity and readiness for certain actions demonstrates unequal activism among representatives of various religious and ideological groups. Filling the image of the desired future with the meanings of social justice related not only to common access to basic social benefits, but also to equality of all before the law, ensuring democracy and human rights, as well as universal geopolitical meaning, confirms the shared nature of the main socio-political parameters. These parameters demonstrate that there are no deep ideological obstacles on the way to articulation of common interests, which are aimed at socio-political changes or maintaining traditional foundations. In the context of Russian multi-religious society, which coexists with secular identities, the conclusion above is of key importance for ensuring social consolidation. The article is based on data from a nationwide representative survey of the Institute of Sociology 2018 (No. 4000), in which the authors personally participated.

Key words: religion, politics, religious and ideological groups, changes, justice, political system, political participation, socio-political preferences, image of the future, Russia

References

- [1] *Temptations of Power: Islamists & Illiberal Democracy in a New Middle East*. Ed. by Shadi Hamid. Oxford and N-Y: Oxford University Press.; 2015. 269 p.

- [2] Uzlaner D. Religion and Politics: An Unbreakable Symbiosis? A Review of Current Trends. *Russia in Global Affairs*. 2019; 1–19: 10–24. Available from: <https://eng.globalaffairs.ru/book/Religion-and-Politics-An-Unbreakable-Symbiosis-20147>. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).
- [3] Comment of the Department for relations of the Church with society and the media in connection with the public appeal of a number of priests on the defendants in the case of detainees during the protests in Moscow. *Official website of the Synodal Department for Church-society and media relations of the Moscow Patriarchate*. 18.09.2019. Available from: <https://sinfo-mp.ru/kommentarij-otdela-po-vzaimootnosheniyam-czerkvi-s-obshhestvom-i-smi-v-svyazi-s-publichnym-obrashheniem-ryada-svyashhennosluzhitelej-po-figurantam-dela-o-zaderzhannyh-v-hode-protestov-moskve.html>. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).
- [4] Pronina T.S. Revival of Religious Institutions in Post-Soviet Russia: Structural and Functional Analysis. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2018; 3: 182–195 (In Russ.).
- [5] The word of his Holiness Patriarch Kirill in the week of the 18th Pentecost after the Liturgy in the Svensk assumption monastery 20.10.2019. *Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarchate*. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5516341.html>. Accessed: 21.10.2019 (In Russ.).
- [6] The definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 10.10.2019 No. 2683-O on the complaint of a local religious organization Church of Evangelical Christians-Baptists “Reconciliation” of the city of Yoshkar-Ola of the Mari El Republic on the violation of constitutional rights and freedoms by paragraphs 2 and 3 of article 8 and paragraph 3 of article 24.2 of the Federal law “On freedom of conscience and on religious associations” and paragraph 4 of article 5.26 of the Code of the Russian Federation about administrative offences. *Official Internet portal of legal information. State system of legal information*. Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250011>. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).
- [7] Lawyer Sergey Chugunov: The Constitutional Court of the Russian Federation has recognized the legal expansion of the territorial sphere of activity of a religious organization in the implementation of missionary activities. *Religion and Law*. Online edition. 29.10.2019. Available from: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=514&ELEMENT_ID=8162. Accessed: 02.11.2019 (In Russ.).
- [8] *Russian Society and Challenges of the Time*. Book Five. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Izdatelstvo VES MIR; 2017. 424 p. (In Russ.).
- [9] Vladimir Putin spoke at the final plenary session of the XVI session of the Valdai international discussion club. *Official website of the President of Russia*. 03.20.2019. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719>. Accessed: 01.10.2019 (In Russ.).
- [10] Information and analytical summary based on the results of the all-Russian sociological study “Russian Society in Autumn 2018: Worries and Hopes”. *Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences*. Official website. Available from: https://www.isras.ru/rezюме_ros_obschestvo_osen_2018. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).
- [11] Kolesnikov A., Volkov D. We are Waiting for Changes-2. Why and How the Demand for Radical Changes is Formed. *Carnegie Moscow Centre*. November 2019. Available from: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273>. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 14.11.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторах:

Мчедлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ORCID ID: 0000-0002-4635-1741) (e-mail: mchedlova_mm@rudn.ru).

Кофанова Елена Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: elena_kofanova@mail.ru).

Information about the authors:

Maria M. Mchedlova – Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Chief Researcher of the Center “Religion in Contemporary Society”, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-4635-1741) (e-mail: mchedlova_mm@rudn.ru).

Elena N. Kofanova – PhD in Social Sciences, Senior Researcher of the Center “Religion in Contemporary Society”, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (e-mail: elena_kofanova@mail.ru).

Для цитирования:

Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 7–21. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21

For citation:

Mchedlova M.M., Kofanova E.N. Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-political Preferences. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 7–21. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА CONTEMPORARY POLITICS OF IRAN

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31

Научная статья

Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане

Е.Г. Гарбузарова

Кыргызско-Российский Славянский университет
Ул. Киевская 44, Бишкек, Кыргызстан, 720000

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о применении инструментов «мягкой силы» Ирана в отношении Кыргызстана. Анализ эволюции концептуальных основ внешней политики Ирана в Центральной Азии позволил проследить смену приоритетов во внешнеполитических действиях исламской республики в регионе. Объективная логика подтолкнула руководство Ирана перейти от модели «экспорта исламской революции» к прагматичной модели реализации своих национальных интересов. Иран последовательно инкорпорировал инструменты «мягкой силы» в свою внешнеполитическую деятельность в Центральной Азии. Учитывая санкционное давление со стороны США, руководство Ирана особое значение придает повышению эффективности своей «мягкой силы» с целью расширить горизонты сотрудничества с внешним миром. К концу XX в. руководство Ирана уже заложило основы своей культурной дипломатии в регионе для продвижения влияния на основе экспорта культурных ценностей. Иранский подход к «мягкой силе» в мировой политике основывается на равноправном диалоге между различными цивилизациями, на принципе мирного сосуществования всех стран и народов. Через персидский язык, философию, литературу и поэзию Иран оказывает воздействие на население Центрально-Азиатского региона, преимущественно имеющего сходство с народами тюркоязычного мира. Отмечается динамика культурно-образовательной деятельности Ирана в Кыргызстане, где в распространении «мягкой силы» исламской республики задействованы культурные институты и реализуются образовательные проекты. Несмотря на то, что Кыргызстан больше тяготеет к тюркскому миру, практика показывает, что культурные ценности Ирана также находят поддержку среди населения республики.

Ключевые слова: «мягкая сила», Центральная Азия, Иран, Кыргызстан, культурная дипломатия

© Гарбузарова Е.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В современном мире каждое государство уделяет пристальное внимание использованию инструментов «мягкой силы» в своей внешней политике, пытаясь сформировать о себе положительный образ и расширить горизонты своего несилового влияния. «Мягкая сила» – это совокупность привлекательных факторов, позволяющих государству создать благоприятное впечатление о себе и повысить авторитет на международной арене. «Мягкая сила» является неотъемлемой частью публичной дипломатии, последняя, в свою очередь, стремится сформировать положительный образ того или иного государства не столько в глазах правящей элиты, сколько в сознании широких масс населения. По мнению российского ученого М.А. Неймарка, эффективность «мягкой силы» зависит не столько от целенаправленной политики государства-субъекта, сколько от опосредованного влияния объективных и субъективных условий и результатов развития его общественно-политической системы, экономических достижений и степени их привлекательности для общества стран-объектов данного влияния [1. С. 49]. Следовательно, достижение успеха в использовании «мягкой силы» не столько зависит от форсированного ее продвижения, сколько от того, что представляет собой государство-субъект и какую роль играет в современном мире. Несмотря на объективный характер «мягкой силы», любое современное государство прилагает значительные усилия для формирования своего благоприятного имиджа за рубежом. Эффективное использование инструментов «мягкой силы» обретает особую актуальность в условиях санкционной политики, которую государства Запада проводят в отношении Ирана. В таких условиях внешнеполитические возможности Ирана довольно ограничены. Именно «мягкая сила» обладает необходимым потенциалом, чтобы «расширить привычный коридор внешнеполитических возможностей государств» [2. С. 190].

Результаты исследования

После распада СССР Иран стал присматриваться к Центральной Азии, проявляя стремление к региональному лидерству и проецируя свою систему ценностей на сотрудничество с республиками. Начавшееся постепенное возрождение ислама и рост религиозных настроений в регионе отвечали политико-идеологическим интересам Ирана. Меняющаяся конфигурация религиозных приоритетов центральноазиатских государств позволяла руководству Ирана надеяться на наращивание геополитического, культурного и исламского присутствия в регионе. Предполагалось, что новая духовная основа, сформированная под воздействием идей мусульманского братства, ориентирует народы Центральной Азии в сторону Ирана, который будет рассматриваться как авторитетный центр исламского мира [3]. Однако к началу 1990-х гг. к руководству Ирана пришло осознание, что внешнеполитические цели страны нуждаются в корректировке. В тот исторический момент про-

изошла трансформация принципов во внешней политике Ирана и переход от идеи «экспорта исламской революции» к «прагматизму и отстаиванию национальных интересов иранского государства» [4]. По справедливому замечанию иранского ученого А. Хашема, «налаживая отношения с республиками ЦАР, в Тегеране отдавали себе отчет в том, что политика пропаганды исламского фундаментализма или экспорта исламской революции совершенно неаппетитна» [5]. Руководство Ирана прекрасно понимало, что в случае транзита исламского фундаментализма в светские государства региона существует опасность дестабилизации обстановки. Политические элиты Центральноазиатских государств настороженно относились к Ирану и исключали вариант развития своей государственности по иранской модели. В фокусе их интересов с Тегераном было развитие сотрудничества исключительно в экономической плоскости, а также заинтересованность в открытии через иранскую территорию доступа к морям.

До начала XXI в. в государствах Центральной Азии существовало опасение, что Иран намерен экспортировать в регион «исламскую революцию». В 1990-е гг. подозрение против Ирана относительно его целей распространить шиитский политический ислам в регионе подогревалось информацией о том, что власти Ирана финансировали Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) и косвенно участвовали в свержении режима Рахмона Набиева [6]. При этом Иран всегда отрицал свое участие в гражданской войне в Таджикистане, оценивая ее больше как клановую, а не религиозную по характеру.

С момента образования независимых государств в Центральной Азии Иран продвигает свои культурные ценности в регион в надежде стать одним из центров притяжения. После революции в Иране в 1979 г., когда произошел отказ от западных идеалов, в стране начал складываться тренд на формирование самобытной исламской культуры. К концу XX в. в Иране уже была сформулирована концепция культурной дипломатии, одним из главных элементов которой стала популяризация фарси [7]. Таким образом, в 1990-е гг. были заложены основы культурной дипломатии Ирана, базовые принципы которой стали движущей силой культурно-политической активности Ирана в Центральной Азии. Посредством языка, философии и поэзии, укоренившихся в истории и сознании соседних народов, Иран надеялся стать частью будущей культурно-политической и экономической общности сопредельных стран [8. С. 82–83]. «Мягкая сила» Ирана, отражающая идентичность этой древней цивилизации, подразумевает налаживание тесного сотрудничества с государствами Центральной Азии. В этом случае объединяющим фактором должна выступить культура, способствующая повышению интереса к Ирану.

Образ Ирана в глазах мировой общественности стал постепенно меняться после того, как экс-президент Ирана М. Хатами предложил объявить 2001-й год Годом диалога цивилизаций. Внешнеполитическая концепция М. Хатами, опирающаяся на равенство и культурное разнообразие, отстаивала принцип

мирного сосуществования всех стран и народов, а также предлагала модель исламской цивилизации в качестве альтернативы вестернизации. Иран своего рода озвучил призыв к необходимости перестроить существовавший однополярный мир и предложил новую парадигму международных отношений, архитекторами которой должны были выступить не только политики, но и ученые, философы, художники [9. С. 49]. В соответствии с новыми внешнеполитическими ориентирами Иран стал развивать сотрудничество с государствами Центральной Азии, и уже в 2002 г. президент Ирана М. Хатами совершил турне по всем государствам региона. Например, в Кыргызстане президент Ирана присутствовал на церемонии открытия Центра иранистики и исламоведения при Бишкекском гуманитарном университете [10].

В XXI в., отказавшись от экспорта «исламской революции» в Центрально-Азиатский регион, руководство Ирана сделало ставку на культурное и образовательное направление, которые стали преобладающими в сотрудничестве Ирана и государств Центральной Азии. При этом в культурной дипломатии Ирана в регионе отчетливо прослеживается религиозная составляющая, так как исламский фактор, лежащий в основе выбранной Ираном стратегии расширения своего влияния в регионе, выступал и выступает главным образом в качестве фона для распространения и популяризации памятников иранских культурных традиций [11]. На первых порах, используя инструменты «мягкой силы», Иран сфокусировался на Таджикистане, имеющем культурное и лингвистическое сходство с Ираном. Из всех республик региона именно Таджикистан исторически и духовно ближе к Ирану. В последующем диапазон распространения «мягкой силы» Ирана расширился на другие центральноазиатские республики, с которыми Тегеран налаживал взаимодействие по широкому кругу вопросов от торгово-экономического сотрудничества до совместного участия в интеграционных структурах – Организации экономического сотрудничества (ОЭС), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) [12].

На современном этапе ислам все больше становится доминирующей религией в государствах Центральной Азии. Можно предположить, что в перспективе ислам станет ключевым фактором, определяющим национальное развитие центральноазиатских республик. На фоне этого возникает вопрос о роли Ирана в политике центральноазиатских государств и шансах получить исламской шиитской стране стратегическое преимущество в регионе через механизмы «мягкой силы». С одной стороны, позиции Ирана могут укрепиться в регионе благодаря усилению влияния ислама на внутривнутриполитические процессы в республиках, с другой – амбиции Ирана могут вступить в конфронтацию с религиозными интересами других исламских внешних игроков, приверженцев суннитского направления в исламе, таких как Саудовская Аравия, Турция и т.д. В экспертном сообществе считают, что у Ирана мало шансов выйти на более высокий уровень сотрудничества с центральноазиатскими государствами, принадлежащими тюркскому миру. По мнению С.А. Мутова, «ирано-кыргызские отношения никогда не отличались особой

динамикой, а экономическое и культурное присутствие Ирана в республике заметно уступает российскому, китайскому и даже турецкому» [13. С. 14]. Подобного рода высказывания стали доминирующей моделью суждений и прочно вошли в политический дискурс экспертного сообщества. Однако в действительности в последние несколько лет ситуация стала меняться и Иран на базе культурного и образовательного ресурса постепенно становится важным фактором в Кыргызстане. Фундаментом для распространения «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане служат различные культурные и образовательные центры, цель которых познакомить население страны с иранскими культурными ценностями: язык, музыка, поэзия и т.д.

Для Кыргызстана Иран является довольно привлекательным государством преимущественно с экономической точки зрения и транспортно-коммуникационных возможностей. Взаимодействие между Кыргызстаном и Ираном началось в 1992 г., когда страны установили дипломатические отношения. В религиозном аспекте между Кыргызстаном и Ираном мало общего. Подавляющее большинство населения Ирана являются шиитами, тогда как в Кыргызстане мусульмане исповедуют ислам суннитского толка. Около 80% мусульман Кыргызстана относятся к последователям ханафитского мазхаба, тогда как шиитов насчитывается около 15 тыс. человек. В Кыргызстане открыта единственная мечеть для шиитов – мечеть Имама Али. Несмотря на эти различия, существует ряд консолидирующих факторов между суннитами и шиитами – общие для всех мусульман святыни Мекка и Медина. Кроме того, шииты в своих религиозных ритуалах используют не персидский язык (фарси), а арабский, что также объединяет их с суннитами [14].

В период президентства М. Ахмадинежада (2005-2013 гг.) Иран, оказавшись под санкциями Запада, стремился прорвать внешнеполитическую блокаду за счет установления контактов с центральноазиатскими государствами [15. С. 54]. Долгое время активность Ирана в Кыргызстане сковывала американская база, дислоцированная в аэропорту Манас. Существовали опасения, подогреваемые информацией в СМИ, что база в Манасе может быть использована для нанесения авиаударов по Ирану. В 2014 г. власти Кыргызстана приняли решение закрыть американскую базу на своей территории. В 2015 г. открылась новая веха в истории кыргызско-иранских отношений, когда экс-президент А. Атамбаев прибыл в Иран с официальным визитом. По итогам встречи президента Кыргызстана с политическим лидером Ирана было подписано несколько документов, среди которых Программа культурного обмена между Министерством культуры и исламской ориентации ИРИ и Министерством культуры, информации и туризма КР на 2017–2020 г. В документе отмечается, что обе стороны будут укреплять сотрудничество в сфере искусства, кинематографии, библиотечных и музейных услуг и прилагать усилия для сохранения объектов историко-культурного наследия [16]. С этого момента Иран стал придавать большое значение своей «мягкой силе» в Кыргызстане, эффективность которой особо заметна в культурной и образовательной сферах. Особой вехой в сотрудничестве Ирана и Кыргызстана

стал официальный визит главы Ирана Х. Роухани в Кыргызстан в 2016 г. Во время своего визита Х. Роухани отметил, что «мы (Руководство Ирана. – *Прим. авт.*) всегда считали кыргызский народ дружественным, с которым у нас единая цивилизация» [17]. В рамках визита были затронуты вопросы торгово-экономического сотрудничества, региональной безопасности и культурной кооперации.

Большая роль в популяризации исламских ценностей Ирана принадлежит Культурному представительству Ирана, открытому при Посольстве ИРИ в КР. Любое культурное мероприятие проходит при участии представителей данной структуры. Так, в 2018 г. Культурное представительство Ирана в Кыргызстане организовало Неделю иранского кино в Бишкеке, посвященную 40-летию Победы Исламской революции в Иране. Культурное представительство Ирана в Кыргызстане открыло свою собственную страничку в Facebook с целью расширить целевую аудиторию через социальные сети.

Ресурсы «мягкой силы» Ирана фокусируются в Кыргызстане в культурно-образовательной сфере. Диапазон использования этих ресурсов условно можно рассмотреть в трех направлениях.

Во-первых, большую роль в популяризации иранской истории, культуры, языка играют созданные при поддержке Ирана центры иранистики и персидского языка в университетах Кыргызстана. На сегодняшний день такие культурно-образовательные центры открыты в Кыргызско-Российском Славянском университете (центр иранистики), в Бишкекском гуманитарном университете (центр исламоведения и иранистики), в Дипломатической академии МИД КР (центр иранистики и персидского языка). Открывая культурно-образовательные центры в ведущих вузах Кыргызстана, Иран берет на себя обязательства обеспечить данные центры необходимой материально-технической базой, включая не только специальное оборудование, но и необходимую литературу по изучению фарси, истории и культуры Ирана, учебные и справочные материалы. Культурное представительство Ирана в Кыргызстане организует перевод фундаментальных трудов по исламу на кыргызский язык [18].

Во-вторых, запущен механизм по обмену студентами между вузами Кыргызстана и Ирана, организовываются курсы повышения квалификации преподавателей, постепенно в учебную программу вузов внедряют персоязычные курсы. Например, при поддержке Культурного представительства Ирана на базе Бишкекского гуманитарного университета проводятся курсы повышения квалификации преподавателей персидского языка. Кроме того, в 2017 г. Иран предоставил студентам вузов Кыргызстана 4 образовательных гранта. В этом же году в столице Ирана был заключен договор о совместных образовательных программах между ассоциациями социальных работников Кыргызстана и Ирана. В начале 2019 г. стартовал проект международного специального курса «Философия на персидском языке» в Международном университете Кыргызстана. Целью курса является обучение студентов персоязычной философии на языке оригинала.

В-третьих, в перспективе Иран планирует открыть культурные центры и в других университетах Кыргызстана. В сентябре 2017 г. посол Ирана в Кыргызстане посетил Кыргызский национальный университет (КНУ). По итогам встречи с ректором КНУ была достигнута договоренность об открытии Иранского культурного центра на базе данного вуза.

Большую роль в продвижении привлекательного образа Ирана в Кыргызстане играет новостной портал, созданный на доменном расширении Кыргызстана [19]. Этот портал освещает важные события, происходящие в Иране в области политики, экономики, культуры и т.д. На сайте можно ознакомиться с представленной информацией на трех языках – кыргызском, русском, фарси. Цель данного портала – информировать общественность Кыргызстана о событиях, происходящих во внешней и внутренней политике Ирана через призму видения этих процессов официальными иранскими властями.

Заключение

Активная культурно-образовательная деятельность представителей Ирана в Кыргызстане отражает возросший интерес этой исламской страны к наращиванию своих возможностей в республике. Несмотря на близость именно к тюркскому, а не персоязычному миру, культурные инициативы Ирана получают поддержку и востребованность в Кыргызстане. В первые два десятилетия после распада СССР усилия Ирана по укреплению своих стратегических позиций в Кыргызстане носили по большей части статичный характер. Однако в последнее время в новых политических реалиях и с учетом новейших тенденций в мировой политике Иран, опираясь на инструменты «мягкой силы», постепенно усиливает свою политико-идеологическую активность в республике. Думается, что в перспективе Иран будет увеличивать культурный потенциал своего воздействия в Кыргызстане с целью формирования своего позитивного образа и распространения своих ценностей.

Библиографический список

- [1] *Неймарк М.А.* «Мягкая сила» в мировой политике. М., 2017. 272 с.
- [2] *Неймарк М.А.* Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (30). С. 184–201.
- [3] *Месамед В.* Иран: 10 лет в постсоветской Центральной Азии. Режим доступа: https://ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/04.mesru.shtml. Дата обращения: 11.10.2019.
- [4] *Хандогин К.* Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ 1990-х гг. // Власть. 2011. № 11. С. 167–169.
- [5] *Месамед В.* Политика Ирана в Центральной Азии: иллюзии и реальность // Интернет-газета *Zona.kz*. 19.10.2001. Режим доступа: <https://zonakz.net/2001/10/19>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [6] *Peyrouse S.* Iran's Growing Role in Central Asia? Geopolitical, Economic and Political Profit and Loss Account // AlJazeera Centre for Studies. 04.01.2014. Режим доступа: <http://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2014/04/2014416940377354.html>. Дата обращения: 11.10.2019.

- [7] *Торин А.* Исламская революция в Иране и современная внешняя политика стран Востока // *Международная жизнь*. 16.02.2017. Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/16923?show_desktop_mode=true. Дата обращения: 11.10.2019.
- [8] *Кляшторина В.Б.* Иранская концепция диалога культур: научный и политический аспект // *Иран: диалог цивилизаций: материалы конференции*. М.: Муравей, 2003. 112 с.
- [9] *Курьлев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А.* «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // *Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки*. 2017. № 2. С. 46–55.
- [10] В Бишкек прибывает Хатами. Будут открыты центры: торговли, иранистики и исламоведения // *ЦентрАзия*. 28.04.2002. Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1019941920>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [11] *Parkhomchik L.* Modification of Iran's Foreign Policy Orientation in Central Asia // *САВАР*. 25.08.2016. Режим доступа: <https://cabar.asia/en/lidiya-parkhomchik-modification-of-iran-s-foreign-policy-orientation-in-central-asia>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [12] *Звягельская И.* В поисках точки опоры: Иран в Центральной Азии // *РСМД*. 12.11.2014. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-roiskakh-tochki-opory-iran-v-tsentralnoy-azii/>. Дата обращения 11.10.2019.
- [13] *Муттов С.А.* Центральная Азия в политике мусульманского мира: автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 24 с.
- [14] *Кобищанов Ю.* Шииитское содружество народов // *НГ религии*. 07.09.2016. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2016-09-07/6_shiit.html. Дата обращения: 11.10.2019.
- [15] *Мальшиева Д.* Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // *Россия и новые государства Евразии*. 2017. № 3 (36). С. 46–58.
- [16] Программа обмена по культуре и в сфере искусства между Министерством культуры, информации и туризма Кыргызской Республики и Министерством культуры и исламской ориентации Исламской Республики Иран на 2017-2020 годы. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35125451#pos=0;20. Дата обращения: 11.10.2019.
- [17] Роухани: с кыргызским народом у нас единая цивилизация // *Sputnik Кыргызстан*. 20.05.2017. Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/politics/20161223/1030934659/atambaev-i-rouhani-vstretilis-v-bishkeke.html>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [18] Формирование движения по возвращению в Ислам в Кыргызстане // *Международное агентство новостей Коран (ИКНА)*. Режим доступа: <http://iqnanews.ru>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [19] Новостной портал Ирана. Режим доступа: https://iran.kg/index.php?action_skin_change=yes&skin_name=far-far. Дата обращения: 11.10.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 01.11.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31

Research article

Iran's Soft Power Tools in Kyrgyzstan

E.G. Garbuzarova

Kyrgyz-Russian Slavic University
44 Kievskaya Str., Bishkek, Kyrgyzstan, 720000

Abstract. The article examines the use of “soft power” tools used by Iran in relation to Kyrgyzstan. The analysis of the evolving fundamental concepts of Iranian foreign policy in Central

Asia allowed us to trace a shift in the Islamic Republic's international priorities in the region. Objective logic prompted the Iranian leadership to move from "exporting the Islamic revolution" to the pragmatic model of pursuing its national interests. Iran has consecutively incorporated soft power tools into its foreign policy activities in Central Asia. Given the pressure from the sanctions imposed by the United States, Iran attaches particular importance to improving the effectiveness of its soft power in order to expand cooperation horizons with the outside world. By the end of the 20th century, Iran's leadership had already laid the foundations of its cultural diplomacy in the region, which mainly served to promote influence through the export of cultural values. The Iranian approach to soft power in world politics is based on the principles of reciprocity between different civilizations and peaceful coexistence of all countries and peoples. Through the Persian language, philosophy, literature and poetry, Iran influences the population of the Central Asian region, mainly the peoples sharing certain features with the Turkic-speaking world. Iran's cultural and educational activities in Kyrgyzstan have demonstrated noticeable dynamics: the spread of soft power of the Islamic Republic of Iran in Kyrgyzstan is carried out through cultural institutions and educational projects. Despite the fact that Kyrgyzstan is culturally more inclined towards the Turkic world, the experience shows that Iran's cultural values also find support among the population of the republic.

Key words: "soft power", Central Asia, Iran, Kyrgyzstan, cultural diplomacy

References

- [1] Neymark M. A. "Soft Power" in World Politics. Moscow; 2017. 272 p. (In Russ.).
- [2] Neymark M.A. Before Strategic Choice: New Imperatives of World Politics. *Problems of Post-Soviet Space*. 2017; 4 (30): 184–201 (In Russ.).
- [3] Mesamed V. *Iran: 10 Years in Post-Soviet Central Asia*. Available from: https://cac.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/04.mesru.shtml. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [4] Khandogin K. Evolution of the Islamic Revolution Export Concept in the Context of Iran's Foreign Policy in the 1990s. *Vlast'*. 2011; 11: 167–169 (In Russ.).
- [5] Mesamed V. Iran's Policy in Central Asia: Illusions and Reality. *Zona.kz*. 19.10.2001. Available from: <https://zonakz.net/2001/10/19>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [6] Peyrouse S. Iran's Growing Role in Central Asia? Geopolitical, Economic and Political Income Statement. *AlJazeera Centre for Studies*. 04.01.2014. Available from: <http://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2014/04/2014416940377354.html>. Accessed: 11.10.2019.
- [7] Torin A. The Islamic revolution in Iran and Contemporary Foreign Politics of the East. *International Affairs*. 16.02.2017. Available from: https://interaffairs.ru/news/show/16923?show_desktop_mode=true. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [8] Klyashtorina V.B. Iranian Concept of Dialogue of Cultures: Scientific and Political Aspect. *Iran: Dialogue of Civilizations*. Conference proceedings. Moscow: Ant; 2003. 112 p. (In Russ.).
- [9] Kurylev K.P., Nikulin M.A., Goncharova A.A. "Soft power" of Cultural Diplomacy of the Islamic Republic of Iran. *Vestnik MGOU. Series: History and Political Science*. 2017; 2; 46–55 (In Russ.).
- [10] Khatami Arrives in Bishkek. Centers of Trade, Iranian Studies and Islamic Studies Will be Opened. *CentrAsia*. 28.04.2002. Available from: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1019941920>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [11] Parkhomchik L. Modification of Iran's Foreign Policy Orientation in Central Asia. *CABAR*. 25.08.2016. Available from: <https://cabar.asia/en/lidiya-parkhomchik-modification-of-iran-s-foreign-policy-orientation-in-central-asia>. Accessed: 11.10.2019.
- [12] Zvyagelskaya I. In Search of a Fulcrum: Iran in Central Asia. *RIAC*. 12.11.2014. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-poiskakh-tochki-opory-iran-v-tsentralnoy-azii/>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [13] Mutov S.A. *Central Asia in the Politics of the Muslim World*. The author's abstract of a PhD thesis in political sciences. Moscow; 2011. 24 p. (In Russ.).

- [14] Kobischanov Yu. Shia Community of Peoples. *NG religions*. 07.09.2016. Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2016-09-07/6_shiit.html. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [15] Malysheva D. International-political Interaction of Central Asian States with Turkey and Iran. *Russia and the New States of Eurasia*. 2017; 3 (36): 46–58 (In Russ.).
- [16] *Culture and arts exchange program between the Ministry of culture, information and tourism of the Kyrgyz Republic and the Ministry of culture and Islamic orientation of the Islamic Republic of Iran for 2017-2020*. Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35125451#pos=0;20. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [17] Rouhani: We Have a Common Civilization with the Kyrgyz People. *Sputnik Kyrgyzstan*. 20.05.2017. Available from: <https://ru.sputnik.kg/politics/20161223/1030934659/atambaev-i-rouhani-vstretilis-v-bishkeke.html>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [18] Formation of a movement to return to Islam in Kyrgyzstan. *International Quran News Agency (IQNA)*. Available from: <http://iqnaneews.ru>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [19] *Iran News portal*. Available from: https://iran.kg/index.php?action_skin_change=yes&skin_name=far-far. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 01.11.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Гарбузарова Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского университета (Кыргызстан) (ORCID ID: 0000-0003-3481-4363) (e-mail: play_elenag@mail.ru).

Information about the author:

Elena G. Garbuzarova – PhD in History, Associate Professor of Political Science Department, Kyrgyz-Russian Slavic University (Kyrgyzstan) (ORCID ID: 0000-0003-3481-4363) (e-mail: play_elenag@mail.ru).

Для цитирования:

Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 22–31. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31

For citation:

Garbuzarova E.G. Iran's Soft Power Tools in Kyrgyzstan. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 22–31. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48

Научная статья

Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы

Ф. Атрисангари

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Любое решение, которое принимается во внешней политике той или иной страны, формируется на основе определенных принципов и норм, которые определяют идентичность и роль этой страны в мире. Нормы, лежащие в основе идентичности Исламской Республики Иран, являются многообразными, однако ни одна из этих норм целиком не довлечет над внешней политикой этой страны. Иран как страна, расположенная внутри сразу нескольких стратегических регионов или по соседству с ними, демонстрирует в каждом из этих регионов различное внешнеполитическое поведение, опирающееся на различные нормы. Например, внешняя политика Ирана в Закавказье определяется принципами и нормами, которые в одних случаях аналогичны принципам и нормам, формирующим иранскую внешнюю политику в западной части Азии, а в других случаях отличаются от них. Эти образцы поведения могут объясняться двумя понятиями: идентичностью и национальными интересами. Настоящая работа посвящена определению роли идентичности при определении национальных интересов Ирана в Закавказье и рассматривает внешнюю политику Ирана в указанном регионе именно в этих рамках. В то же время данная статья частично посвящена изучению вызовов, связанных с принципами и нормами, определяющими внешнюю политику, а также выявлению недостатков внешней политики Ирана в регионе Закавказья.

Ключевые слова: идентичность, внешняя политика Ирана, конструктивизм, национальные интересы, Южный Кавказ

Введение

Идентичность – это ключевое понятие в определении внешней политики стран. Поскольку идентичности формируют интересы и действия акторов, их правильное понимание имеет большое значение для анализа внешней политики и поведения акторов на международной арене.

Идентичность означает относительно устойчивое понимание, опирающееся на присущие тому или иному актору конкретные роли и ожидания других акторов. Поэтому она представляет собой относительное понятие [1]. По мнению Александра Вендта, социальные идентичности проявляются в

© Атрисангари Ф., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

той или иной конкретной форме в зависимости от других акторов, так что формируют определенные интересы, а также политические решения. Тот факт, относятся ли к «другому» как другу, сопернику или врагу, создает большую разницу во взаимодействии между ними [2]. Несмотря на это, в прагматизме и конструктивизме отрицается восприятие идентичности и интересов как очевидных и заранее определенных вещей, потому что они представляют собой предметы, создаваемые людьми, а потому можно создавать их иным образом [3].

Конструктивисты устанавливают связь между идентичностью и интересами тремя способами. Во-первых, сущностные национальные интересы государства создают цели, выигрыши и блага, к которым стремится государство; во-вторых, конкретные убеждения, которые коренятся в идентичности игроков, помогают определить ситуации, в которых формируются действия, направленные на дополнение этих интересов, что оказывает влияние на определение приоритетов государства по поводу специфических вариантов поведения; в-третьих, они включают в себя конкретные «идентичности», правила и практики, которые четко определяют, какая из стратегий должна получить приоритетный характер. Конечно, они могут накладывать ограничения также на выбор конкретных вариантов внешнеполитического поведения [1].

Идентичность государства создает для него в рамках упорядоченной структуры определенные интересы, которые, в свою очередь, формируют действия и поведение государства. Каждое государство определяет интересы в соответствии со своей ролью и статусом, изменение в котором может вызвать размывание идентичности и неопределенность государственных интересов, что проявляется также и во внешнеполитическом поведении.

Принимая во внимание вышесказанное, чтобы провести анализ и компаративное изучение внешней политики стран на уровне какого-либо региона, нужно учитывать определенные параметры и рассматривать на их основе внешнюю политику. Эти параметры испытывают на себе влияние со стороны понятия идентичности и формулируются с учетом двух критериев: во-первых, влияния идентичности на восприятие своей самости, а вслед за тем и восприятие «другого», а во-вторых, влияния этого восприятия на характер действий государства в регионе. В данной работе мы разберем несколько ключевых вопросов, относящихся к критериям, на основе которых разъясняется региональная внешняя политика.

1. Как страны воспринимают регион в целом? Какие очевидные особенности в нем они выделяют и как они видят свою роль в нем? Например, считают ли они, что очевидной особенностью региона является его геостратегический характер, воспринимают его как важный торгово-экономический ареал или выдающийся в культурно-цивилизационном отношении регион?

2. В региональном ареале региональные институты и вытекающее из них региональное сотрудничество могут отвечать интересам конкретных стран, или же, напротив, эти страны могут извлекать пользу из наличия противоречий.

3. Как отдельные страны смотрят на угрозы, возможности и будущее и как их воспринимают, потому что в зависимости от этого отношения формируются условия для сотрудничества или, напротив, противостояния между странами региона?

4. Какой ролью страны региона наделяют внерегиональные силы?

5. Как страны региона воспринимают самих себя, или, иначе говоря, на основе чего они оправдывают свою деятельность в качестве акторов? Считают ли они себя мировыми или региональными державами? Это важно, потому что страны проводят внешнюю политику, ограничивают или расширяют сферу своей деятельности на основе восприятия самих себя.

Учитывая вышеупомянутые факторы, настоящая статья имеет целью рассмотреть внешнюю политику Ирана в Закавказье в контексте фактора идентичности. Таким образом, основной вопрос настоящего исследования заключается в том, какую роль играет «идентичность» во внешней политике Ирана в Закавказье?

Гипотезой данного исследования является то, что понятие идентичности во внешней политике Ирана не определяет региона Закавказья в качестве сферы жизненно важных и стратегических интересов ИРИ и его относительно ограничивающее воздействие ведет к ограничениям в практической деятельности Ирана в указанном регионе. Это обусловлено теми механизмами, в которых идентичность определяется различными нормами, создающими также для каждой страны роли, а затем и специфические интересы.

Методология исследования

В статье нами использован качественный метод на основе описания и анализа процессов, поэтому данное исследование и конечный анализ носят качественный характер. Исследовательский подход, имеющий место в этой статье, носит индуктивный характер и позволяет использовать собранные данные для получения адекватной модели анализа роли идентичности в определении национальных интересов Ирана в Закавказье.

Данное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во внешней политике Ирана имеются разнообразные нормы, формирующие идентичность Исламской Республики Иран, каждая из которых имеет различные подразделения. В частности, чтобы проводить свою политику в различных регионах, Иран придерживается разных норм.

Иран признает за собой роль региональной державы. Поэтому его действия должны выходить за рамки его границ и демонстрировать его влияние в регионе. Несмотря на это, вряд ли в действиях Ирана можно наблюдать подобный размах.

Иран и Южный Кавказ: роль идентичности

Роль национальной идентичности во внешней политике Ирана проявляется в форме непосредственного влияния на национальные интересы страны.

Важнейшим фактором, определяющим национальные мотивы и интересы Ирана, является идентичность, которую эта страна определяет для себя и которая, в свою очередь, является результирующей национальных и наднациональных норм. Поэтому, во-первых, различные идентичности предполагают разные интересы, так что их изменение ведет к изменению национальных интересов страны. Во-вторых, ключевой элемент в определении национальной идентичности определяет ее приоритеты в национальных интересах. В-третьих, национальные интересы, которые одновременно противоречат друг другу, влекут за собой несоответствие интересов [4].

В формировании оснований национальной идентичности Исламской Республики Иран или конституирующих ее норм выделяют многочисленные ресурсы и интересубъективные семантические системы, которые оказывают влияние на этот процесс. В этой работе используется структура, в рамках которой идентичностные нормы и интересы Ирана делятся на «националистические» или «ираноцентристские», «шиито-исламистские», «тьермондистские» и связанные с «господствующей в международных отношениях международной ценностной системой». Таким образом, нормы, конституирующие идентичность Исламской Республики Иран, носят разнообразный характер и имеют различные подразделения, одни из которых типа шиитского исламизма наделяют Иран ролями, выходящими далеко за рамки его географических границ, а другие типа дискурса международных отношений признают в качестве сферы суверенитета государственные границы страны. К тому же каждая из национальных ролей, которые возникают на основе норм, конституирующих идентичность Исламской Республики Иран, предполагает определенные национальные интересы. Несмотря на это, хотя нормы, конституирующие идентичность Исламской Республики Иран, и являются разнообразными, каждая из них может устанавливать для Ирана определенные роли внутри и за пределами его географических границ, однако ни одна из этих норм никогда не определяла целиком внешнюю политику ИРИ, и для осуществления своей политики в различных регионах Иран руководствуется различными нормами [4]. Различия в подходах к понятию национальных интересов Исламской Республики Иран обусловлены их ценностно-ориентированным характером.

Возможно, пониманию этого обстоятельства поспособствует обзор следующих особенностей Конституции Исламской Республики Иран: во время принятия этого документа имели место структурные проблемы внутри страны, шел процесс исламизации всех сфер публичной жизни, осуществлявшийся религиозными лидерами. В статье 177 новой иранской Конституции внешней политике отводилось только четыре статьи (ст. 152–155 Конституции ИРИ) [5].

Национальные интересы и цели внешней политики Исламской Республики Иран на протяжении истории всегда были разными. Несмотря на это, эти цели всегда включали в себя такие моменты, как ислам и шиизм, отрицание гегемонии США в международном сообществе и региональной гегемонии.

монии Израиля, поддержка мусульман, угнетенных и освободительных движений, экономическое развитие и рост, сохранение территориальной целостности и национального суверенитета, противостояние Западу. В документе «Двадцатилетняя перспектива Ирана» одной из целей страны является достижение ведущих позиций в экономике и научно-технической сфере на уровне региона Юго-Западной Азии (в том числе Средней Азии, Закавказья, Западной Азии и соседних стран) [6]. В то же время, учитывая большое количество институтов, оказывающих влияние на внешнюю политику Ирана, во многих случаях цели вступают в противоречие друг с другом и не всегда согласуются между собой. Например, помимо президента, парламента и министерства иностранных дел, которые, в соответствии с Конституцией, влияют на формирование и исполнение внешней политики страны, в этом процессе также принимают участие такие учреждения, как Ассамблея определения государственной целесообразности, Высший совет национальной безопасности, Высший совет культурной революции, Корпус стражей Исламской революции и ряд других неправительственных организаций [6].

Внешняя политика Ирана в регионе Кавказа в постсоветский период переживала взлеты и падения. Однако можно сказать, что на евразийском пространстве Кавказ имеет для Ирана наибольшее значение по сравнению со всеми остальными регионами, потому что, с одной стороны, мусульмане Республики Азербайджан, в отличие от мусульман Центрально-Азиатского региона, по большей части являются шиитами, а с другой стороны, Иран имеет очень тесные исторические связи с Арменией, которая, в свою очередь, по целому ряду исторических и географических причин сохранила свои отношения с Ираном.

С точки зрения принципов, определяющих внешнюю политику страны, принцип экспорта Исламской революции за рубеж был изменен, и во главе угла всей внешней политики Исламской Республики Иран в данном регионе находится обеспечение национальной безопасности и территориальной целостности страны вкупе с сохранением дружественных отношений с соседними странами Закавказья [7].

Яркая черта внешней политики Ирана в регионе Закавказья, которая в значительной мере отличает ее от политики двух других соседей – России и Турции, состоит в сохранении и преемственности дипломатических отношений со всеми тремя республиками Закавказья. Отношения Турции с Арменией прервались в связи с карабахским конфликтом в 1992 г., а российско-грузинские отношения прекратились после ввода российских войск в Абхазию и Южную Осетию в августе 2008 г. [8]. Это обстоятельство предоставляет Ирану очень ценную возможность для занятия сбалансированного и единообразного подхода к этим странам, который можно рассматривать как «закавказскую политику Ирана» [9].

Иран одним из первых в мире официально признал независимость Армении, Азербайджана и Грузии и открыл в Ереване, Баку и Тбилиси свои дипломатические представительства. В периоды конфликтов и войн в Закав-

казье Иран всегда рассматривал в качестве главного приоритета оказание гуманитарной помощи населению всех трех республик – Армении, Азербайджана и Грузии, поставив этот аспект выше политических и геополитических соображений, а также этнических проблем, связанных с азербайджанцами, армянами и грузинами, мусульманами-шиитами и христианами. В ходе войны в Карабахе он, с одной стороны, открыл свои границы для азербайджанских беженцев, предоставлял им гуманитарную и медицинскую помощь, с другой же стороны, в условиях, когда территория Армении находилась под блокадой со стороны Азербайджана и Турции, благодаря поддержке Ирана в районе Нурдуза в 1992 г. был установлен понтонный мост через реку Аракс, который сыграл ключевую роль для выведения Армении из экономической блокады. Аналогичный подход был применен также в отношении Грузии. Во время кризиса в российско-грузинских отношениях в январе 2006 г., когда был взорван российский газопровод в Грузии и поставки газа в эту страну прекратились, Иран на протяжении 15 дней поставлял этой стране газ. Подобные примеры в отношениях Ирана с республиками Закавказья свидетельствуют об определенном отношении к данному региону.

Поэтому Иран как национальное государство, культура, цивилизация и один из очагов исламской цивилизации может оказывать влияние на регион Кавказа, преследуя в то же самое время интересы, восходящие к этим ролям. Несмотря на это, если говорить о Кавказе, можно выделить в иранской внешней политике на этом направлении в качестве ведущего элемента такую норму, как «международная система ценностей, регулирующих международные отношения», потому что Иран очень осторожно ведет себя даже по отношению к Азербайджану с его шиитским населением по причине обеспокоенности официального Баку относительно влияния идей Исламской революции в этой стране. При этом сам Иран также несколько обеспокоен присутствием у своих северных рубежей азербайджаноязычного государства, а поэтому старается соблюдать баланс между ним и христианской Арменией.

На декларативном уровне не имеется никакого самостоятельного и отдельного документа в сфере внешней политики Ирана в отношении различных регионов мира, в том числе Кавказа. Наличие таких документов, как «Двадцатилетняя перспектива Исламской Республики Иран», рассчитанная на период до 1404 г. по иранской солнечной хиджре, или до 2025 г. по григорианскому календарю, которая была опубликована в 2004 г. в качестве высшего документа и второго по значимости закона после Конституции, показывает, что иранские политики уделяют регионам Центральной Азии и Закавказья особое внимание в рамках обширного географического пространства под названием «Юго-Западная Азия». Центральная Азия и Закавказье рассматриваются в документе «Двадцатилетняя перспектива Исламской Республики Иран» как субрегионы в составе региона «Юго-Западная Азия» [6].

По мнению Махера Халифезаде, основной мотив всей деятельности Тегерана в сфере внешней политики и безопасности на региональном и меж-

дународном поле, в том числе по отношению к Закавказью, обусловлен особой позицией этой страны по отношению к Западу, в частности к США. С другой стороны, Россия выступает против присутствия США на Кавказе, а также в регионе Каспия. Учитывая это совпадение интересов, Иран действует в этом регионе, оставаясь в тени России. С точки зрения Ирана, если позиции России будут достаточно сильны, США и НАТО не смогут создать военные базы вблизи иранских границ. Поэтому сохранение российского господства в этом регионе имеет для Ирана стратегическое значение.

Конечно, отбрасывая в сторону идеологические соображения, связанные с исламом и шиизмом, Иран упорно стремится развивать двусторонние отношения с Закавказьем. Иран всегда старался усилить свою роль в экономике и безопасности региона. Некоторые исследователи считают, что «региональный уклон» может оказаться полезным подходом для Ирана. Несмотря на это, учитывая напряженные отношения между Ираном и США, эта страна не является столь же привлекательной для стран Закавказья, как Турция. Поэтому укрепление двусторонних отношений может восполнить ограниченность возможностей Ирана в плане полномасштабного участия в международных проектах на территории Закавказья и Прикаспийского региона. Кроме того, Иран считает, что двусторонние отношения служат инструментом сохранения стратегического баланса между Грузией, Арменией и Азербайджаном [10].

Рассматривая отношения между Ираном и странами Закавказья, необходимо прежде всего уделить внимание Азербайджану, который близок к Ирану с точки зрения принадлежности большей части его населения к шиитскому исламу. В целом Иран и Азербайджан осторожно подходят к выстраиванию отношений друг с другом, в особенности если учитывать правовой режим Каспийского моря и разногласия по поводу добычи в его бассейне углеводородных ресурсов, что с момента провозглашения независимой Республики Азербайджан поставило отношения между двумя странами в сложное положение. С одной стороны, Иран недоволен тесными отношениями Баку с Западом, США, НАТО и Израилем. Кроме того, быстрое развитие топливно-энергетического комплекса Азербайджана произошло в тот момент, когда энергетический сектор Ирана стал испытывать трудности в связи с санкциями. Однако Иран и Азербайджан расширяли прагматическое сотрудничество путем наращивания торговых отношений, в особенности обмена визитами бизнес-делегаций [11].

Отношения между Ираном и Азербайджаном в период пребывания на посту президента Хасана Роухани получили заметное развитие и преодолели сложные, а иногда и очень напряженные условия 2007–2013 гг. Многочисленные встречи президентов и формирование трехстороннего механизма реализации проекта транспортного коридора «Север – Юг» (Иран, Азербайджан, Россия) путем соединения железнодорожной сети трех стран служат еще одним признаком развития отношений между Тегераном и Баку. К основным причинам сближения Тегерана и Баку на данном этапе относятся:

падение цен на нефть и газ на мировом рынке, необходимость сотрудничества с Ираном для Азербайджана как страны, которая не имеет членства в ОПЕК, охлаждение в отношениях Азербайджана с западными странами, ядерная сделка Ирана со странами шестерки (Группа 5+1) и снятие наложенных на него санкций, наличие общих для Азербайджана и Ирана угроз, связанных с терроризмом и религиозным экстремизмом на Кавказе, в Сирии и Ираке [12]. В сфере военных проблем Иран также заключил с Азербайджаном ряд соглашений, и за последние два года министры обороны обеих стран совершили уже несколько визитов друг к другу, что является беспрецедентным для отношений между Тегераном и Баку [9; 13; 14].

Тем не менее эти отношения застряли в одной точке, а именно в вопросе отношений между Ираном и Арменией, которые всегда характеризовались высоким уровнем сотрудничества. Причины этого состоят в подходе Ирана к исламу, проблеме политического ислама и обеспокоенности в Баку этим подходом, отношениях Азербайджана с Израилем, вопросах правового режима Каспийского моря и постоянно поднимаемых проблемах иранского Азербайджана как Южного Азербайджана, являющегося частью единого Азербайджана, что вызывает настороженность в Иране [7].

Будучи ближайшим союзником Турции в Закавказье, Азербайджан в то же самое время сотрудничает одновременно с Ираном, Россией и США [15].

Поэтому, будучи необходимыми сами по себе, отношения Ирана с Арменией также служат уравниванию отношений Ирана с Азербайджаном. По сути, внешнеполитическая позиция Ирана в отношении некоторых мусульманских стран и немусульманских стран с большой долей мусульманского населения представляет собой яркий пример тех идеологических противоречий, в ходе которых национальным интересам оказывается предпочтение перед идеологическими соображениями. Отношения с Россией, Китаем и Азербайджаном считаются примерами именно такого подхода [16].

Что касается отношений Ирана с Грузией, следует заметить, что эти отношения рассматриваются Ираном как один из способов установления баланса в Закавказье и в отношениях с Западом и Россией. Однако не следует пренебрегать ролью факторов Запада и США в развитии этих отношений. Хотя Иран заинтересован в развитии отношений с Тбилиси безотносительно к российско-грузинскому конфликту, Грузия для снижения давления со стороны России нуждается в поддержке Запада, что вступает в противоречие с движением в сторону Ирана. Стратегическое сотрудничество между Грузией и США также вызывает у Ирана беспокойство в отношении ситуации в Закавказье. Усиление прозападной ориентации тогдашнего правительства Грузии на фоне явного и серьезного противостояния предыдущего иранского правительства с западным миром, война августа 2008 г. между Россией и Грузией, ужесточение международных санкций против Ирана в связи с его ядерным досье сыграли важную роль в сокращении отношений между этими двумя странами в период пребывания на посту президента Махмуда Ахмадинежада. Ярким примером этого был односторонний выход Грузии из со-

глашения о безвизовом режиме с Ираном в июне 2013 г. Эта мера была принята, невзирая на то, что в ходе событий августа 2008 г. Иран поддержал национальный суверенитет и территориальную целостность Грузии, не признав официально отделение и одностороннее объявление независимости регионов Южной Осетии и Абхазии [7].

Даже несмотря на подписание СВПД и сокращение проблем с Западом, ирано-грузинские отношения не претерпели особых изменений в силу глубоких различий в приоритетах внешней политики двух стран. Даже после восстановления безвизового режима между двумя странами их отношения так и не вышли на высокий уровень сотрудничества. Например, объем торгового оборота между двумя странами, при увеличении на 50% в 2017–2018 гг., достиг лишь 130 миллионов долл. [17]

Поэтому в краткосрочной перспективе ирано-грузинские отношения по причине геополитического противостояния между США и Россией, а также политической и культурной ориентации Тбилиси на Запад будут носить ограниченный характер. Несмотря на это, в долгосрочной перспективе Грузия, имеющая прямой выход к Черному морю, будет стремиться обеспечить ценность этого актива и превратиться в региональный транспортно-коммуникационный центр, и Иран, в свою очередь, делает попытку воспользоваться Грузией для транспортировки товаров по Черному морю в страны Европы. Также Грузия заинтересована в обеспечении своей энергетической безопасности и прилагает большие усилия в сфере поиска альтернатив энергетическим ресурсам Российской Федерации. В этом контексте Тбилиси также возлагает большие надежды на поставки природного газа и электроэнергии из Ирана и подписал соглашение о сотрудничестве в сфере экспорта иранской электроэнергии в Грузию сухопутным путем через Армению и Азербайджан [7].

Из всех республик Закавказья наиболее тесные отношения Иран имеет с Арменией. Для Армении, которая буквально зажата между Азербайджаном и Турцией, Иран имеет большое геополитическое значение. Точно так же для Ирана, который десятилетиями живет под санкциями Запада и остается в стороне от таких региональных проектов, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (BTC), развитие отношений с Арменией позволяет сохранять статус регионального актора в Закавказье. Именно поэтому между странами ведется сотрудничество по многочисленным направлениям в сфере транспорта, энергетики, коммуникаций и т.д. Иран также реализовал ряд проектов, среди которых можно назвать трубопровод для транспортировки природного газа из Ирана в Армению, который был сдан в эксплуатацию в 2006 г., строительство гидроэлектростанции, линии высоковольтных передач, 470 километров железнодорожных путей в Иране и Армении, 550-километровой автомагистрали «Север – Юг» и проект нефтепровода.

Также Иран и Армения осуществляют проект по строительству газопровода через Армению в Украину, а затем в Европейский Союз. Радиус этого трубопровода составляет 700 мм, а его пропускная способность – 1,2 млрд

кубометров в год. На первоначальном этапе объем поставляемого в Армению из Ирана газа составит 1,1 млрд кубометров в год, а с 2019 г. будет составлять уже 2,3 млрд кубометров в год. Стоимость строительства этого трубопровода составляет 35 млн долларов, 80% которых предоставлены Иранским банком развития в качестве кредита, а оставшаяся часть оплачена Арменией.

В сфере транспорта также подписаны два соглашения, в соответствии с которыми грузовики из Армении смогут не только въезжать в Иран, но и на упрощенных условиях посещать Бандар-Энзели на севере Ирана или Бандар-Аббас на Персидском заливе, а также другие приграничные населенные пункты Ирана. Это соглашение имеет большое значение для Армении, потому что она получает кратчайший путь до России и стран Центральной Азии через воды Каспийского моря. Кроме того, проезд через территорию Ирана по сравнению с маршрутом через грузинские порты Батуми и Поти снижает транспортные расходы на 60% [7].

Несмотря на это, объем торгового оборота между странами очень низок и составляет около 300 млн долларов [11]. Хотя в энергетической отрасли Иран может полностью обеспечивать потребности Армении, он все же вынужден учитывать интересы России. Например, когда в 2014 г. Россия повысила цены на поставляемый в Армению газ на 67%, Иран не предпринял попыток, чтобы выступить в роли альтернативного поставщика на этом рынке.

Тем не менее, новые экономические санкции США [18], принятые после выхода Вашингтона из СВПД, приведут к тому, что Иран будет искать пути для обхода этих санкций и Ереван постарается предложить новые инициативы по развитию сотрудничества, особенно в сфере энергетики и транспорта, чтобы воспользоваться открывшейся возможностью и нейтрализовать негативный эффект таких проектов, как железная дорога Казвин – Астара – Рашт. Этот проект осуществляется в партнерстве с Азербайджаном и может привести к транспортной изоляции Армении [19], потому что Иран является одним из важнейших торгово-экономических партнеров Еревана, и всякое экономическое давление на Иран приведет к давлению и на эту страну. В одном из базовых документов под названием «Стратегия национальной безопасности Республики Армения» (2007) в качестве одной из угроз национальной безопасности этой страны указывается «использование мировым сообществом широкомасштабных экономических санкций в отношении Ирана».

Еще одной проблемой в Закавказье является Каспийское море. В этом случае определение идентичности и интересов Ирана в сфере безопасности требует от него определенной внешней политики. В данном вопросе некоторые исследователи считают, что Иран в период президентства Махмуда Ахмадинежада нуждался по причине санкций, вызванных его ядерной программой, в привлечении поддержки со стороны России и прикаспийских стран, а потому временно отказался от своих претензий на суверенитет над 50% Каспийского бассейна и даже режима совместного использования Кас-

пийского моря. Хотя в этот период Иран осознал, что его интересы и национальная безопасность столкнутся в Каспийском регионе с серьезными вызовами, потому что Азербайджан планировал привлечь инвестиции западных нефтяных компаний, в первую очередь американских, и это обстоятельство вызывало обеспокоенность у Ирана. Поэтому, принимая во внимание реальное положение дел в регионе с вопросом правового статуса Каспия, на третьем саммите глав прикаспийских стран все эти государства подтвердили, что Иран как страна, подписавшая ДНЯО, имеет право на производство и использование атомной энергии в мирных целях в соответствии с Уставом МАГАТЭ. В то же время на этом же саммите было принято решение, что только прикаспийские государства могут размещать на Каспии свои военные суда и силы [20].

Помимо связей в области политики и безопасности Иран также уделяет внимание культурным контактам. Эти контакты включают в себя общую историю, традиции и религию (в случае Азербайджана), а также интерес к персидскому языку в регионе. Вероятно, Азербайджан можно считать самой главной площадкой для применения Ираном инструментов культурной и публичной дипломатии в Закавказье. Однако даже в случае с шиитским Азербайджаном не обходится без сложностей. Во-первых, некоторые религиозные различия оказали негативное воздействие на отношения между двумя странами, а во-вторых, заметное присутствие Турции в самых разных сферах культурной жизни Азербайджана после провозглашения суверенитета этой страны существенно увеличило потенциал мягкой силы этой страны в Азербайджане [21].

Общие исторические, цивилизационные и культурные особенности, влияние персидского языка на грузинский язык и литературу, сходства в культуре и традициях двух народов служат предпосылками, которые могут повысить уровень культурной и публичной дипломатии Ирана в отношениях с Грузией. Однако еще одним важным игроком в сфере культурной дипломатии и мягкой силы в Грузии являются США. После Революции роз Вашингтон сосредоточил свои усилия по поддержке демократии в Закавказье на Грузии. Что касается Армении, наличие 90-тысячного армянского населения в таких городах Ирана, как Урмия, Тебриз и Джульфа, послужило основой для культурных связей между Ираном и Арменией, расширения сотрудничества двух стран в сфере культуры и искусства. Несмотря на это, Иран избегает масштабных мер по популяризации своей культуры в Закавказье, как и в Центральной Азии, в силу существующих там противоречий, различий и предубеждений, потому что культурная политика в этих регионах сопровождается множеством деликатных моментов, которые требуют тщательного и масштабного планирования, при том что Иран, по сути, считает для себя приоритетным ближневосточное направление. Вместе с тем после заключения Всеобъемлющего соглашения Иран в очередной раз сконцентрировался на Европейском Союзе, Японии, Южной Корее и Восточной

Азии. В то же время Центральная Азия и Закавказье все еще остаются второстепенными направлениями для внешней политики Ирана [22].

В то же время одним из направлений политики Ирана является стремление участвовать в региональных организациях и их укреплении. Хотя в связи с имеющимися в регионе противоречиями и конфликтами отсутствуют какие-либо региональные организации, которые включали бы в себя все страны Закавказья одновременно, Иран старается зафиксировать свои отношения со всеми государствами региона в рамках определенных организационных структур. Конечно, проводимая США политика сдерживания Ирана и международные санкции ограничивают возможности для обеспечения активной роли Исламской Республики Иран в регионе, и, несмотря на наличие общего наследия и исторических связей с народами Азербайджана, Грузии и Армении, возможности для развития отношений со странами Закавказья на приемлемом уровне так и не сложились. Поэтому Исламская Республика Иран ради выполнения своих целей вынужденно обратилась к региональным союзам с другими влиятельными странами в Закавказье, такими как Россия и Турция [23]. К имеющимся механизмам многостороннего сотрудничества относятся Россия и Иран, Азербайджан, Турция.

К тому же в связи с карабахским кризисом, если не считать неудачной попытки Ирана выступить в роли арбитра, в целом позиция Ирана состояла в том, что этот кризис должен быть разрешен в рамках международных норм на основе мирных и справедливых переговоров обеих сторон, и Иран, в свою очередь, официально признает территориальную целостность Азербайджана в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН, который подтвердил оккупацию Арменией 20% территории Азербайджана и потребовал вывода армянских военных из этих районов. Однако, несмотря на это, азербайджанцы выражают недовольство уровнем сотрудничества Ирана и Армении, хотя и не ожидают от Ирана, что он будет воевать вместе с ними против армян. Власти Азербайджана требуют сокращения отношений Ирана и Армении или прекращения поставок в Армению газа, нефти и оборудования для объектов инфраструктуры [16]. Вместе с тем в действительности Иран имеет хорошие отношения с обеими сторонами этого конфликта, а потому указанный кризис не угрожает безопасности и национальным интересам ИРИ, при том что для России эта проблема и ее решение при участии Москвы имеет большее значение.

Выводы

Таким образом, имеются разнообразные нормы, формирующие идентичность Исламской Республики Иран, каждая из которых имеет различные составляющие. Одни из них, например шиитский исланизм, наделяют Иран ролью, которая выходит далеко за пределы его географических границ, а другие, типа дискурса международных отношений, признают суверенитет исключительно в национальных границах.

Несмотря на все это, во внешней политике Ирана ни одна из этих норм никогда не была господствующей. В частности, чтобы проводить свою политику в различных регионах, Иран придерживается различных норм.

Другой момент состоит в том, что Иран, обладающий высоким потенциалом для экономического присутствия в регионе, все же не играет в экономике региона активной роли по причине своей экономической слабости, а также по ряду политических причин, в том числе настороженного отношения России, и в плане развития культурных отношений, невзирая на историческую и религиозную близость с народами этого региона, имеет не так много возможностей для деятельности в регионе по причине все той же экономической слабости, отсутствия возможностей для осуществления инвестиций и настороженности этих стран в связи с религиозной политикой Ирана.

В региональных отношениях усилия Ирана всегда были направлены на укрепление региональных институтов и связанного с ними сотрудничества. Власти ИРИ всегда заявляли, что любые столкновения в регионе наносят ущерб безопасности самого Ирана и региона в целом. Именно поэтому Иран всегда делает акцент на необходимости мирного разрешения разногласий, преследуя тем самым цель усиления региональных механизмов. Поэтому ИРИ учитывает укрепление существующих в Евразии региональных организаций (в особенности ШОС, в деятельности которой наиболее ярко выражен аспект безопасности) и прилагает усилия в направлении получения членства в них. Эта страна исходит из того, что важнейшие угрозы региону исходят от вакуума власти в регионе и связанных с ним вызовов. В частности, Иран обеспокоен их влиянием на его внутреннюю безопасность. Самая большая угроза исходит от присутствия внерегиональных сил. По сути, Иран считает, что безопасность в регионе возникает благодаря сотрудничеству самих стран региона, а присутствие внерегиональных государств создает нестабильность и нездоровую конкуренцию в Евразии. Рассматривая последнюю характеристику региональной внешней политики Ирана, мы понимаем, что Иран признает за собой роль региональной державы, на что он указывает в документе «Двадцатилетняя перспектива». Несмотря на это, в этом конкретном случае обращает на себя внимание то, что действия и меры Ирана не ограничиваются уровнем региональной державы, то есть, если Иран видит себя в этом регионе в статусе региональной державы, его действия должны выходить за рамки его границ и демонстрировать его влияние в регионе. Несмотря на это, вряд ли в действиях Ирана можно наблюдать подобный размах.

Библиографический список

- [1] *Hopf T.* The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. 1998. Vol. 23. № 1. P. 174–179.
- [2] *Wendt A.* Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. № 2. P. 390–396.

- [3] *Smith S.* Positivism and Beyond // *International Theory: Positivism & Beyond* / Ed. by S. Smith, K. Booth, M. Zalewski. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 23–24.
- [4] *Дехгани Фирюзабади С.Дж.* Идентичность и интерес во внешней политике Исламской Республики Иран // *Национальные интересы Исламской Республики Иран* / под ред. Кияни Д. Тегеран: Институт стратегических исследований, 2007. С. 125–134, 108–148 (на перс.).
- [5] *Дружиловский С.Б.* Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // *Вестник МГИМО-университета*. 2010. № 1. С. 166–172.
- [6] *Перспектива Исламской Республики Иран до 1404 года солнечной хиджры* // *Ассамблея по определению государственной целесообразности*. 04.11.2003. Режим доступа: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?siteid=3&fkeyid=&siteid=3&pageid=530>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [7] *Наджафов Г.* Иран и государства Южного Кавказа // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. № 55. С. 41–51.
- [8] *Офлаз Б.* Геополитические стратегии региональных держав на Южном Кавказе // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2013. № 161. С. 146–150.
- [9] *Маляян Е.* Отношения между Ираном и странами Закавказья: политический обзор // *Армянский музей Москвы и культуры наций*. 16.04.2018. Режим доступа: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/4/16/--1>. Дата обращения: 01.11.2019.
- [10] *Халифа-Заде М.* Иран и борьба за влияние на Южном Кавказе // *Центральная Азия и Кавказ*. 2011. Т. 14. № 1. С. 59–71.
- [11] *Тишеев М, Бахрами С.* Практико-ориентированная внешняя политика Ирана в регионе Закавказья в атмосфере, сложившейся после подписания Всеобъемлющего соглашения // *Центрально-азиатские исследования*. 2018. Т. 1. С. 30–33 (на перс.).
- [12] *Кузегар Каледжи В.* Страны Центральной Азии и Закавказья во внешней политике Ирана: наследие прошлого и предстоящая перспектива // *Институт иранских и евразийских исследований (IRAS)*. 24.05.2017. Режим доступа: <http://www.iras.ir/fa/doc/note/3180/>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [13] *Акцент на развитие военного и оборонного сотрудничества между Ираном и Республикой Азербайджан* // *ИА ПАРС ТУДЕЙ*. 16.01.2019. Режим доступа: <http://parstoday.com/fa/iran-il58420>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [14] *Ильхам Алиев: Поездка Роухани в Азербайджан – это показатель прекрасных отношений Тегерана и Баку* // *ИА ТАСНИМ*. 04.08.2016. Режим доступа: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/05/13/1147573>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [15] *Иванов А.Г.* Политика России на Южном Кавказе в контексте проблем международной безопасности // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012. № 6. С. 35–39.
- [16] *Карабахский кризис и позиция Исламской Республики Иран: Интервью с Афшар Солеймани, бывшим послом Ирана в Баку* // *ИА Хабар-Онлайн*. 24.02.2018. Режим доступа: <https://www.khabaronline.ir/news/756724/>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [17] *Отношения между Ираном и Грузией в 2017–2018 годы* // *ИА ИРНА*. 21.02.2018. Режим доступа: <http://www.irna.ir/fa/News/82881833>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [18] *Иванов В.Г.* Влияние динамики экспорта на уровень политической стабильности на примере России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2012. № 3. С. 46–70.
- [19] *Андреева Е.С.* Интересы Ирана на Южном Кавказе сквозь призму отношений Тегерана с Арменией // *Проблемы Национальной Стратегии*. 2019; № 1 (52). Режим доступа: <https://riss.ru/wp-content/uploads/2019/03/08.pdf>. Дата обращения: 01.11.2019.
- [20] *Бехзади Р.* Внешняя политика Ирана в Каспийском бассейне. Между национальными интересами и исламистскими авантюрами // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. № 11 (3). С. 98–108.

- [21] Дехишири М. Публичная дипломатия Ирана в Закавказье: требования и подходы // Институт иранских и евразийских исследований (IRAS). 12.03.2018. Режим доступа: <http://www.iras.ir/fa/doc/article/3591/>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [22] Бехештинур Х. У Ирана есть более важные вопросы, чем Центральная Азия // СААNetwork. 18.07.2017. Режим доступа: <http://caa-network.org/archives/9686>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [23] Казем-заде Хамед. Место Ирана в будущих изменениях на Кавказе в «Горизонте 2020» Европейского Союза // Институт иранских и евразийских исследований (IRAS). 11.12.2017. Режим доступа: <http://www.iras.ir/fa/doc/note/3465/>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).

История статьи:

Статья поступила в редакцию 13.11.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48

Research article

Iranian Foreign Policy in the South Caucasus: Identity and National Interests

F. Atrisanhari

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. Any foreign policy decision of a country is formed on the basis of certain principles and norms that constitute the identity and determine the role of this country. In case with Iran, although the norms that form the identity of the Islamic Republic are diverse and each of them can determine the role of the country outside its geographical borders, none of these norms totally dominates Iran's foreign policy. Iran is a country located within (or neighboring to) several strategic regions, and in each of these regions it demonstrates different foreign policy strategy based on different norms. For example, Iran's foreign policy in Transcaucasia is determined by principles and norms which, in some cases, are similar to the principles and norms of Iran's foreign policy in Western Asia and, in other cases, are different from them. These divergent patterns of behavior can be accounted for by two concepts: identity and national interests. The article aims at clarifying the role of identity in determining Iran's national interests in Transcaucasia and studies Iran's foreign policy in the region within the mentioned framework. At the same time, the article seeks to examine the challenges associated with the principles and norms determining foreign policy, as well as identify the shortcomings of Iran's foreign policy in the Transcaucasian region.

Key words: identity, Iran's foreign policy, constructivism, national interests, South Caucasus

References

- [1] Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*. 1998; 23 (1): 174–179.
- [2] Wendt A. Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*. 1994; 88 (2): 390–396.

- [3] Smith S. Positivism and Beyond. *International Theory: Positivism & Beyond*. Ed. by Smith S., Booth K., Zalewski M. Cambridge: Cambridge University Press; 1996: 23–24.
- [4] Dehgani Firuzabadi S.J. Identity and Interest in Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. *National Interests of the Islamic Republic of Iran*. Ed by Kiyani D. Tehran: Institute for Strategic Studies; 2007: 125–134, 108–148 (In Pers.).
- [5] Druzhilovsky S.B. Internal Factors of the Formation of Foreign Policy of Iran and Turkey. *Scientific Schools of MGIMO*. 2010; 1: 166–172 (In Russ.).
- [6] Perspective of the Islamic Republic of Iran until 1404 Solar Hijri Year. *Expediency Discernment Council*. 04.11.2003. Available from: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?siteid=3&fkeyid=&siteid=3&pageid=530>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [7] Najafov H.N. Iran and the States of the South Caucasus. *Central Asia and the Caucasus*. 2008; 55: 41–51 (In Russ.).
- [8] Oflaz B. Geopolitical Strategies of Regional Powers in the South Caucasus. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2013; 161: 146–150 (In Russ.).
- [9] Mayilian E. Relations between Iran and the Countries of the Caucasus: A Political Review. *Armenian Museum of Moscow and the Culture of the Nations*. 16.04.2018. Available from: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/4/16/--1>. Accessed: 01.11.2019 (In Russ.).
- [10] Khalifa Zadeh M. Iran and the Struggle for Influence in the South Caucasus; The Main Factors in Iranian Foreign Policy. *Central Asia and the Caucasus*. 2011; 14 (1): 59–71 (In Russ.).
- [11] Tisheyar M., Bahrami S. Iran’s Pragmatic Foreign Policy toward South Caucasus in the Post-JCPOA Era. *Central Eurasia Studies*. 2018; 1: 30–33 (In Pers.).
- [12] Kuzegar Kalegi V. The Countries of Central Asia and the Caucasus in the Foreign Policy of Iran: The Legacy of the Past and the Future Perspective. *Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS)*. 24.05.2017. Available from: <http://www.iras.ir/fa/doc/note/3180/>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [13] Focus on the Development of Military and Defense Cooperation between Iran and the Republic of Azerbaijan. *Pars Today News Agency*. 16.01.2019. Available from: <http://parstoday.com/fa/iran-i158420>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [14] Ilham Alief: Rouhani’s Visit to Azerbaijan is a Sign of the Excellent Relations between Tehran and Baku. *TASNIM News Agency*. 04.08.2016. Available from: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/05/13/1147573>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [15] Ivanov A.G. Russia’s Policy in the South Caucasus in the Context of International Security Problems. *Historical and Socio-Educational Thought*. 2012; 6: 35–39 (In Russ.).
- [16] The Karabakh Crisis and the Position of the Islamic Republic of Iran; Interview with Afshar Soleimani; former Iranian ambassador to Baku. *KHABAR ONLINE News Agency*. 24.02.2018. Available from: <https://www.khabaronline.ir/news/756724/>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [17] Relations between Iran and Georgia in 2017-2018. *Islamic Republic of Iran News Agency*. 09.04.2018. Available from: <http://www.irna.ir/fa/News/82881833>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [18] Ivanov V.G. The Influence of Dynamics of Export on the Level of Political Stability (on Example of Russia). *RUDN Journal of Political Science*. 2012; 3: 46–70 (In Russ.).
- [19] Andreeva E.S. Iran’s Interests in the South Caucasus through the Prism of Tehran’s Relations with Armenia. *Problems of National Strategy*. 2019; 1 (52). Available from: <https://riss.ru/wp-content/uploads/2019/03/08.pdf>. Accessed: 01.11.2019 (In Russ.).
- [20] Behzadi R. Iran’s Foreign Policy in The Caspian Sea Basin Oscillation between National Interests and Islamic Adventures. *Central Asia and the Caucasus*. 2010; 11 (3): 98–108 (In Pers.).

- [21] Dehshiri M. Iran's Public Diplomacy in Transcaucasia: Requirements and Approaches. *Institute for Iran – Eurasia Studies (IRAS)*. 12.03.2018. Available from: <http://www.iras.ir/fa/doc/article/3591/>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [22] Beheshtipur H. Iran Has Problems more Important than Central Asia. CAANetwork. 18.07.2017. Available from: <http://caa-network.org/archives/9686>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [23] Kazem Zade H. Iran's Place in the Future Changes of the Caucasus in the Context of “Horizon 2020” of the European Union. *Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS)*. 11.12.2017. Available from: <http://www.iras.ir/fa/doc/note/3465/>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).

Article history:

The article was submitted on 13.11.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Фатемех Атрисангари – стажер кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: fatemeh.atr@yandex.ru).

Information about the author:

Fatemeh Atrisangari – Intern of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: fatemeh.atr@yandex.ru).

Для цитирования:

Атрисангари Ф. Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 32–48. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48

For citation:

Atrisangari F. Iranian Foreign Policy in the South Caucasus: Identity and National Interests. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 32–48. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-49-58

Научная статья

Повышение роли женщин в парламенте Ирана после Исламской революции 1979 г.

С. Эсмаили

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье рассматривается положение женщин в политической жизни Ирана, анализируется история борьбы женщин за свое место и роль на политической арене страны. Автором отмечается увеличение роли женщины-политика в постреволюционном Иране, а также рассматриваются результаты, достигнутые женщинами в государственных организациях страны. После победы Исламской революции, основанной в том числе на легитимности политического участия женщин, законы в Иране были пересмотрены и были внесены изменения в политические права и роль женщин в правительстве. В статье рассматриваются проблемы политического участия женщин в современном Иране, а также вопрос повышения их роли в парламенте (Меджлисе) – одном из важнейших политических органов страны.

Ключевые слова: женщины в политике, Иран, политическая жизнь, права женщин, парламент, Меджлис, гендерное равенство

Введение

Женщины-мусульманки на протяжении истории боролись за свои политические права и значимую роль в жизни общества как в своих мусульманских странах, так и за рубежом. Эта борьба продолжается до сих пор, как продолжается и борьба женщин во всем мире. Ниже перечислены основные причины, побудившие современных иранских женщин бороться за свои права и добиваться в этой борьбе определенных успехов:

- недостаточный вес женщин в принятии решений в общественно-политической жизни иранского общества;
- влияние западных женских движений и организаций за свои права, включая борьбу за равноправие с мужчинами;
- получение образования как главный фактор обретения уверенности в своих силах и способности влиять на судьбу страны.

© Эсмаили С., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Статья включает в себя рассмотрение причин, по которым иранские женщины до сих пор не смогли достичь значимого положения в политической жизни Ирана, особенно в парламенте страны. Кроме того, автор касается вопроса возможного решения данной проблемы.

Несмотря на то, что в последние годы участие иранских женщин в политической и общественной жизни страны выросло, все же по сравнению с большинством других стран мира данные успехи можно назвать скромными. В то же время есть основания полагать, что ситуация может существенно поменяться в кратко-среднесрочной перспективе, и женщины в Иране обретут больше политических прав и возможностей влиять на политику в своем государстве.

В статье также приводится статистика присутствия женщин в иранском парламенте, что позволяет увидеть изменение гендерной и политической ситуации в разные годы вплоть до настоящего времени.

1. Первые шаги иранских женщин в политике

Повышение роли женщины в политической жизни Ирана можно разделить на два периода: 1) период правления династии Пехлеви (Резахан и его сын Мохаммед Реза Пехлеви – 1925–1979 гг.): с этого времени постепенно начиналась борьба женщины за свою роль в общественно-политической жизни Ирана; 2) период после исламской революции 1979 г .

После победы Конституционной революции в Иране (1905–1911 гг.) стало заметно, что женщины не имели ни права голоса, ни права быть избранными. Серьезная борьба женщин за достижение этих прав началась только в 1960 г., когда женщины хотели сами быть избранными в качестве депутатов и быть среди политических активистов страны. Тогда журнал «Эттелаате занан» (Женская информация. – *Прим. авт.*) опубликовал статью с заголовком «Участие в выборах является абсолютным правом каждой иранской женщины, но для получения этого права нам надо готовиться!» [1].

Первой женщиной, пришедшей в парламент, была Хаджар Тарбиат, родившаяся в 1906 г. в Стамбуле (Турция). Это произошло в самые жаркие дни Конституционной революции в Иране. Выборы в «Двадцать первый парламент» были проведены 17 сентября 1963 г. Однако созданный парламент просуществовал недолго: через 2 года и три месяца, в 1966 г., он был распущен шахом Мохаммедом Реза. Хаджар Тарбиат была среди женщин, избранных в двадцать первый и двадцать второй парламент в качестве представителя в г. Тегеран. В Двадцать первом парламенте она получила 170112 из 271420 голосов [2].

Таким образом начиналась первая серьезная политическая деятельность женщины в Иране в политических организациях страны.

Журнал «Зане руз» («Современная женщина»), давая оценку политической роли женщины в Двадцать первом парламенте Ирана, писал про Хаджар Тарбиат: «В Национальном собрании г-жа Хаджар Тарбиат использова-

ла трибуну парламента 13 раз, то есть каждые два с половиной месяца у нее была речь, и в общей сложности она выступила 3 часа и 15 минут. Темы, обсуждаемые г-жой Тарбиат, включали в себя: образование; здоровье; образование молодежи за рубежом; борьбу с неграмотностью; невозвращение иранской молодежи из-за рубежа; проблемы образования молодежи; женский конгресс в Иране; курс по борьбе с неграмотностью; Неделю книг; декларацию прав человека в семье, День матери» [3].

Одним из наиболее важных законов, принятых в Национальном консультативном собрании, был Закон о социальных услугах для женщин. Хаджар Тарбиат выступила с речью по законопроекту и, в частности, заявила: «Законопроект о социальных услугах для женщин полностью изменит положение иранских женщин, особенно образованных женщин и молодежи, и они смогут с энтузиазмом служить своей стране» [4]. Она также отметила, что «этот законопроект является одним из наиболее важных законопроектов, его принятием действительно будет гордиться двадцать второй Национальный консультативный совет Ирана, и, если даст Бог, после принятия этого законопроекта, наши девушки и женщины смогут добиться успеха так же, как и их братья» [4].

Также г-жа Тарбиат обращала внимание на то, что деревенские женщины беспокоятся о судьбе своей страны не меньше, чем женщины с хорошим университетским образованием [5].

17 сентября 1962 г. были проведены первые выступления женщин в парламенте Ирана. Во время своего правления Правительство Пехлеви II в форме законопроекта о государственных и провинциальных ассоциациях, утвержденного правительством 8 октября 1962 г., предоставило женщинам право голосовать, а также баллотироваться на выборах в качестве кандидатов в Национальный консультативный совет. В этот период девочки получили разрешение на поступление в высшие учебные заведения, были внесены поправки в законы о разводе и вступлении в брак для женщин, включая установление минимального возраста вступления в брак для девушек – 15 лет, и молодых людей – 18 лет.

Со временем шах Мохаммед Реза опубликовал свой «Указ № 6» под названием «Белая революция шаха и нации». Пятым пунктом этого указа был законопроект о внесении изменений в «Закон о выборах». 26 января 1963 г. был объявлен днем референдума за или против исполнения этого указа, но правительство не делало никаких официальных заявлений, позволяющих женщинам принимать участие в референдуме.

Женщины использовали этот момент. Представитель ассоциации женщин-юристов, возглавляемой Мехрангиз Манучехриян, в ночь перед референдумом отправилась к министру сельского хозяйства и спросила его об участии женщин в референдуме. Он ответил, что не видит проблем для участия женщин в референдуме.

Таким образом, впервые женщины приняли участие в референдуме о «Белой революции» 26 января 1963 г. 3 марта 1963 г. правительство офици-

ально объявило, что статья 13 «Закона о выборах», которая запрещала участие женщин, изменилась. Изменения коснулись и статей 6 и 9, в которых речь шла о требованиях к кандидатам: слово «мужчина» было изменено на «кандидат». Женщины впервые участвовали в выборах в Национальный консультативный совет Ирана 12 сентября 1963 г., в результате чего шесть женщин были избраны в парламент. Однако ни одна из женщин не была избрана членом Сената. Несмотря на это, шах Мохаммед Реза самостоятельно назначил двух женщин в качестве членов Сената.

Хотя женщины вошли в парламент Ирана впервые, они смогли решить такие важные вопросы, как обеспечение образования для девочек, создание для них школ, в том числе школ для медсестер.

22–24-е парламентские выборы позволили иранским женщинам получить соответственно 7, 16 и 20 мест в парламенте. В эти годы женские представители парламента смогли рассмотреть такие вопросы, как Закон о социальных услугах для женщин, создание Национальной организации поддержки детей и организации защиты семьи, закон об ужесточении наказания за использование детского труда в ковровых мастерских в возрасте до 12 лет.

2. Рост политической роли и участия иранских женщин в политике после Исламской революции

С победой исламской революции женщины стали больше участвовать в политической жизни Ирана, что отметил и духовный лидер Ирана Аятоллах Хомейни, подчеркнув особую роль женщины в семье и обществе.

С каждым избирательным циклом участие женщин в парламенте возрастает. Статья 21 Конституции ИРИ гарантирует обеспечение всех прав и свобод женщин во всех сферах общества, создание условий для их материального и духовного развития.

Для Исламской Республики Иран участие женщин в политическом решении проблем общества очень важно, ведь женщины особым образом участвуют в формировании своих детей как будущих членов общества, а потому они, как никто другой, способны определить решение различных проблем общества, в котором предстоит жить их детям.

После победы Исламской революции правила и законы в Иране были пересмотрены, и внесены изменения в отношении политических прав и участия женщин в системе государственного управления. В конечном счете женщинам было разрешено активное участие в политической сфере, и они вступили в Исламский консультативный совет (Меджлис шурае ислами). В первый парламентский срок присутствие женщин было незначительным, и из 90 женщин-кандидатов только четверо прошли в парламент.

В третьем Меджлисе, на выборах в который участвовало 25 женщин, только четыре из них вошли в парламент. Парламент рассмотрел 34 законопроекта о женщинах, детях и семьях.

В четвертом Меджлисе из 82 женщин-кандидатов в парламент прошли 9. В пятый Меджлис баллотировались 326 женщин, из них только 14 прошли в парламент. В то время был принят 51 законопроект о женщинах, семьях и детях [6].

В Шестом парламенте из 504 женщин-кандидатов лишь 13 удалось попасть в парламент. Период работы шестого Меджлиса отличался особой активностью женщин, стремившихся провести реформы по улучшению положения женщин в стране. Они выступали за присоединение Ирана к Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Седьмые парламентские выборы прошли с участием 827 женщин-кандидатов. Но только 13 женщин были избраны в парламент от консервативной партии. В восьмой Меджлис из 580 женщин-кандидатов вошли 8 [7].

В парламенте девятого созыва доля женщин оказалась еще более низкой. Если же взять цифры за 9 сроков работы иранского парламента, то ситуация выглядит следующим образом: из 2690 депутатов за этот период там присутствовало всего 78 женщин. Следовательно, существует необходимость в серьезном изучении проблемы столь незначительного присутствия женщин в парламенте Ирана [8].

В десятый Меджлис, выборы в который состоялись в 2016 г., смогли войти 17 женщин, что на данный момент является своеобразным рекордом.

Таким образом, со временем количество женщин-депутатов в Меджлисе возросло. В защите прав женщин в семье, обществе и политических организациях им удалось добиться значительных результатов. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что рост количества женщин-депутатов в Меджлисе Ирана, в решениях которого они принимали участие, находясь в разных политических организациях, оказал существенное влияние на политическую жизнь страны, главным образом улучшив положение женщин в обществе.

Можно выделить три основных направления, или уровня, участия женщин в политической жизни современного Ирана: на массовом уровне – среди населения, на среднем уровне – в деятельности политических партий и общественных организаций, и на высшем уровне – на уровне политической элиты [7].

Если в 1960-1970-х гг. женщины в Иране боролись преимущественно за право на участие в политических выборах и членство в главных политических организациях страны, то после достижения успехов на этом уровне они получили возможность бороться за права женщин уже на национальном уровне. Цели, которые преследовали женщины-депутаты в Иране, касались самых разных сфер жизни, в том числе политической, образовательной, социальной, экономической и культурной.

Образование очень важно для структуры политических организаций в Иране. Приблизительно половину иранского общества составляют женщины, и женщины в Иране, как, впрочем, и во всем мире, хотят иметь возможность влиять на свою судьбу благодаря участию в политике, надеясь таким

образом улучшить качество своей жизни, добиться определенных прав и свобод. Иранские женщины уже смогли добиться для себя права на получение образования всех уровней. Во время династии Пехлеви шах Реза организовал «Белую революцию» в 1963 г., чтобы улучшить условия жизни народа. Обеспечение образования для женщин, особенно из деревень, стало большим достижением для общества. Хотя в тот период шах пытался избавить женщин от ношения хиджаба, многие женщины выступали против этого, потому что для них свобода означает наличие свободы выбора между ношением хиджаба и ненашением его. После революции благодаря деятельности движения «Нехзат Савад Амоси» многие женщины в стране стали грамотными. Данная организация до сих пор активно работает в Иране.

В 1997 г. после победы Мохаммеда Хатами на выборах президента Ирана положение женщин в республике улучшилось. Одним из предвыборных лозунгов Хатами был «поддержка женщины и молодежи» в обществе и политике. Важным достижением его правления в пользу женщин можно назвать снятие ограничений с женщин-преподавателей, включая отдельные университетские специальности. В тот период заметно выросло число девушек, поступивших в университеты. Увеличилась и занятость женщин в политической сфере. Хатами впервые выбрал женщину как своего советника и министра. С 1993 по 1997 г. из общего числа абитуриентов, подавших документы в вузы, 49,36% составляли женщины. Эта тенденция сохранила свой рост и в 2006 г., 60,2% поступавших в вузы абитуриентов составили женщины [9].

Согласно статистическим данным Института исследований и программы высшего образования в Иране, численность студентов страны в 2018 учебном году составила 3,794,420 студентов, обучающихся в университетах страны, из которых 1,723,269 женщин и 2,771,151 мужчин. Число женщин-аспирантов в Иране также выросло на 31,25% за последние 10 лет. Доля женщин, поступивших в высшие учебные заведения, значительно увеличилась в пользу женщин с 34% до революции до 51% в последние годы.

Доля же учащихся женского пола на всех уровнях образования увеличилась с 29% до революции до 53% в последние годы.

К числу важнейших результатов, достигнутых в период после 2006 г. (этот год считается годом подъема участия женщин и молодых людей в политической жизни Ирана, потому что лозунг президента Хатами был за «права женщин и молодежи»), можно отнести рост участия и активности женщин в делах семьи и общества, выбор эффективных путей и подходов к решению проблем женщин на высшем государственном уровне – Президентом ИРИ, Собранием Исламского совета, Культурным и общественным советом женщин и других государственных органов; создание эффективной системы мониторинга проблем женщин по всей стране; укрепление социальных устоев семьи; формирование идеала женщины-мусульманки как активной личности, оказывающей влияние на политическую, социальную, культурную жизнь общества; повышение роли и рост участия женщин в структурах государственных органов власти в центре и на местах, на нацио-

нальном и международном уровнях; лучшее понимание существующих проблем в жизни женщин, в обществе, в семье, по месту работы; внесение изменений и дополнений, касающихся места и роли женщин в иранском обществе в действующее законодательство страны [9].

Шахиндохт Молаверди, вице-президент по делам женщин и семьи в первом кабинете президента Ирана Хасана Рухани и специальный помощник Рухани по правам гражданства во втором его кабинете, в газете «Этемад» заявила: «В настоящее время иранские женщины нашли подходящее решение – присоединиться к одной из политических коалиций или групп, или списку политических активистов с целью расширения своего присутствия в политическом пространстве страны» [10]. В связи с этим г-жа Шахиндохт Молаверди подчеркнула необходимость создания коалиции женщин с предложением нынешнему президенту Ирана Хасану Рухани и Меджлису. Она сформулировала цели Коалиции женщин-реформистов следующим образом: «Задачами этой коалиции могут быть координация и интеграция женской деятельности в реформистских партиях, создание процедурного единства в продвижении количественного и качественного поощрения участия женщин в политической жизни и влияния на власть» [10]. Молаверди, продолжая докладывать о результатах деятельности реформистской женской коалиции за последние годы, отметила: «Один из пунктов наших планов – сосредоточиться на показателях женщин в “списке надежд”, причем не только в Тегеране, но и в других провинциях, потому что раньше им удалось завоевать доверие народа в парламенте. На следующей встрече женщин и выборах мы обсудим результаты работы этих женщин, и мы надеемся, что на них будут присутствовать те, кто раньше был в этом списке, и даже те, кто вошел в парламент в прошлом как реформаторы» [10].

В 2013 г. Хасан Рухани стал седьмым президентом Ирана. Во время своей предвыборной кампании он обещал, что в его кабинете будет работать женщина-министр, хотя до 2019 г. этого никогда не происходило. При президентстве Рухани несколько женщин заняли руководящие должности в некоторых государственных организациях. К примеру, Масумех Эбтикар он назначил вице-президентом по делам женщин и семьи, и еще две женщины стали вице-президентом по правовым вопросам и вице-президентом по вопросам гражданства.

Согласно международной программе Цели развития тысячелетия (это восемь международных целей развития, которые 193 государства – члена ООН и, по меньшей мере, 23 международных организации договорились достичь к 2015 г.), которые были подписаны главами государств в 2000 г. и одобрены в 2015 г. президентом Ирана на саммите, правительство Ирана вновь одобрило равенство мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин. Это называется третьей целью документа ЦРТ. Согласно этому документу гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин являются ключом к достижению успехов. Согласно документу, к 2015 г. более 30% мест в парламенте должно было быть выделено женщи-

нам. Наиболее эффективной мерой для увеличения доли женщин на государственных должностях назвали установление квот партиями, (по желанию) национальными парламентами, правительствами, местными советами и т.д. [2]. Однако эти цели не были достигнуты к 2015 г.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что для увеличения темпов участия иранских женщин в парламенте необходимо создать организационные и правовые механизмы, позволяющие женщинам более активно и успешно участвовать в деятельности политических партий. По мнению автора, для этого потребуются, чтобы политические партии в Иране обеспечили определенные квоты для женщин, также требуется создание и развитие общественно-политических организаций для иранских женщин, стимулирующих и упрощающих их возможности социально-политического участия.

Заключение

Таким образом, с победой Исламской революции женщины стали намного активнее и масштабнее участвовать в политической жизни Ирана. Результаты, достигнутые женщинами в государственных организациях Ирана, включают участие женщин на выборах всех уровней, обеспечение доступного образования для девочек, принятие закона о социальных услугах для женщин, создание Национальной организации поддержки детей и организации защиты семьи, разрешение на беспрепятственное поступление в высшие учебные заведения и занятие наукой, поправки в законы о разводе и вступлениях в брак для женщин. С помощью женщин-избирателей женщины-кандидаты смогли устранить многие ограничения для иранских женщин, которые хотели активно участвовать в жизни своего общества [11; 12].

При этом не следует забывать, что образование играет большую роль для иранских женщин, женщины больше узнали о своих правах и получили возможность активнее участвовать в выборах. Тем не менее, несмотря на вышесказанное, роль женщин в политической жизни Ирана в сравнении с другими странами все еще остается ограниченной. Поэтому автор полагает, что для повышения уровня участия женщин в общественно-политической жизни важно их присутствие на значимых позициях в каждой политической партии Меджлиса, а квота на обязательное количество женщин, входящих в парламент, должна быть высокой и установленной на законодательном уровне.

Библиографический список

- [1] Эттелаате занан / Женская информация. Тегеран, 1960. С. 3–4 (на перс.).
- [2] Багери Э. Первая женщина на парламенте Ирана // Официальный сайт Радио Замане. Режим доступа: <https://www.radiozamaneh.com/240212/>. Дата обращения: 10.01.2019 (на перс.).
- [3] Зане руз / Современная женщина. 1964. № 70. С. 3 (на перс.).
- [4] Переговоры в консультативном совете Ирана, 18 марта 1969. Собрание 53 (на перс.).
- [5] Переговоры в консультативном совете Ирана, 10 декабря 1968. Собрание 16. С. 22–23 (на перс.).

- [6] *Колаи Э., Джода Х.* Женщины в Меджлисе Ирана, 2018. С. 116 (на перс.).
- [7] *Сафаверди С.А.* Отражение роли женщин-мусульманок в политической литературе некоторых стран запада (на материалах Исламской республики Иран). Душанбе, 2008 (на перс.).
- [8] *Пишгахи Ф., Киани В.* Географический анализ представленности женщин на парламентских выборах (1–9-й парламент, 1979–2015 годы) // Женский исследовательский журнал. Институт гуманитарных и культурных исследований. 2015. Серия 6. № 70. С. 53–73 (на перс.).
- [9] *Заферанчи Л.С.* Хукук ва масулияте зан / Закон и задачи женщины: сборник статей. Тегеран, 2007. С. 25 (на перс.).
- [10] Женщины-реформисты против мужского парламента // Этемад. 2019. № 4510. С. 20 (на перс.).
- [11] *Иванов В.Г., Иванова М.Г.* Образ политического лидера в отечественных политологических исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 558–576. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-558-576.
- [12] *Алхашем Р., Голтур Б.* Необходимость участия женщин в политической жизни // Мохнадеси фарханги. 2010. Серия 4. № 39, 40. С. 29 (на перс.).

История статьи:

Статья поступила в редакцию 20.12.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-49-58

Research article

The Growth of Women's Role in the Iranian Parliament since the Islamic Revolution of 1979

S. Esmaeili

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. This article discusses the position of women in Iranian political life, enhancing the role of Iranian women policy, the story of their political struggle for the rightful place and role in the country's political arena, as well as the results achieved by women in public organizations of Iran. After the victory of the Islamic Revolution, based on the legitimacy of women's rights and political participation, the rules and laws in Iran have been reviewed and changes have been made in respect of political rights and participation in the government of this gender group. The article deals with the problem of political participation of women in contemporary Iran, as well as the issue of enhancing their role in the parliament as one of the most important political institutions of the country.

Key words: women, Iran, political life, women's rights, Parliament, Mejlis, gender equality

References

- [1] *Female Information.* Tehran; 1960: 3–4 (In Pers.).
- [2] Bagheri E. The First Woman in the Parliament of Iran. *Official website of Radio Zamane.* Available from: <https://www.radiozamaneh.com/240212/>. Accessed: 01.10.2019 (In Pers.).
- [3] *Modern Woman.* 1964; 70: 3 (In Pers.).

- [4] *Negotiations in the Advisory Council of Iran*. March 18, 1969. Session 53 (In Pers.).
- [5] *Negotiations in the Advisory Council of Iran*, December 10, 1968. Session 16: 22–23 (In Pers.).
- [6] Kolai E., Joda H. *Women in the Mejlis of Iran*. 2018: 116 (In Pers.).
- [7] Safaverdi S.A. *Reflection of the Role of Muslim Women in the Political Life of the Western Countries (on the Materials of the Islamic Republic of Iran)*. Dushanbe; 2008 (In Pers.).
- [8] Pishgahi F., Kiani V. Geographical Analysis of the Representation of Women in Parliamentary Elections (1–9 parliament, 1979–2015). *Women's Research Journal*. Series 6. 2015; 70: 53–73 (In Pers.).
- [9] Zaferanchi L.S. *The Law and Tasks of Women*: collection of articles. Tehran; 2007: 25 (In Pers.).
- [10] Women Reformists Against the Men's Parliament. *Etemad*. 2019; 4510: 20 (In Pers.).
- [11] Ivanov V.G., Ivanova M.G. The Image of a Political Leader in the Russian Political Studies. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 558–576. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-558-576 (In Russ.).
- [12] Alhashemi R., Golipur B. The Need for Women's Participation in Political Life. *Journal Mohnadesi Farhang*. Series 4. 2010; 39, 40: 29 (In Pers.).

Article history:

The article was submitted on 20.12.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Самира Эсмаили – стажер кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-0289-1527) (e-mail: samira.esmaily77@gmail.com).

Information about author:

Samira Esmaeili – Intern of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) ORCID ID: 0000-0002-0289-1527) (e-mail: samira.esmaily77@gmail.com).

Для цитирования:

Эсмаили С. Повышение роли женщин в парламенте Ирана после Исламской революции 1979 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 49–58. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-49-58

For citation:

Esmaeili S. The Growth of Women's Role in the Iranian Parliament since the Islamic Revolution of 1979. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 49–58. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-49-58

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ RIGHT-WING POPULISM: ORIGINS AND MODERNITY

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-59-70

Научная статья

Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства

С.А. Шейн

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Ул. Малая Ордынка, 17, Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется, каким образом европейский политический мейнстрим отвечает на вызовы правого популизма и какие эффекты это несет для стрессоустойчивости политической системы на основе анализа британского случая. Фокусируясь на концепции стрессоустойчивости как качества политической системы отвечать и адаптироваться к внутренним вызовам, мы используем классификацию стратегических ответов мейнстрима, разработанную У. Даунсом, и аналитические инструменты исторического институционализма для понимания стратегических ответов мейнстрима (Консервативной и Лейбористской партии) на вызовы правого популизма (Партии независимости Соединенного Королевства, ПНСК). В результате сделан вывод, что политический мейнстрим переходит от стратегий игнорирования правых популистов к смешанным стратегиям, в данном случае – кооптации программных элементов ПНСК с элементами политической и институциональной изоляции. Подобные стратегии демонстрируют эффективность с электоральной точки зрения, но при этом несут в себе «непредвиденные последствия» для стрессоустойчивости всей системы.

Ключевые слова: политический мейнстрим, правый популизм, стрессоустойчивость, Европейский союз, Соединенное Королевство

© Шейн С.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В современном академическом и политическом дискурсе концепция стрессоустойчивости заняла центральное место при рассмотрении вопросов международной безопасности и развития [1; 2]. В наибольшей степени стрессоустойчивость «закрепилась» в официальных документах Европейского Союза в качестве концептуального переоснащения его внешней политики в сторону более прагматичного подхода к ее реализации [3; 4]. В Глобальной стратегии Европейского Союза (ГСЕС) 2016 г. под стрессоустойчивостью понималась «концепция, охватывающая все общество» и характеризующаяся «демократией, доверием к институтам и устойчивому развитию, а также способностью к реформам в ситуации «экзистенциального кризиса ЕС и за его пределами» [5. Р. 7]. Обращение к стрессоустойчивости в этом контексте видится как следствие политизации европейского проекта [6].

Помимо анализа инструментального наполнения концепции стрессоустойчивости в дискурсах ЕС, с исследовательской точки зрения продуктивно рассмотреть стрессоустойчивость как академическую категорию, подразумевающую «свойство политической системы для выживания и восстановления после комплексных вызовов и кризисов, способных привести к ее краху» [7]. Если понимать Европейский союз как политическую систему с высокой степенью децентрализации [8. Р. 15], то на первый план выходят именно внутренние вызовы стрессоустойчивости в ходе уже указанной политизации европейского проекта.

Исходя из ограниченного объема статьи, мы сфокусируемся на вызовах стрессоустойчивости на уровне национальных политических систем государств – членов ЕС. При таком подходе основными акторами, повышающими/понижающими стрессоустойчивость, являются традиционные правоцентристские и левоцентристские партии (мейнстрим), а основным вызовом для них – растущее электоральное давление со стороны правопопулистских партий и движений, обладающих антисистемными чертами [9; 10].

Основная цель данной статьи – ответить на вопрос, какие стратегические ответы дает европейский политический мейнстрим на вызовы правого популизма и какие эффекты несут эти ответы для стрессоустойчивости всей системы. Эмпирическим материалом выступит политическое развитие Соединенного Королевства в качестве особого случая. Мажоритарный характер британской демократии институционально ограничивает создание и развитие антисистемных акторов, что, однако, не стало препятствием для электорального роста правопопулистской Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК) и ее влияния на характер и содержание политических дебатов относительно «европейского вопроса» в 2004-2016 гг. Стратегические реакции Консервативной и Лейбористской партии (политического мейнстрима) привели к курсу на «Брекзит» и неопределенности дальнейшей институциональной конфигурации ЕС и вектора развития национальной партийно-политической системы.

В статье будет использован комплексный методологический подход. Сочетая классификацию стратегических ответов мейнстрима, разработанную политологом У. Даунсом, мы используем также аналитический инструментарий исторического институционализма, акцентирующий внимание на причинно-следственных связях между реализацией стратегии и ее политическими эффектами.

Статья состоит из двух основных частей. В первой части мы разберем основные подходы к классификации стратегических ответов мейнстрима на вызовы антисистемных акторов. Во второй части проведем анализ стратегий британского мейнстрима относительно вызовов правого популизма и политических эффектов подобных стратегий с точки зрения стрессоустойчивости системы.

Стратегические ответы мейнстрима: классификация и содержание

Исследования, посвященные тому, как мейнстрим отвечает на новые вызовы со стороны правопопулистских и, шире, антисистемных политических сил [11–16], отличаются используемой теоретической оптикой и эмпирическим материалом. Вместе с тем работы объединяет фокус на партиях, как основных институтах в разработке и реализации стратегических ответов относительно новых вызовов. При этом следует отметить, что влиять на выбор указанных ответов также могут негосударственные (гражданское общество, СМИ) и внешнеполитические акторы, институты ЕС [11. Р. 330–336; 12. Р. 27], глава государства [17. Р. 439], Конституционный суд [11. Р. 333–334]. Исследователи пытаются учитывать различия в стратегиях левоцентристских и правоцентристских партий, исходя из программных позиций и идеологических установок, в первую очередь, по вопросам евроинтеграции и иммиграции ввиду значительной нативистской составляющей, характерной для правого популизма [18].

В самом общем смысле партии мейнстрима могут вовлекать и отделять [13. Р. 26], включать и исключать [12. Р. 23] антисистемных акторов. Анализируя взаимодействие партий мейнстрима и антисистемных партий в Европе, политолог У. Даунс выделяет пять «идеальных типов» стратегических ответов мейнстрима: *игнорирование*, *политическая и/или институциональная изоляция*, *кооптация* и *вынужденное сотрудничество (коллораация)*. Для понимания природы и контента возможных стратегических ответов рассмотрим подробнее указанную классификацию с использованием примеров из современной европейской политической жизни.

Стратегия игнорирования направлена на делигитимацию оппонентов и их политической программы и зачастую выступает в качестве первоначальной реакции мейнстрима на новые вызовы с правого фланга. Впоследствии растущий электоральный вес правопопулистских партий и их давление на позиции мейнстрима затрудняет проведение стратегии игнорирования. Если

исходить из того, что популизм политизирует назревшие проблемы и пытается «продвинуть» их в центр политических дебатов, то, продолжая игнорировать правых популистов, мейнстрим, несомненно, лишь подчеркивает антисистемный и протестный характер популистских акторов в общественном сознании. Тем не менее пример шведских партий мейнстрима, применявших стратегию игнорирования в отношении Шведских демократов до 2010-х гг., демонстрирует, что игнорирование, при условии высокой степени координации действий между партиями мейнстрима [15], в ряде случаев может быть достаточно долгосрочной и устойчивой стратегией.

Стратегия изоляции предполагает *политическое* и/или *институциональное* ограничение деятельности правопопулистских партий. Политическая изоляция предполагает создание антиэкстремистского блока или «большой коалиции» как «санитарного кордона» вокруг правых популистов на электоральном, законодательном и исполнительном уровнях. «Санитарный кордон», так же как и стратегия игнорирования, предполагает высокий уровень координации действий между партиями мейнстрима. Неудача при формировании «санитарного кордона» может привести, как утверждает политолог Д. Капоччия, к тому, что партии мейнстрима, в первую очередь правоцентристские [19], будут стремиться не в центр политического спектра, а к флангам, чтобы вернуть электорат, ушедший к экстремистам [17. Р. 438].

Формирование «санитарного кордона» и/или «большой коалиции» более вероятно, когда в национальном представительном органе присутствует существенная фракция экстремистов [17. Р. 438]. Так, формирование коалиции в 2017-2018 гг. между Христианской демократической партией / Христианским социальным союзом (ХДС/ХСС) и Социал-демократической партией Германии (СДПГ) было стимулировано тем, что «Альтернатива для Германии» (АдГ) сформировала третью по численности фракцию в Бундестаге по итогам выборов 2017 г. (94 места из 709). При этом пример Австрии, где существенное представительство в Национальном совете правопопулистской Австрийской партии Свободы (АПС) после выборов 2017 г. (51 мандат из 183) привело к формированию правого блока в формате коалиции правоцентристской Австрийской народной партии (АНП) и АПС, демонстрирует обратное. В случае возросшего представительства популистов правоцентристская партия попыталась «вернуться» на правый фланг за своим избирателем.

Институциональная изоляция предполагает ограничение деятельности правых популистов путем «запрета партии полностью, либо повышения избирательного порога, либо ограничений в голосовании за нее» [13]. Показателен пример применения антиэкстремистского законодательства для запрета партии «Фламандский блок» в Бельгии в 2004 г. Необходимо отметить и попытку СДПГ в 2001 г. добиться запрета Национал-демократической партии Германии, однако Конституционный суд в 2003 г. отказал в этом решении [20. Р. 123].

Исходя из того, что степень пропорциональности избирательной системы напрямую связана с представительством правых популистов в парламен-

те, избирательное законодательство становится эффективным инструментом, используемым партиями мейнстрима в борьбе с оппонентами с правого фланга, особенно в ситуации, когда правительство опирается на поддержку «большой коалиции» или одной из партий мейнстрима. Так, вновь обращаясь к примеру ФРГ, отметим, что 5%-й избирательный барьер не позволил АдГ пройти в Бундестаг по итогам выборов 2013 г. Во Франции в условиях мажоритарной системы на выборах в Национальное собрание в 2017 г. правопопулистский Национальный фронт получил 13,2% голосов в первом туре и 8,75% во втором, но только 5 из 577 мест в законодательном органе [21].

В основе *стратегии кооптации* [13. Р. 27] лежит «перехватывание» мейнстримом позиций правых популистов по вопросам евроинтеграции и иноэтнической иммиграции. Тем самым мейнстрим легитимирует политическую программу правых популистов, но не их самих. Важно учитывать, что кооптация возможна в двух видах. *Неформальная кооптация* означает «сокращение дистанции» [20. Р. 45] в политических программах мейнстрима и правых популистов по вопросам иммиграции и евроинтеграции, что было продемонстрировано примером социал-демократических партий Австрии, Нидерландов, Швеции и Норвегии, которые, так или иначе, ужесточили свой миграционный курс в ответ на рост электоральной поддержки правых популистов [15]. *Формальная кооптация*, в свою очередь, предполагает прямое заимствование элементов политической программы правых популистов. В качестве примера отметим конвергенцию позиций «республиканца» Николя Саркози и лидера Национального фронта Марин ле Пен по иммиграционной проблематике на президентских выборах 2016 г. [16. Р. 15].

Таким образом, очевидным следствием стратегии кооптации является легитимация нативистских и антиевропеистских установок правых популистов в дискурсе мейнстрима [19].

Стратегия коллаборации (вынужденного сотрудничества) [13. Р. 27–28] призвана легитимизировать не только программы правых популистов, но и их самих. Как считает У. Даунс, сотрудничество на электоральном уровне – это результат успешного опыта коалиций на законодательном и исполнительном уровне и, как следствие, складывания «электорального картеля» между мейнстримом и правыми популистами [13. Р. 39]. Возможности коллаборации на законодательном уровне в значительной степени зависят от размера фракции правых популистов и баланса сил в представительном органе. Подобный тип сотрудничества выражается в поддержке правительственных законопроектов правыми популистами, как, например, в случае Датской народной партии в 2000-е гг. Ярким примером вынужденного сотрудничества на исполнительном уровне являются две коалиции АНС и АПС в 2000–2005 гг. и в 2017–2019 гг. Как указывает политолог С. де Ланж, центристским партиям легче «подтолкнуть» правых популистов к дерадикализации их программы и стимулировать внутрипартийный раскол в правопопулистском лагере, привлекая их в качестве младших коалиционных партнеров, что достаточно ярко подтвердила первая коалиция АНС и АПС [22].

В целом при включающих стратегиях (в особенности – коллаборации) границы между правым популизмом и политическим мейнстримом размываются, что создает условия для двух встречных процессов: мейнстримизации правого популизма и «популистского заражения» [18] мейнстрима.

Исходя из рассмотренных «идеальных типов» стратегических ответов партий мейнстрима на вызовы правого популизма рассмотрим, какие стратегии британский мейнстрим реализовал по отношению к ПНСК и какие эффекты имели эти стратегии с точки зрения стрессоустойчивости всей системы.

Стратегии британского мейнстрима в отношении ПНСК: содержание и эффекты

Учитывая политическую традицию британского евроскептицизма в качестве фактора, во многом определяющего партийную конкуренцию, вполне логично появление на политической карте Соединенного Королевства Партии независимости в 1993 г. как реакции на ратификацию Маастрихтского договора. Будучи «однопроблемной» партией «твердого евроскептицизма», на волне благоприятной внешней и внутренней конъюнктуры партия пережила идеологическую эволюцию, став популистской, анти-Вестминстерской и антимигрантской [23]. Манифест партии 2010 г. содержал утверждение, что, «хотя выход из Европейского политического союза занимает центральное место в послании ПНСК, партия имеет полноценную программу, которая поможет ей стать четвертой по величине политической партией Великобритании» [24. Р. 2].

Позиция ПНСК по проблеме иммиграции является вторичной по отношению к ее евроскептическому характеру. Однако в ходе партийного развития антииммигрантская риторика становилась все более отчетливой. ПНСК требовала восстановить контроль над национальными границами и «положить конец неконтролируемой миграции». Это связано с тем, что на фоне последствий политики «открытых дверей» «нового лейборизма» Тони Блэра и пятого расширения ЕС в 2004 г. британские избиратели стали испытывать все большее беспокойство относительно последствий растущей миграции в страну [25]. С 1997 по 2010 г. население Великобритании увеличилось примерно на 3,2 миллиона как прямой результат иностранной миграции [26]. На фоне кризиса Еврозоны 2008-2009 гг. и миграционного кризиса 2015 г. «Брекзит» и иммиграция стали рассматриваться как самая значительная проблема для британской общественности [27].

На фоне благоприятной внешней конъюнктуры ПНСК показал наиболее впечатляющие результаты на выборах в Европейский парламент: 2-е место в 2009 г. (15,6% голосов) и 1-е место в 2014 г. (26,6% голосов). Партия продемонстрировала значительные успехи и на местных выборах 2014 г., выиграв 10 из 21 места в муниципальном совете Ротерема, в котором доминировали лейбористы. На всеобщих выборах 2015 г. партия получила 12,6% голосов (на 11% больше, чем на выборах 2010 г. [28]). Кандидаты от ПНСК заняли

вторые места в 120 избирательных округах [29]. Тем не менее в Палате общин Партии независимости удалось получить лишь одно место благодаря мажоритарной избирательной системе.

Актуализация миграционной проблематики, идеологическая эволюция ПНСК и ее электоральный рост (наиболее явный в 2009-2016 гг.) стали, в терминологии исторического институционализма, «критической развилкой», в ходе которой от Консервативной и Лейбористской партий требовались стратегические ответы на новый вызов. Важно отметить, что с середины 1990-х и до конца 2000-х гг. мажоритарная избирательная система вкупе с «жесткой линией» консерваторов по вопросам ЕС и иммиграции в значительной степени обеспечивали маргинализацию ПНСК. Однако в 2006 г. новый лидер партии тори Дэвид Кэмерон попытался сместить консерваторов в центр политического спектра, сместив фокус с проблем евроинтеграции и иммиграции на социальную сферу.

В 2007-2009 гг. давление правого крыла партии вынудило руководство тори перейти к стратегии *неформальной кооптации* для «сокращения политической дистанции» с ПНСК, увеличившейся в первые годы лидерства Д. Кэмерона. Так, лидер оппозиции дал «железное» обязательство провести референдум по ратификации Лиссабонского договора, а также вывести тори из правоцентристской Европейской народной партии в Европейском парламенте после выборов в ЕС 2009 г. С 2013 г., реагируя на растущие электоральные показатели ПНСК, консервативное руководство обратилось уже к *формальной кооптации*, выраженной в «перехвате» идеи провести референдум о членстве Британии в ЕС, в случае победы на выборах 2015 г.

Лейбористская партия, отрицая необходимость референдума о членстве страны в ЕС, также сместилась вправо в формате *неформальной кооптации* после европейских и местных выборов 2014 г., пообещав принять «замок референдума» – запрет на передачу полномочий Вестминстера на наднациональный уровень без процедуры референдума [30]. Лейбористы сместились вправо и по миграционной проблематике, сперва дистанцировавшись от проиммиграционной линии «новых лейбористов», а затем «закрепив» в качестве официальной позиции партии требования обеспечить «более сильный» пограничный контроль для борьбы с нелегальной иммиграцией и сократить низкоквалифицированную иммиграцию [30].

Успех ПНСК на европейских и местных выборах 2014 г., а затем на всеобщих выборах 2015 г. продемонстрировал, что партия представляет собой угрозу не только для консерваторов, но и для лейбористов. Как следствие, консерваторы и лейбористы объединили стратегию кооптации с «санитарным кордоном» вокруг ПНСК на электоральном, законодательном и исполнительном уровнях политической системы, тем самым кооптируя программу своего оппонента, но не его самого. Благоприятным фактором для складывания «санитарного кордона» стала мажоритарная избирательная система, которая не позволяла ПНСК сформировать значительную парламентскую фракцию (элемент институциональной изоляции).

Таблица 1

Стратегии Консервативной и Лейбористской партии за период 2004-2018 гг.

Период	Консерваторы	Лейбористы
2004-2007	Преимущественно игнорирование	Игнорирование
2007-2012	Неформальная кооптация + политическая и институциональная изоляция	Преимущественно игнорирование
2013-2014	Формальная кооптация + политическая и институциональная изоляция	Преимущественно игнорирование
2014 – по н.вр.	Формальная кооптация + «санитарный кордон» + институциональная изоляция	Формальная кооптация + «санитарный кордон» + институциональная изоляция

Источник: составлено автором.

Table 1

Conservative and Labour strategies 2004-2018

Period	Conservatives	Labour
2004-2007	Predominantly ignoring	Ignoring
2007-2012	Informal cooptation + “sanitary cordon” + legal isolation	Predominantly ignoring
2013-2014	Formal cooptation + “sanitary cordon” + legal isolation	Predominantly ignoring
Since 2014	Formal cooptation + “sanitary cordon” + legal isolation	Formal cooptation + “sanitary cordon” + legal isolation

Source: compiled by the author.

Говоря о политических эффектах выбранной британским мейнстримом стратегии, необходимо отметить, что они носят амбивалентный характер. С одной стороны, синхронизация стратегий мейнстрима после 2014 г. в формате кооптации с элементами политической и институциональной изоляции стала эффективным инструментом в электоральной борьбе с ПНСК. Реализация основного программного элемента своего оппонента партиями мейнстрима (в первую очередь консерваторами) лишила его концептуальной основы. Так, ПНСК потеряла больше 10% голосов на выборах 2017 г. по сравнению с выборами 2015 г. Более того, кооптация программных установок правых популистов стимулировала внутривнутрипартийный раскол в лагере правых популистов, что отразилось на векторе партийного развития. ПНСК пережила перманентный дрейф вправо после голосования британцев за «Брекзит» в 2016 г. [31] и на этом фоне кризис лидерства: за 18 месяцев партия четырежды выбирала нового лидера.

В то же время снижение электоральной поддержки антисистемного актора не привело к повышению стрессоустойчивости всей системы, а скорее имело обратный эффект. В логике исторического институционализма

«непредвиденным последствием» выбранных мейнстримом стратегических ответов стала фрагментация и поляризация политического пространства Британии в ходе «Брекзита» как их прямого результата. Затянувшийся процесс выхода страны из ЕС стимулировал переход Британии к многопартийности, гораздо более заметный на уровне электоральном, чем законодательном. Более того, на выборах в Европарламент в 2019 г. британский мейнстрим столкнулся с новым вызовом. Как указывает политолог Т. Бейл, победа созданной в 2019 г. «Партии Брекзита» на евровыборах «убила» двухпартийность в Британии. «Добро пожаловать в фрагментацию, поляризацию, нестабильность и размывание традиционной партийной лояльности, как у ее европейских соседей», – утверждает политолог [32]. «Партия Брекзита» получила 31% голосов и 29 мест. Она оказалась первой во всех избирательных округах, кроме традиционно проевропейских Лондона и Шотландии [33].

Тем самым стратегические ответы мейнстрима стали серьезным вызовом для стрессоустойчивости всей системы. Пытаясь восстановить свои электоральные позиции и сохранить собственную политическую субъектность, мейнстрим снизил стрессоустойчивость всей системы, ее гибкость и адаптивный потенциал, стимулируя поляризацию партийно-политической системы и усиливая неопределенность внутри- и внешнеполитического вектора дальнейшего развития Соединенного Королевства.

Заключение

В статье рассматривались стратегические ответы британского мейнстрима на вызовы правого популизма и их эффекты для стрессоустойчивости политической системы. В результате был сделан ряд выводов. Во-первых, необходимо принимать во внимание внутреннее измерение стрессоустойчивости при анализе развития Европейского Союза как многоуровневой политической системы. Во-вторых, было выявлено, что мейнстрим может перенимать установки правых популистов для их нейтрализации [10; 3] и в определенной степени синхронизировать и координировать свои стратегии. Однако, исходя из антисистемного характера программ своих оппонентов, выбранные стратегии снижают стрессоустойчивость всей системы. Как результат, институциональные изменения «не отражают целей какого-либо конкретного актора и даже не входят в набор их институциональных предпочтений» [34]. В этом контексте «Брекзит» как фактор институциональной и политической нестабильности на уровне национальной политической системы и на уровне ЕС стал побочным эффектом реализованных мейнстримом стратегий.

Благодарности: Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2019 г.

Acknowledgments: Support from the Individual Research Program of the School of World Economy and International Affairs at National Research University – Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

References

- [1] Cavelti M.D., Kaufman M., Soby Kristenson K. Resilience and (in)security: Practices, Subjects, Temporalities. *Security Dialogue*. 2015, 46 (1): 3–14.
- [2] Chandler D., Coaffee J., eds. *The Routledge Handbook of International Resilience*. London: Routledge; 2017. 402 p.
- [3] Wagner W., Anholt R. Resilience as the EU Global Strategy's New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising? *Contemporary Security Policy*. 2016, 37 (3): 414–430.
- [4] Juncos A. Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn? *European Security*. 2017; 26 (1): 1–18.
- [5] *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy*. Brussels, June 2016. Available from: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf. Accessed: 04.12.2019.
- [6] Barbe E., Morillas P. The EU Global Strategy: The Dynamics of a More Politicized and Politically Integrated Foreign Policy. *Cambridge Review of International Affairs*. 2019, 32 (6): 753–770.
- [7] Sisk T. Democracy's Resilience in a Changing World. *The Global State of Democracy 2017: Exploring Democracy's Resilience*. International Institute for Democracy and Electoral Assistance (IDEA). 2017.
- [8] Hix S. *The Political System of the European Union*. New York: Palgrave Macmillan; 2011.
- [9] Mudde C. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 2004; 39 (4): 542–563.
- [10] Wodak R., Khosravinik M., Mral B. *Right-Wing Populism in Europe Politics and Discourse*. Bloomsbury Academic; 2013.
- [11] Fallend F., Heinisch R. Collaboration as Successful Strategy Against Right-wing Populism? The Case of the Center-right Coalition in Austria, 2000–2007. *Democratization*. 2016, 23 (2): 324–344.
- [12] Goodwin M. *Right Response. Understanding and Countering Populist Extremism in Europe*. Chatham House Report. Available from: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/r0911_goodwin.pdf. Accessed: 10.04.2019. Accessed: 04.12.2019.
- [13] Downs W. Pariahs in Their Midst: Belgian and Norwegian Parties React to Extremist Threats. *West European Politics*. 2001; 34 (3): 23–42.
- [14] Meguid B. *Party Competition between Unequals: Strategies and Electoral Fortunes in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008.
- [15] Bale T. If You Can't Beat Them, Join Them? Explaining Social Democratic Responses to the Challenge from the Populist Radical Right in Western Europe. *Political Studies*. 2010; 58 (3): 410–426.
- [16] Carvalho J. Mainstream Party Strategies Towards Extreme Right Parties: The French 2007 and 2012 Presidential Elections. *Government and Opposition*: 1–22.
- [17] Cappocia J. Defending democracy: Reactions to Political Extremism in Inter-War Europe. *European Journal of Political Research*. 2001; 39: 431–460.
- [18] Rydgren J. The Sociology of the Radical Right. *Annual Review of Sociology*. 2007; 33: 241–262.
- [19] Szöcsik E., Polyakova A. Euroscepticism and The Electoral Success of the Far Right: The Role of the Strategic Interaction Between Center and Far Right. *European political science*. 2018: 1–21.
- [20] Krell C., Mollers H., Ferch N., eds. Reclaiming Action – Progressive Strategies in Times of Growing Right-Wing Populism in Denmark, Norway, Sweden and Germany. *Friedrich-Ebert-Stiftung Nordic Countries*. Available from: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/stockholm/14617-20180920.pdf>. Accessed: 04.12.2019.
- [21] French election: Macron team complete rout with Assembly win. *BBC News*. Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-40178118>. Accessed: 04.12.2019.
- [22] De Lange S. New Alliances: Why Mainstream Parties Govern with Radical Right-Wing Populist Parties. *Political Studies*; 60 (4): 899–918.

- [23] Bale T. ‘Who leads and who follows?’ The symbiotic relationship between UKIP and the Conservatives – and populism and Euroscepticism. *Politics*. 2018; 38 (3): 263–277.
- [24] *UKIP Manifesto April 2010: Empowering the People*. Newton Abbot: UKIP; 2010.
- [25] McLaren L., Johnson M. Resources, Group Conflict and Symbols: Explaining Anti-Immigration Hostility in Britain. *Political Studies*. 2007; 55 (4): 709–732.
- [26] Whitehead T. More than three million migrants under Labour. *The Telegraph*. 22 January. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/8339075/More-than-three-million-migrants-under-Labour.html/>. Accessed: 04.12.2019.
- [27] Immigration and NHS tied as the most important issues facing Britain. *Ipsos Mori*. Available at: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/immigration-andnhs-tied-most-important-issues-facing-britain>. Accessed: 04.12.2019.
- [28] Election 2015. *BBC News*. Available at: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2015>. Accessed: 04.12.2019.
- [29] Dempsey N. Marginal Seats. Briefing Paper House of Commons Library. *Number CBP 8067*. Available at: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CBP-8067#fullreport>. Accessed: 04.12.2019.
- [30] *Labour Party Manifesto 2015*. Available at: https://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf. Accessed: 04.12.2019.
- [31] Walker P., Halliday J. Revealed: Ukip membership surge shifts party to far right. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/03/new-ukip-members-shifting-party-far-right>. Accessed: 04.12.2019.
- [32] Bale T. Britain has never been more European. *Politico*. 28.05.2019. Available at: <https://www.politico.eu/article/britain-has-never-been-more-european-elections-2019-brexiteer-party-lib-dems/>. Accessed: 04.12.2019.
- [33] The UK’s European elections 2019. *BBC News*. Available at: <https://www.bbc.com/news/topics/crjeqkdevvwt/the-uks-european-elections-2019>. Accessed: 04.12.2019.
- [34] Tsebelis A., Yatağan X. Veto Players and Decision-making in the EU After Nice. *Journal of Common Market Studies*. 2002, 40 (2): 283–307.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 11.01.2020.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-59-70

Research article

Responses of European Mainstream to Right-Wing Populism Challenges from the Perspective of the Resilience Concept: Case of the United Kingdom

S.A. Shein

National Research University “Higher School of Economics”
Malaya Ordynka Str., 17, Moscow, Russian Federation, 119017

Abstract. The article explores how European political mainstream responds to the challenges of right-wing populism and how it effects the resilience of the political system. The British case serves as the empirical material for the article. Focusing on the concept of resilience as a quality of a political system to respond and adapt itself to internal challenges, we use the classification of mainstream strategic responses developed by W. Downs and the analytical tools of historical insti-

tutionalism. The article investigates mainstream (Conservative and Labor) strategic responses to the challenges of right-wing populism (United Kingdom Independence Party, UKIP) in the UK. The research concludes that the political mainstream is moving from ignoring strategies to mixed strategies, such as cooptation of the UKIP's program with elements of political and institutional isolation. Such strategies are effective from the electoral point of view, however, they may be fraught with "unintended consequences" affecting the resilience of the whole political system.

Key words: political mainstream, right-wing populism, resilience, European Union, United Kingdom

Article history:

The article was submitted on 11.01.2020.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Шейн Сергей Александрович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116) (e-mail: sshein@hse.ru).

Information about the authors:

Sergei A. Shein – PhD in Political Science, Research Fellow at Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University "Higher School of Economics" (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116) (e-mail: sshein@hse.ru).

Для цитирования:

Шейн С.А. Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 59–70. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-59-70

For citation:

Shein S.A. Responses of European Mainstream to Right-Wing Populism Challenges from the Perspective of the Resilience Concept: Case of the United Kingdom. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 59–70. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-59-70

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-71-80

Research article

The Evolution of Populism in South America: Was J. Bolsonaro's Victory in the 2018 Brazilian Presidential Election a Precedent or a Model for the Region?

V.G. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyzes the election campaign, public discourse, and policies of J. Bolsonaro as the President of Brazil. The new President represents the model of an irreconcilable right-wing populist who focuses on US foreign policy. Bolsonaro's rise to power came amid the crisis of left-wing populism in Brazil. The article raises the question: whether Bolsonaro's victory is a remarkable case or a new effective model of public policy and political leadership for Brazil and other countries in the region? The author concludes that it depends largely on J. Bolsonaro's success as the President. At the moment, the interim results of his presidency are highly controversial and continue to divide and polarize Brazilian society.

Key words: Brazil, J. Bolsonaro, President, South America, elections, populism

Introduction

General elections took place in Brazil in October 2018 to elect the President, Vice President, the highest legislative body – the National Congress, governors and state legislatures. In a surprise twist, far-right populist politician Jair Bolsonaro of the Social Liberal Party (PSL) was comfortably ahead in the election runoff and won the presidency.

Jair Bolsonaro's victory apparently marked a momentous shift not only for Brazil, but for the whole region, since results of general elections have not only secured the new President his mandate, but also enabled him to form a new alliance in the National Congress (the majority of lawmakers in the lower house of the Congress and in the Senate gave a boost to the initiatives of the new President). During the electoral campaign J. Bolsonaro created a strong platform of supporters, united by interests and values (gun lobbyists, opponents of abortion, same-sex marriage and sex education in schools, conservatives, anti-communists, right Catholics, neoliberals and agribusiness lobbyists).

© Ivanov V.G., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Thus, Bolsonaro, since taking office on January 1, 2019, relies on large pro-presidential social groups within the country (both systemic or situational) and enlists external support (primarily, from the administration of US President Donald Trump). Although this may not be sufficient to deliver on promises of radical constitutional changes, this is more than enough for the adoption of a number of new laws and a significant change in both domestic and foreign policy of the country [1].

The Brazilian political crisis that potentially justified harsh measures and repressions against the rivals, as well as the lingering split among his main political opponents are the factors increasing the political space for the Brazilian President. A dramatic “turn to the right” characteristic of South America in recent years began in Brazil with a massive corruption scandal that led to the impeachment of President Dilma Rousseff in 2015–16 and the imprisonment of Lula da Silva, the “people’s President” who governed the country from 2003 to 2011. The winner of October 2018 elections Bolsonaro was handed over power by right-wing liberal Michel Temer, who temporarily replaced Rousseff after her removal from office.

The previous “wave of left-wing populism” of the 2000s was replaced in South American countries by the generation of ultra-liberal elitists who would not have won the elections in other conditions. Both Temer in Brazil and Macri in Argentina were classic representatives of the upper class in their countries: rich white men coming from famous business dynasties. Undoubtedly, they are estranged from the people and distance themselves from them, focusing on the highest business circles, the world economy and interests of the United States [1].

However, it is the right-wing populist leaders who can count on winning wider support of the electorate with their pre-election rhetoric. The victorious candidate went with this trend, attracting the support of a large part of the electorate in a divided Brazilian society. Here we witness a model of competition, in which the electorate is clearly segmented, and the candidate relies on loyal groups while alienating other broad layers of the population. This was the strategy behind the “toxic” rhetoric of Bolsonaro filled with sexist, racist, homophobic and anti-socialist statements and comments. With the missing political center in these elections, such electoral strategies aimed at mobilizing their respective wings have proven to be very effective. Both candidates who got to the second-round runoff, Jair Bolsonaro and his opponent – the Workers’ Party representative Fernando Haddad – offered diametrically opposed solutions to the multiple challenges the country is facing.

Previously, Brazilian left-wing politicians were known to “address the poor, but communicate with the rich”, apparently, this is still true today, when the new President, a pronounced elitist, is also a populist, who also addresses the poorly educated and low-income population groups [1].

However, the victory of the right-populist candidate has deeper roots. Jair Bolsonaro was not just a bombastic far-right extremist and a pro-American politician with a long political career. In Brazil, Bolsonaro was usually discussed not only as an individual political figure, but also in the context of his party and his family. And if the Bolsonaro family is in the public eye and turning into the most

influential political clan of the country – the President’s three sons are successfully entrenched in politics – the party context of the Brazilian political landscape is not so widely publicized.

As is known, competitive elections have been held in Brazil since 1985, after the military dictatorship had ended. Nevertheless, according to many political analysts, in recent years (2015-2018), the economic recession and corruption scandals have sent the country into its worst crisis of governability since 1985. This political crisis has even called into question the political model of the “Coalition Presidential System” that was once praised for its ability to manage the most fragmented party system in the world. Indeed, about 40 parties participate in Brazil’s congressional elections, around 30 of which usually get different levels of representation. Therefore, the party coalitions need to be created in the National Congress of Brazil.

Moreover, all candidates obliged to have party affiliation in order to take part in the election. Many Brazilian political scientists even call the Brazilian political system “partocracy” [2; 3]. Despite periods of dictatorship, political parties have steadily increased their political role in Brazil since 1945, when independent candidates were banned, and parties could only be created on a national basis. These principles, as well as the proportional electoral system of the “open list” were enshrined in the current 1988 Constitution. However, the need for the candidate’s party affiliation is balanced by both a wide range of parties (Bolsonaro, for example, changed 8 parties over his 30-year political career) and the variability of their programs (for example, after Bolsonaro joined the ranks, PSL converted from social liberalism to national conservatism) [1].

In Brazil, there is much tension around the issue of parties funding, and in recent years it has become extremely politicized. The country’s political system is undergoing constant changes. In the context of the 2018 general election, of particular importance is the judgement Brazil’s Supreme Court delivered in 2015 banning corporations from financing electoral campaigns. This ban significantly increased the already high importance of state funding of political parties. Nevertheless, election campaigns are awash with illegal money, which also applies to PSL and leads to mutual accusations and gotcha journalism. Unabated corruption scandals involving state-owned companies and government heavyweights led to the impeachment of re-elected in 2014 President Dilma Rousseff. Her successful election campaign was discredited retrospectively, taking a heavy toll on the Workers’ Party and the National Congress in general (for example, the speaker of the Chamber of Deputies was arrested).

The “55th Congress’ Political Reform” that followed focused on both banning the corporate money and consolidating the party system – that is, reducing the number of parties entitled to the fund (introducing a threshold and banning electoral coalitions), which affects the allocation of public funding and increasing campaign financing by adding a new public party fund exclusively for election campaigns. However, this political reform failed to significantly reduce the number of parties, and money from corporate sponsors continues to regularly flow into

election campaigns. The three largest parties took 35% of the public party fund, which undoubtedly makes them dependent on external funding and fuels debates about the fairness of elections [1]. Even though the information is not verified, there are compelling reasons to believe Bolsonaro managed to raise much bigger funding for his election campaign than his rivals [4].

It should also be noted that voting in Brazil is mandatory, therefore, the low turnout is not the key problem. However, the turnout rate and the numbers of blank ballots during the last two 2014 and 2018 electoral cycles turned out to be the highest.

Peculiarities of Brazilian Electoral Mentality

According to surveys, contemporary Brazil is disillusioned with the elites and at the same time has low level of confidence in the political institutions, including elections. Large-scale public opinion polls show that Brazilians are known as the most skeptical people not only in Latin America (according to Latinobarómetro Data Bank¹), but also in the world (according to the World Values Survey project by Ronald Inglehart and Christian Welzel²). According to national public opinion polls, the average level of confidence in the legislature has been hovering around 30%, however, in 2018 public approval of parties and the National Congress dropped to 7%. The lack of confidence in the elections and support for political institutions is what focuses the electorate's attention on personalities and public assertions by the politicians rather than political party programs, creating a breeding ground for populism [5].

If former President Lula da Silva serving his sentence on controversial corruption charges were registered as a presidential candidate (which certainly sounds quite utopian), the election could have made a dramatic swing bringing about a totally different result. At the same time, the September 2018 assassination attempt on Jair Bolsonaro at a rally in Juiz de Fora boosted his ratings as well.

The backing from highly respected athletes, especially footballers, was still pivotal during the last elections [6]. Football players still become national heroes in Brazil, and the country's football honor is of paramount importance. Thus, the devastating defeat of the host nation at the 2014 FIFA World Cup 2014 plunged the country into a mass depression, which resulted in spontaneous riots and anti-government demonstrations, contributing to a drop in Rouseff's ratings [7]. During the 2018 election campaign, the popular Brazilian footballers actively endorsed Jair Bolsonaro, which, of course, was bound to have a positive effect on his rating.

¹ *Latinobarómetro Data Bank*. Available from: <http://www.latinobarometro.org/latContents.jsp>. Accessed: 10.02.2019.

² *World Values Survey project*. Available from: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>. Accessed: 10.02.2019.

Competing Candidates' Programs

Jair Bolsonaro's main rival was Fernando Haddad – potential Lula da Silva's successor representing the Workers' Party. Lula was in jail (Bolsonaro promised, if elected, to make sure he “rots in prison”³) and despite his popularity in several regions of the country, he was unable to provide game-changing assistance to his follower. Since Brazil is an extremely polarized and, according to some researchers, a split country, the candidates found themselves in the second round virtually on the opposite wings of the political spectrum.

Bolsonaro nostalgically spoke about the period of military dictatorship, named corruption and bribery as the country's core problems, advocated large-scale privatization of state-owned assets, diminishing the size and bureaucracy of the federal government, toughening existing migration law, liberalization of gun ownership. He proposed to abolish “unnecessary” ministries (such as the Ministry of Economy and the Ministry of Defense) and support the free market. He advocated tax cuts for businesses through social programs, and repeatedly called for repressions against political opponents [1]. Bolsonaro's controversial approach to countering crime helped him to win a significant part of the voters. As a part of his general plan Bolsonaro vowed to solve the issue of high crime rate in the country using armed forces (mentioning in his election rhetoric the possible and justified “civil war”) and giving the soldiers punitive powers, lowering the age of criminal responsibility and further increasing Brazil's prison population (already 4th largest in the world). He proclaimed socialist programs involving state subsidies and dealing with high inequality issues dangerous for the country. As a result, Jair Bolsonaro acquired a reputation of Brazil's Donald Trump or “Trump of the Tropics”.

The problems of the Brazilian left wing in the run-up to 2018 elections did not come down to just the impeachment of Dilma Rousseff and high-profile lockup cases. The split occurred in the left forces in the build-up to 2014 elections, and has not been effectively eliminated in 2018. Aécio Neves from the Brazilian Social Democracy Party (grandson of the first democratically elected President of Brazil after the military dictatorship ended), the main rival of ex-president Dilma Rousseff in the previous presidential election, became an important “wake-up call” for the Workers' Party. He focused on the three sensitive topics for the Brazilian society: economy, corruption, foreign policy. Neves positioned himself as an alternative who could offer something different from what the Workers' Party government had been doing for the past 12 years. He constantly criticized the government, “which in recent years has not provided economic growth, is associated with corruption and foreign policy focused only on the South”. Jair Bolsonaro clearly picked this line up, and went over the top, complementing it with his right-wing populism.

³ In 2019, Lula da Silva was sentenced to 13 years in prison.

Bolsonaro's Populism in the 2018 Elections

Considering Bolsonaro's win, political scientists and analysts might be observing the onset of the new right-populist trend in the country. Brazil has earlier seen the wave of left-wing populism launched by President Lula da Silva. It's no coincidence that, despite their apparently opposing views, parallels have been drawn between the right-winger Jair Bolsonaro and Lula da Silva, including regarding their election campaigns and public discourse. During the elections Bolsonaro undoubtedly proved himself as a prominent right-wing populist and experienced lobbyist, a multi-term and, possibly, the brightest representative of the right-wing grouping in the Brazilian Congress, informally called "Bancada BBB" ("Bullets, Beef and Bible Caucus").

The very concept of "populism" is quite controversial and ambiguous [8]. Contemporary political science assumes there are three main components characteristic of the pre-election rhetoric of "populism":

1. *National sovereignty*, that is, the propensity of populists to invoke the "people" usually referred to as a homogeneous group forming unity. This category also includes references to the sovereignty of the people in their national territory. Also, arguments in favor of a more direct form of government can often be observed. It should be noted that Bolsonaro reproduces these plots only in part. Yes, he speaks a lot about patriotism, God, sovereignty, and declares that he rates the "correct" dictatorship higher than "irresponsible democracy", but in his public discourse the Brazilian people are not presented as unity. He makes disparaging remarks about women, the poor and minorities, noting there are too many "superfluous" people in the country [1].

2. *Anti-elitism*, that is, fierce criticism of the ruling elites and political actors that underlies the populist political agenda. Authorities are usually presented as a corrupt group that betrays the nation and prevents it from displaying true sovereignty. Behind this category lies the anti-establishment rhetoric, starting with elected politicians, the media, the business elite and even the intellectual and creative elite [9]. This is particularly true of Bolsonaro, who, like other right-wing populists, rode the wave of frustration with the ruling elites, exploiting nationalist and conservative rhetoric. Obviously, if it had not been for the accumulated frustration of the population fueled by economic woes and overblown corruption scandals, Bolsonaro would have stayed in political opposition. He is an example of a crisis politician (that is, the politician coming into sight during a crisis, but not necessarily capable of effectively coping with this crisis).

3. *Anti-external groups*, that is, "ostracizing others". It potentially excludes the part of the population that is not considered to be "pure" and should not be allowed to "enjoy the sovereignty". The target group may vary depending on the regional and political context and is regarded as "dangerous others" or "third rate". As already noted, this component of the populist discourse is very characteristic of Bolsonaro. He is afraid of Haitian, Syrian and other migrants, calling them the "scum of humanity", declares that police should be entitled to shoot 16-year-olds

from favelas, speaks derogatorily about sexual and ethnic minorities and does not regard semi-fictional Brazilian communists as people [10; 11].

Bolsonaro's political language can be characterized, on the one hand, as simple, reduced, colorful, emotional. On the other hand, it is dualistic and laden with references to God, the people, traditional family values, as well as intolerance, threats, accusations and insults.

Bolsonaro's Win: a Precedent or a Model for Contemporary South America?

Whether Bolsonaro's victory in the presidential race will remain a political case or a new effective model of public policy and political leadership for other countries in the region depends largely on Bolsonaro's success as the President of Brazil. At the moment, the interim results of his presidency are highly controversial and rather continue to divide and polarize Brazilian society.

In foreign policy the President is set to a complete a US sweep. This policy is driven not only by intention of Brazil's business circles, but also by his personal sympathies laying with US President Donald Trump whom he viewed as a model. Thus, Bolsonaro has indicated his intention to follow the United States' cue and relocate Brazil's embassy in Israel from Tel Aviv to Jerusalem in 2020. He pledged to impose new tough sanctions against socialist Venezuela. Having supported H. Guaidó, Bolsonaro has already rejected the nearly century-old principle of Brazilian foreign policy, which is non-interference in the internal affairs of other countries. However, President Bolsonaro, speaking at the World Economic Forum in Davos in 2019, ruled out the possibility of military intervention in Venezuela by Brazil. The dramatic shift of Brazil towards American business is highly likely, bringing deterioration of relations with Brazil's largest trading partner, the People's Republic of China.

Nevertheless, Brazil's focus on South America will only be increasing, which makes perfect sense in the current conditions and, in general, is consistent with the vector of right-wing populist policies. Brazil will enhance the former vector, bolstering ties in South America, but relying on the United States – primarily through large-scale regional initiatives (Mercosur, UNASUR, South American Defense Council).

With Bolsonaro's implementation of his domestic policy agenda the country is even more bitterly divided. Whereas, Bolsonaro's own political positions may become quite fragile with time. The modern history of Brazil knows precedents when right-wing Presidents lost power ahead of schedule due to corruption charges (for example, Fernando Collor de Mello). As G. Kolarov wrote, "If the right-wing elite (historically, it has been comprador bourgeoisie in Latin America) could not provide bread and circuses for the masses, it would inevitably lose momentum" [7. P. 28].

The success of Jair Bolsonaro as President will depend on his ability to deliver on his promises, at least in part.

It is highly questionable that the strategy proposed by the President to tackle violent crimes and reduce record high murder rates (over 60,000 per year) will work. Delegating crime-fighting to state governors and relieving police of responsibility can lead to more mass casualties and set the country, already known for its high rate of homicides by police, back. The President may also try to deploy the armed forces, as has already been done in the state of Rio de Janeiro, to “appease” the favelas, but this policy may be counterproductive. Finally, the main idea that Brazilians should be able to fight the criminals on their own and for this purpose have the right to buy and carry guns cannot promote the pacification of an already “heated society”.

One of the most controversial Bolsonaro’s statements posing a threat to society was his promise to imprison his ideological rivals, firstly, the socialists (including the former centrist President – Fernando Henrique Cardoso). There are thousands on Bolsonaro’s “list of enemies”. However, Brazil has an independent judiciary that can potentially block politically motivated arrests.

Brazil has been in economic recession for over 5 years in a row. Bolsonaro’s political future (as well as the appeal of the political model and ideology he represents) hinges on success in the economic sphere. Therefore, his plans here are not as radical, and he will apparently try to play a second fiddle, following Brazil’s financial elite [12]. The main goal of the new government is to increase the economic growth rate by all possible means. The President tackles the economic growth challenges by abolishing social programs, large-scale privatization, relaxing environmental licensing and regulation and opening the Amazon delta and tropical forests for exploitation. The latter raises serious concerns among environmentalists around the world, who fear that the Bolsonaro presidency could turn into an environmental disaster for Brazil.

References

- [1] Ivanov V.G. Results of Elections in Brazil. *International Anticrisis Center*. 2018; 12. Available from: <http://anticrisis.cc/wp-content/uploads/2018/12/Results-of-election-in-Brazil.pdf>. Accessed: 10.02.2019.
- [2] Nunes F., Ranülfo Melo C. Political Parties: The Case of Brazil. *The Presidentialization of Political Parties Organizations, Institutions and Leaders*. Ed. by G. Passarelli. UK: Palgrave Macmillan; 2015. 300 p. DOI: 10.1057/9781137482464.
- [3] Varshavsky A.Y. Institutional Foundations of Intraparty Coalitions in Presidential Systems: Case of Uruguay. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 673–686. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-673-686 (In Russ.).
- [4] Murillo A.T., Murillo D. General Elections 2018 in Brazil: Is Democracy Restored? *International Journal of Advanced Research*. 2018; 6 (10): 1253-1264. DOI: 10.21474/IJAR01/7932.
- [5] Gontijo C., Ramos First L. Caesarism, Populism, and the 2018 Election in Brazil. *Capital & Class*. 13.11.2019. DOI: 10.1177/0309816819884670.
- [6] Mundim P.S., Almeida da Silva G.M. The World Cup and Presidential Popularity in Brazil. *A Journal of the Brazilian Political Science Association*. 2019; 13 (3): 1–32. DOI: 1981-3821201900030001.

- [7] Kolarov G. Dilma Rousseff and National Consolidation of Brazilians: Problems, Contradictions and Prospects. *Political Changes in Latin America*. 2015; 1 (17): 28–34 (In Russ.).
- [8] Stavrakakis Y., Katsambekis G., Kiouпкиolis A. et al. Populism, Anti-populism and Crisis. *Contemporary Political Theory*. 2018; 17 (1): 4–27. DOI: 10.1057/s41296-017-0142-y.
- [9] Antonov D.E. The Use of Internet Technologies for Mobilizing the Voter Base: Features, Subjects and Prospects. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 538–548. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-538-548 (In Russ.).
- [10] Bacelar da Silva A.J., Robb Larkins E. The Bolsonaro Election, Antiracism, and Changing Race Relations in Brazil. *The Journal of Latin American and Caribbean Anthropology Events*. 11.11.2019. DOI: 10.1111/jlca.12438.
- [11] Finchelstein F. Jair Bolsonaro's Model Isn't Berlusconi. It's Goebbels. *Foreign Policy*. 05.10.2018. Available from: <https://foreignpolicy.com/2018/10/05/bolsonaros-model-its-goebbels-fascism-nazism-brazil-latin-america-populism-argentina-venezuela/>. Accessed: 10.02.2019.
- [12] Bruff I. The Rise of Authoritarian Neoliberalism. *Rethinking Marxism*. 2014; 26 (1): 113–129.

Article history:

The article was submitted on 18.04.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-71-80

Научная статья

Эволюция популизма в Южной Америке: стала ли победа Ж. Болсонару на президентских выборах в Бразилии 2018 г. прецедентом или примером для региона?

В.Г. Иванов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье анализируется избирательная кампания, публичный дискурс и политика Ж. Болсонару на посту президента Бразилии. Новый президент Бразилии олицетворяет собой модель непримиримого правого популиста, ориентирующегося на политику США. Приход к власти Ж. Болсонару произошел на фоне кризиса левого популизма в Бразилии. В статье ставится вопрос о том, является ли победа Болсонару примечательным кейсом или новой эффективной моделью публичной политики и политического лидерства для Бразилии и некоторых стран региона? Автор приходит к выводу, что это во многом зависит от успехов Ж. Болсонару на посту президента. В настоящий момент промежуточные результаты его президентства являются весьма противоречивыми и скорее продолжают разъединять и поляризовать бразильское общество.

Ключевые слова: Бразилия, Ж. Болсонару, президент, Южная Америка, выборы, популизм

История статьи:

Статья поступила в редакцию 18.04.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

Информация об авторах:

Иванов Владимир Геннадьевич – доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov-vg@rudn.ru).

Information about the authors:

Vladimir G. Ivanov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov-vg@rudn.ru).

Для цитирования:

Ivanov V.G. The Evolution of Populism in South America: Was J. Bolsonaro's Victory in the 2018 Brazilian Presidential Election a Precedent or a Model for the Region? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 71–80. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-71-80

For citation:

Ivanov V.G. The Evolution of Populism in South America: Was J. Bolsonaro's Victory in the 2018 Brazilian Presidential Election a Precedent or a Model for the Region? *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 71–80. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-71-80

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-81-91

Research article

Migration Policy in the Programs of FRG's Leading Political Parties

I.S. Amiantova, E.A. Ivanova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The presented study is devoted to the reflection of migration policy concepts in the program documents of the leading political parties in Germany. The purpose of this work is to conduct a comprehensive assessment of migration policy concepts of Germany's leading parties, incorporated in their programs. The research methodology is based on a combination of comparative descriptive analysis and elements of case study. The empirical basis of the research is constituted by program materials of 6 parties and party blocs, whose representatives became part of the Bundestag, according to the results of the 2017 federal elections. The author believes that despite certain differences, the majority of parties hold to the consensus stance on migration policy, which may entail maintaining the current course for the foreseeable future. Significant changes in migration policy are possible only if the leadership of the CDU/CSU is able to convince the leaders of the SPD to continue tightening migration policy in terms of restricting the flow of refugees. Attempting to sustain the existing model of migration policy with the current dynamics of the socio-economic situation can lead to an increase in the popularity of AfD. However, this course of events does not threaten the stability of German political system, provided AfD does not ally itself with another influential party.

Key words: Germany, FRG, migration policy, political parties, party programs

Introduction

Migration policy regulation has been a major concern for politicians and researchers for decades; still, in the last five years, the migration issue impacted many countries. The political situations in Asian and African countries have sub-

© Amiantova I.S., Ivanova E.A., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

stantially changed life in Europe. The donor countries, as well as recipient countries, have found themselves in a cycle of migration flows. International migration keeps sending new waves of migrants to the EU countries, whose leaders, in the meantime, keep relentlessly generating new but highly controversial ideas. While some leaders speak in favour of multicultural society, tolerance and possible migrant assimilation, others demonstrate a highly negative attitude towards the increasing migration and actively criticize the policy that advocates tolerance in relation to incoming foreigners. These opposing views aggravate rather than smooth over various concerns related to the new members of society and draw public attention to challenges that inevitably emerge from assimilation problems, which foreigners have to face in a new social environment.

It is quite obvious that it would be challenging for European society to reverse the tendency: migrants have gained a firm foothold in European countries and become an intrinsic part of the current map of the world. There is no current debate on how to overcome the existing critical situation caused by the large-scale migration flow. It is vital now to decide on what principles the new migration policy should be based on, as all previous options have failed against the backdrop of the rapidly growing flow of migrants trying settle down, find a niche and secure their position within European society.

The latest data published in the International Migration Report by United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA) show that the number of migrants is on the rise and in 2017 accounted for about 258 million migrants, which reflects a 49% migration rate growth as compared to 2000. The largest number of migrants, according to official statistics, live in the USA (49.8 million migrants), Saudi Arabia and Germany (12.2 million migrants respectively) [1].

Since fall 2015, migration policy has been among the top priorities on modern Germany's internal affairs agenda. A sharp increase in the flow of refugees has aggravated the issues of ethnic crimes and terrorism. Integration mechanisms have been experiencing failures, while non-acceptance of European values and behaviour patterns by the majority of migrant communities has become more prominent. It naturally led to an eroding trust in the ruling party coalition, escalating anti-elite tensions, and growing popularity of certain party projects that have been named 'populist' within the framework of political discourse. There has also been a rise in right and far-right tendencies in German society, as well as an increase in the number of hate crimes and instances of civil unrest and clashes.

The aforementioned processes have come under close scrutiny of the expert community. Still, despite this fact, the majority of studies tend to neglect the major aspect of the FRG domestic political process, i.e. the leading parties' stance on migration policy. These parties are expected to build a new system of social, political and economic relations essential for ensuring a stable social situation and defining conditions that will satisfy all parties and allow them to coexist seamlessly.

It is worth mentioning that academic literature extensively covers the migration policy adopted by the German government. Its implementation in the pre-crisis years was studied by N.N. Bolshova [2], I.A. Kositsyn [3], V.P. Ljubin [4],

E.A. Mikhailova [5] and M.V. Strelets [6]. The dynamic of the migration policy carried out by the FRG government after the crisis was investigated by D.Sh. Valiev [7], V.I. Vasilyev [8] and V.V. Radchenko [9]. The topic in question has also been indirectly addressed by authors who analyse how migration crisis affects electoral behaviour of German voters – A.A. Derevyanchenko [10], A.V. Kuznetsov [11], E.P. Timoshenkova [12], A.V. Fedina [13] and S.S. Morozova [14].

Still, the key aspects of the mainstream (leading) parties' views on migration issues have not been thoroughly covered yet. In this context, "Alternative for Germany" (*Alternative für Deutschland*, hereafter – AfD), a party viewed as right-wing populist and openly announcing its stance, is an exception. The relevant topic is studied either within the framework of related issues (for instance, the issue of public security) [15], or in the context of ideology baselines for specific parties [16]. The studies of separate parties' migration policies are still quite rare (except the AfD's pressing issue). Among such studies we can mention V.Yu. Shcherbakov's research, which focuses on the "Left Party" stance on the migration question [17]. However, to date, the Russian-speaking academic community has offered no articulate comprehensive analysis of German leading parties' stance on migration. In light of all of the above, the current research is of particular significance as it aims at specifying various German political parties' standpoints on the migration issue. Such analysis will help differentiate between inadequate solutions to the problem and solutions that offer both Germany and other European countries a satisfactory way out of the existing situation.

The article's objective is to fill the gap in the scientific knowledge system. Its goal is to conduct a comprehensive evaluation of migration policy concepts of the leading German parties outlined in their program documents.

The research methodology is based on a combination of comparative descriptive analysis and elements of case study. The empirical basis of the research is constituted by program materials of six parties and party blocs, whose representatives became part of the Bundestag, according to the results of the 2017 federal elections. The party leaders' commentary to the program documents served as an information source as well.

Migration Issue on the Parties' Agenda

All German political parties are currently focusing on the controversial but pressing issue of further migration management. There are zealous opponents as well as ardent supporters of the policy of tolerance and multiculturalism pursued and actively promoted by the incumbent government. However, the opposition's stance is becoming a matter of growing concern from the security perspective.

The alliance of Christian Democratic Union of Germany (CDU, *Christlich Demokratische Union Deutschlands*) and Christian Social Union in Bavaria (CSU, *Christlich-Soziale Union in Bayern*) traditionally asserts the idea of resolving the issue pragmatically. The leaders of this party bloc view migration as a source of

additional workforce that German economy needs to stay competitive in view of the current relatively low population reproduction rate.

The party bloc emphasizes that Germany is interested in a constant but controlled flow of migrants who are well-educated, proficient in the German language and sought after by the Republic's labour market (primarily it refers to the citizens of other EU countries). The flow channels for highly skilled migrants who could benefit the national economy need to be gradually expanded. The alliance leaders also consider the possibility of contracting highly qualified professionals from the non-EU countries in the medium term perspective. The bloc believes that to achieve this goal the German government will need to ramp up teaching German overseas.

The qualifications and experience of migrants have to be evaluated in accordance with German quality standards. Apart from this, policy makers insist that it is crucial to avoid a flux of migrants who could become "the professional welfare recipients". Thus, the CDU/CSU party bloc points out that it is essential to debar the right to resettle in Germany for those migrants who have a history of falsifying information regarding their nationality, citizenship, etc. The alliance stresses as well that the allowance amount needs to be reduced for migrants who sought asylum in other EU countries. Along with this, CDU/CSU considers it necessary to limit the court power to repeal deportation proceedings for illegal migrants [18]. Besides, the party bloc actively champions the idea of legislation amendments serving to prevent cases of child benefit abuse. This term refers to real or fictitious multi-child migrant families depending solely on child allowances [19].

Apart from this, it is stressed that migrants should be ready and willing to adopt the values and lifestyle that most FRG citizens abide by. The right to preserve cultural identity only exists to a certain extent, while democracy and human rights are recognised as fundamental values and strict commitment to them is required. First of all, these principles refer to safeguarding equal rights for males and females.

In October 2018, at the CDU/CSU faction session Minister of the Interior of FRG Horst Seehofer stated that since the beginning of the year about 100 thousand refugees have come to Germany, which is significantly less than during the same period last year. He named the number of 200 thousand people as a target mark and expressed his confidence in the country's ability to "manage that". He summed up that in this situation "integration would take place, but any exceeding number would cause an overload" [20].

The CDU/CSU program documents mention that relying on Christian moral attitudes and acknowledging human rights as a core value, Germany is obliged to grant asylum to the victims of humanitarian disasters. However, this idea did not gather much popular support.

While highlighting interest in migrants and their value for the country, the party alliance claimed that one of the major goals of German political system is to integrate newcomers into FRG society, which primarily concerns the second and third generation of migrants.

Moreover, the CDU/CSU bloc sees elimination of the language barrier as one of the key directions of migrant integration into Germany society. The party establishment believes that in order to overcome this barrier the pre-school and school systems have to be reformed. The party insists that it is necessary to provide targeted language support for children of migrants in kindergartens, introduce language proficiency tests for children joining schools and set up a language assistance program for migrant students in colleges [21].

Among the major challenges CDU/CSU representatives have noted in pursuing the adopted migration policy course include cultural attitudes toward employment among certain categories of migrants (women in particular), Eurosceptic efforts aimed at settling the migration crisis, which can be solved by EU countries collectively, and increased xenophobia within German society.

According to the Social Democratic Party of Germany (SPD), the migration issue has to be resolved by turning to principles of humanity, rationality and sharing EU common resources. The latter is considered especially significant. Social-democrats believe that it is possible to settle the migration crisis at the pan-European level alone. What is more, this entails providing necessary assistance (financial and administrative) to South European countries – the main transit areas for the majority of refugees from Maghreb and the Middle East.

Further, they suggest drawing a clear line between labour migration (or migration of professionals) and providing assistance to asylum-seeking citizens from other countries.

Social-democrats, as well as CDU/CSU representatives, are open to migration of highly qualified professionals. Such migration is believed to guarantee a higher quality of economic development and decent pension benefits for FRG citizens (how these factors are interrelated is yet to be clarified) [22].

Social-democrats believe that individuals who have a reason to seek asylum, should be granted refuge by all means. However, this issue cannot be resolved unless other EU partners offer their assistance. Today this idea seems utopian as many of these countries have closed their borders.

Migrants are guaranteed equal freedoms with other German citizens and an opportunity to maintain their cultural identity. An exception applies solely to traditions that contradict German society's understanding of fundamental human rights and freedoms. Moreover, special emphasis is placed on protecting gender equality. The question of migrants' security is also among the main priorities. Social-democrats insist that the key to resolving this issue lies in suppressing far-right movements.

Migration Issue in Terms of Democratic Values

The Free Democratic Party of Germany (*FDP, Freie Demokratische Partei*), which formally adheres to neoliberal ideology, extensively focuses on migration issues in its program documents as well. They declare that the problem of refugees and illegal migrants should be solved in close cooperation with other EU

countries. “Free democrats” believe that Germany has to champion the full exercise of power for pan-European institutes. Only in this case other EU countries would take on an “adequate” load to help deal with the European migration crisis. Along with this, they suggest carrying out joint economic projects in certain Middle Eastern countries (Lebanon and Jordan). These projects are expected to create a source of well-being which would attract part of the refugee flow. Moreover, FDP insists that it is essential to expand activities related to engaging highly qualified migrants in the German economy, among other things, by increasing the number of employment vacancies and student visas [21].

The “Alternative for Germany” (AfD) adheres to the strictest policy on the migration management issue. At the same time, the party program is very specific and lists well-articulated requirements. The party representatives insist on taking the following measures:

- reduce the number of grounds on which asylum in Germany is granted to foreigners;
- refuse to grant the right to reside in Germany in the framework of family reunion program;
- establish tight control on border crossing points;
- revoke citizenship in case a serious crime is committed within 10 years after naturalization;
- extend the list of crimes that exclude the possibility of naturalization;
- ease the procedure of deportation of foreign criminals (including those who committed minor offences);
- deport foreigners on suspicion of involvement with criminal groups;
- allow criminal courts to pass verdicts in deportation cases;
- prohibit holding Islamic worship services in any language other than German;
- ban wearing religious symbols in public places [23].

The migration question, as it is covered in AfD’s program, is closely related to countering criminal activity and terrorism. Paragraph 4.1 of the program directly alleges that the majority of individuals involved in organized crime are foreigners. Thus, AfD proposes the following measures to enhance public security:

- lower the minimum age of criminal responsibility to 12 years old;
- increase expenses for the police force, which “is not properly supported as of now”;
- reform federal and local law enforcement agencies by establishing cooperation and equalizing their level of training;
- mitigate the right to acquire firearms for citizens [23].

It is noteworthy that AfD stance on migration issue corresponds to their electorate views. The public opinion polls conducted in February 2016 show that 54% of FRG citizens doubt that migrants of the newer flow can assimilate into German society. Besides, 97% of the sceptics are constituted by the AfD supporters [24. P. 27]. Thus, by representing its voters the party openly expresses the position of a

large segment of society. Along with this, it should be noted that the party's standing does not correlate with the official policy of multiculturalism, and therefore it cannot be adopted by "mainstream" parties (which have considered the AfD's line to be marginal for a long time) [13. P. 79].

The "Left Party" (or "The Left", *Die Linke, Linkspartei*) insists on significant mitigation of migration barriers. In accordance with this policy, the party representatives suggest vesting a privilege of "prospective benefit" to those individuals who may claim a right to resettle in Germany. "The Left" demand that German borders should be open for anyone who seeks asylum. First of all, it concerns the citizens of countries with ongoing armed conflicts or systematic blatant violation of human rights. To clear the obstacles on migrants' way to Germany, the party proposes elimination of FRONTEX, the European Border and Coast Guard Agency [25].

Furthermore, "The Left" is seeking to maximally broaden the interpretation of the term "family reunion". They believe that within the relevant procedure the right to resettle should be granted to children, partners (including same-sex couples) and non-immediate family members. Besides, the German citizenship should be granted to every child born on the territory Germany (upon condition that its parents live in FRG). The official line of the "Left Party" states that it imperative to alleviate the naturalization procedure as well. Migrant integration into German society should be supported by large-scale language programs and elimination of "structural discrimination". The latter implies that migrants would be granted equal access to health care services and education, and also would have equal starting opportunities in labour market. "The Left" is also pushing for validating all education and professional retraining certificates that were obtained by migrants before coming to Germany.

The party "Alliance 90/The Greens" (*Bündnis 90/Die Grünen*) also call for significant ease of migration legislation. The party representatives reinforce their stance by referencing qualified workforce shortage and demographic challenges. Besides, they stress that Germany is obliged to help refugees and there cannot exist any "upper limit" in this matter.

The "Greens" believe that the ideal model of migration policy would ensure a constant but controlled resettlement of new citizens to Germany. Along this line, the party representatives claim that the system needs to target safeguarding the rights and interests of migrants as well. Besides, the system has to be closely correlated with migrant integration mechanisms, which include individuals who have been living in FRG for some time.

In like manner, the party is committed to the refugee protection policy which is based on human rights, including the basic right to asylum. It is a fundamental requirement (as well as a human rights obligation) to render assistance to people who are under threat or being persecuted. The "Greens" are strongly opposed to any "upper limit" for refugees saying that immigration and asylum seeking should not be confused.

The "Greens" intend to ensure FRG citizenship for every child born in Germany, provided their parents have a residence permit. The party suggests estab-

lishing a migration committee that, if approved by the Bundestag, would determine migration quotas for a fixed number of foreign professionals. They want to introduce a point-based immigration law, which involves assigning the so-called “talent cards”. These cards are awarded to foreign citizens who meet the criteria of professional qualification, expertise, experience, German language proficiency, etc. A certain number of points given for each of the mentioned criteria constitute a score for a “talent card” eligibility.

The “Greens” believe that engaging highly qualified professionals from abroad can also be arranged by granting benefits to foreign students who study in Germany and plan to stay and work in FRG afterwards. On top of that, the party proposes to increase access to low-skilled vacancies in the labour market for migrants.

Thus, the majority of German leading political parties, except AfD, maintain that the growing flow of migrants is beneficial for the country’s economic development. The majority of parties also support the idea that the migration crisis should be resolved on the pan-European level with mandatory involvement of EU joint management institutes. Most parties believe that consensus begins with agreement on controlled and planned migration. The majority focuses on the threat far-right parties pose to migrants and the necessity to counter this threat. CDU/CSU and SPD, the members of the coalition government, insist that migrants need to be granted a restricted right to preserve their cultural identity, meaning that traditions that contradict German take on human rights cannot be applied to FRG realities.

CDU/CSU tandem abide by rather strict stance on illegal migration and asylum granting conditions. The latter brings the alliance of the two centre-right parties and AfD together, which seems natural, as AfD was formed by former CDU/CSU activists, who belong to ideological fundamentalists.

SPD has taken up a moderate stance and insists on a modest expansion of benefits for migrant workers, as well as refugees. “The Left” and the “Greens” promote the idea that Germany, being an economically developed democratic country, has certain obligations, which implies that migration legislation needs to be extensively mitigated, primarily with regard to individuals seeking asylum.

Conclusion

With parties forming a clear consensus on the key issues, it is unlikely that German migration policy will be tightened in the nearest future, as long as CDU/CSU representatives get SPD to support their initiatives to curb refugee migration. Maintaining current migration policy in the context of the currently complex socio-economic situation and failing integration mechanisms can lead to increased discontent among voters and growing popularity of AfD. Despite the fact that AfD lacks significant support from other leading parties, its expanding influence puts political stability at risk. Along with this, the migration regulation issue has become so popular on its own that the majority of political parties or candidates claiming political influence in the contemporary society have made it an integral part of their programs. Migration has become one of today’s topical issues

and we believe that it will remain relevant for a long time. It should be noted that the number of children born in European countries in migrant families grows each year. Therefore, large-scale problems resolved on the governmental level will be amplified by more specific ones, namely healthcare, various welfare benefits, pre-school facilities, etc. It is impossible to ignore migration processes, as their impact on current political realities has grown out of proportion. The migration issue is becoming more complex as new challenges keep adding up: nationalism, unemployment, refugees, international legal norms, political culture and many others.

References

- [1] New UN DESA report finds numbers of migrants continue to rise. *Monthly Newsletter UN DESA Voice*. 2018; 1 (22). Available from: <https://www.un.org/development/desa/undesavoice/highlights/2018/01#37372>. Accessed: 15.09.2019.
- [2] Bolshova N.N. Germany's Immigration Policy towards Highly-Skilled Workers in the 21st Century. *Vestnik MGIMO-University*. 2012; 6 (27): 226–237 (In Russ.).
- [3] Kositsyn I.A., Maile A.D. Migration in Germany: Looking for Solutions. *Vestnik of the Omsk Law Institute*. 2010; 2 (13): 26–28 (In Russ.).
- [4] Ljubin V.P. The Revolution of Migration and Its Regulation in Russia, Germany and the EU. *Russia and the Contemporary World*. 2005; 1 (46): 91–107 (In Russ.).
- [5] Mikhailova E.A. Economic Trends and Issues of Migration in Germany. *Bulletin of Educational Consortium Central Russian University. Series: Economy and Management*. 2015; 6: 54–56 (In Russ.).
- [6] Strelets M.V., Morozova N.N. Germany after Parliamentary Elections of 2013. *Contemporary Europe*. 2014; 3 (59): 77–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320147789> (In Russ.).
- [7] Valiev D.Sh. Muslim Minorities in Germany: Labour Migration History and State of Public Dialogue. *Political Science Issues*. 2018; 10 (38): 841–847 (In Russ.).
- [8] Vasilyev V.I. Migration as a Bane and Boon for Germany. *International Affairs*. 2016; 3: 57–70 (In Russ.).
- [9] Radchenko V.V. Germany: Migration Challenges. *Nationalism Issues*. 2016; 1 (25): 13–20 (In Russ.).
- [10] Derevyanchenko A.A., Derevyanchenko A.A. Germany after Parliamentary Elections 2017: Formation of the Federal Government and Its Perspectives. *Citizen. Elections. Authority*. 2018; 2: 64–85 (In Russ.).
- [11] Kuznetsov A.V. Germany during the Election Year: Angela Merkel's Pyrrhic Victory? *Year of the Planet. Economy. Politics. Security. Moscow*. 2017: 227–235 (In Russ.).
- [12] Timoshenkova E.P. Alternative for Germany in the Bundestag: The Turn of Germany to the Right. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018; 3: 54–62 (In Russ.).
- [13] Fedina A.V. Testing with Values: The Refugee Problem and Political Prospects of the "Alternative for Germany". *RUDN Journal of Political Science*. 2018; 1 (20): 76–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-76-88> (In Russ.).
- [14] Morozova S.S. Regional Elections in Germany: Europeanization of Political Parties and Consequences of Migration Crisis in the EU. *Political Expertise: POLITEX*. 2016; 3 (12): 96–107 (In Russ.).
- [15] Grachev S.I., Kornilova K.A. Basic Ideas of the Political Parties of Germany on Security: Comparative Analysis of Their Programs' Provisions. Germany at the Crossroads of History. *Internal and Foreign Policy Issues in the Context of Foreign Affairs Change*. 2018; 9: 28–43 (In Russ.).

- [16] Petelin B.V. Political Conservatism of Christian Democrats of Germany in the Context of the European Changes of the 21st Century. *History Studies. Journal of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University*. 2016; 2 (5): 89–94 (In Russ.).
- [17] Shcherbakov V.Yu. Immigration Policy of the German “Left Party – PDS”: Genesis, Evolution and Prospects. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2016; 11–1 (73): 205–210 (In Russ.).
- [18] Wir brauchen die Möglichkeiten der Abschiebehaft. *The Speech from Thorsten Frei*. 16.05.2019. Available from: <https://www.cducusu.de/themen/innen-recht-sport-und-ehrenamt/thorsten-frei-wir-brauchen-die-moeglichkeiten-der-abschiebehaft>. Accessed: 15.09.2019 (In Germ.).
- [19] Wir handeln zum Wohle Deutschlands. *The Speech from Alexander Radwan*. 06.06.2019. Available from: <https://www.cducusu.de/themen/familie-frauen-arbeit-gesundheit-und-soziales/alexander-radwan-wir-handeln-zum-wohle-deutschlands>. Accessed: 15.09.2019. (In Germ.).
- [20] Venkina E. Germany Saw 100,000 Migrants in 2018. *DW news*. 10.10.2018. Available from: <https://www.dw.com/ru/в-германию-в-2018-году-прибыло-100-тысяч-мигрантов/a-45820287>. Accessed: 15.09.2019 (In Russ.).
- [21] *The FDP Programme*. Available from: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2017/08/07/20170807-wahlprogramm-wp-2017-v16.pdf>. Accessed: 15.09.2019 (In Germ.).
- [22] *Hamburg Programme. Principal guidelines of the Social Democratic Party of Germany*. Available from: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Grundsatzprogramme/hamburger_programm_englisch.pdf. Accessed: 07.06.2019.
- [23] *Programme of the AfD Party*. 2017. Available from: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf. Accessed: 30.10.2019 (In Germ.).
- [24] Timoshenkova E.P. Specificity of the Party Political Development of Germany and the Migration Crisis 2015-2016. *Transformation of the party and political Landscape in European Union Countries in the period of Crisis*. 2017: 337: 20–34. Available from: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/337.pdf>. Accessed: 30.10.2019 (In Russ.).
- [25] *Programme of the DIE LINKE Party*. 2011. Available from: https://en.die-linke.de/fileadmin/download/english_pages/programme_of_the_die_linke_party_erfurt_2011.pdf. Accessed: 15.09.2019.

Article history:

The article was submitted on 25.09.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-81-91

Научная статья

Миграционная политика в программах ведущих политических партий ФРГ

И.С. Амиантова, Е.А. Иванова

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Представленное исследование посвящено отображению концепций миграционной политики в программных документах ведущих политических партий Германии. Целью данной работы является проведение комплексной оценки концепций миграционной политики ведущих партий Германии, закрепленных в их программах. Методология исследования выстраивается за счет комбинации сравнительного дескриптивного анализа и эле-

ментов кейс-стади. В роли эмпирической базы работы выступил комплекс материалов программ 6 партий и партийных блоков, представители которых вошли в состав Бундестага по результатам федеральных выборов 2017 г. Автор приходит к выводу, что представители большинства партий, несмотря на отдельные разногласия, придерживаются консенсусной позиции в отношении миграционной политики. Это может означать сохранение текущего курса в обозримом будущем. Существенные изменения в миграционной политике возможны лишь в случае, если руководство ХДС/ХСС сумеет убедить лидеров СДПГ пойти на ужесточение миграционной политики в плане ограничения потока беженцев. Сохранение нынешней модели миграционной политики при аналогичной динамике социально-экономической конъюнктуры способно обернуться ростом популярности АдГ. Однако это не приведет к дестабилизации политической системы Германии, если АдГ не сможет заключить альянс с другой влиятельной партией.

Ключевые слова: Германия, ФРГ, миграционная политика, политические партии, партийные программы

История статьи:

Статья поступила в редакцию 25.09.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

Информация об авторах:

Амиантова Ирина Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-1543-0815) (e-mail: amiantova_is@rudn.ru).

Иванова Екатерина Александровна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0001-7350-6123) (e-mail: ivanova-eka@rudn.ru).

Information about the authors:

Irina S. Amiantova – PhD in Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (ORCID ID: 0000-0003-1543-0815) (e-mail: amiantova_is@rudn.ru).

Ekaterina A. Ivanova – PhD in Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (ORCID ID: 0000-0001-7350-6123) (e-mail: ivanova-eka@rudn.ru).

Для цитирования:

Amiantova I.S., Ivanova E.A. Migration Policy in the Programs of FRG's Leading Political Parties // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 81–91. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-81-91

For citation:

Amiantova I.S., Ivanova E.A. Migration Policy in the Programs of FRG's Leading Political Parties. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 81–91. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-81-91

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-92-104

Научная статья

В поисках политической идентичности ЕС. Опыт желто-зеленого правительства в Италии, 2018–2019 гг.

Р. Алонци

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье рассматривается вопрос определения политической идентичности ЕС в связи с опытом желто-зеленого правительства в Италии, 2018-2019 гг. Исследуются устойчивые тенденции отношения итальянских правительств к процессу европейской интеграции. Анализируется «Европейская линия», проводившаяся коалиционным правительством Движения 5-ти звезд и партии Лига. Автор приходит к выводу, что наднациональный политический характер и усложняющаяся структура Европейского Союза не совместимы с односторонним подходом к концептуализации идентичности ЕС. В результате необходимо переопределить составляющие политической идентичности ЕС, а также переосмыслить такие спорные понятия, как совранизм и полулизм.

Ключевые слова: политическая идентичность ЕС, желто-зеленое правительство в Италии, полулизм, совранизм, европейская интеграция

Введение

Определение политической идентичности Европейского Союза является очень сложным вопросом, учитывая невозможность его политологической концептуализации. Из-за отсутствия четких критериев такого определения единственным параметром, объединяющим идентичность и политику, является принцип легитимности власти [1–3]. Не случайно этот вопрос становится более актуальным именно в связи с появлением на европейской политической сцене «популистских» и отстаивающих национальный «суверенитет» партий, так называемых совранистов, которые похоже ставят под сомнение как легитимность власти, так и структуру нынешнего Европейского Союза.

Плодом этих новых тенденций в Италии стало создание в 2018 г. коалиционного желто-зеленого правительства Движения 5-ти звезд и партии Лига (желтый – цвет Движения 5-ти звезд, зеленый – Лиги). Его встреченная в

© Алонци Р., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

штыки Брюсселем деятельность и последующий уход в августе 2019 г. показал, насколько участие национального государства в ЕС зависит от достаточно односторонней концепции европейской интеграции.

В данной статье мы попытаемся проанализировать вопрос европейской политической идентичности в свете того, что наднациональный политический характер и усложняющаяся структура Европейского Союза уже не совместимы с односторонним концептуальным подходом, закрытым для осмысления новых переменных, порожденных изменениями в глобальной политике.

Появление третьей Итальянской республики: победа для «популистского» фронта?

Рождение так называемой «Третьей Итальянской Республики» является результатом появления правительства, названного международными наблюдателями «популистским», на фоне влияния экзогенной переменной. Этой переменной являются современные миграционные процессы [4].

Предыдущая Вторая республика также происходила от экзогенной переменной. В основе ее появления был конец биполяризма и соперничества между США и СССР, а также крах итальянской партийной системы, которая в течение почти пятидесяти лет подстраивалась к этой международной схеме. Именно то, что теперь в применении уже к новым обстоятельствам характеризуется как «популизм», стало в тот момент следствием антикоррупционной кампании, начатой в 1992 г. несколькими итальянскими прокурорами и получило название Танджентополи (в рус. переводе: Взяткоград). Во время той кампании выдвигался очень популярный лозунг: «Мы перевернем Италию», в то время как население страны приветствовало массовую смену всего прежнего политического класса. Но в те годы в отличие от нынешнего времени ни один международный наблюдатель или итальянские политологи не говорили о популизме в связи с тем, что происходило в Италии [4].

Судебные события того периода, в которые были вовлечены в большей или меньшей степени все партии, вызвали политическое землетрясение, приведшее к отмене результатов волеизъявления народных масс, голосовавших на выборах за тогдашние партии. В 1992 г. избиратели оказали доверие пятипартийному правительству. Но уже в конце 1993 г. политические силы, победившие на тех выборах, больше не существовали. В 1994 г. на выборах победила политическая партия, которая до этого не существовала, во главе ее стоял лидер, не имевший политического прошлого, Сильвио Берлускони. Совершивший данный «популистский» поворот [5. Р. 97; 6; 7; 8] и возглавлявший несколько правоцентристских правительств Берлускони был затем удален с итальянской политической сцены с помощью своего рода реставрации и передачи власти технократам, одобренной, если не напрямую поддержанной, Европейским Союзом и Соединенными Штатами.

Появление Европейского Союза в качестве независимого международного субъекта явилось следствием распада биполярной системы. На уровне

итальянской внутренней политики все это оказалось соединено с началом противоречивого этапа, отмеченного не только кризисом идеологий, но и имевшим политический характер кризисом деятельности ведущих акторов национальной политики. В Маастрихтском договоре ЕС зафиксировано преимущество экономического измерения перед политическим измерением, и это находит отражение в политике итальянских правительств.

В случае Италии аполитичный характер, постепенно приобретаемый решениями сменявших друг друга правительств, со временем подпитывал «популистские» импульсы.

Вторая волна «популизма», которая привела к формированию желто-зеленого правительства, носит гораздо более сложный характер.

По мнению политолога Серджио Фабрини, популизм представляет серьезную угрозу либеральной демократии. В итальянском случае это можно проследить по трем основным характеристикам: движение против элит, которые считаются коррумпированными во имя неподкупного народа (политическая компетентность является препятствием для утверждения власти народа), нетерпимость к институциональному плюрализму, нетерпимость к представительной демократии и ее наднациональной взаимозависимости [9].

Однако концепция популизма сама по себе остается мало репрезентативной для итальянского политического сценария. В случае Италии «популизм» скорее означает стремление значительной части электората восстановить определенное измерение идентичности во внутренней и международной политической жизни страны. И дело не в создании нового нарратива, перекрывающего партийный нарратив или поиск форм самопредставления в ущерб механизму представительства и демократического плюрализма, а именно в поиске новых механизмов символической идентификации с партиями и их лидерами. И это очень заметно на примере разрыва в консенсусе, который возник между поддержкой избирателями партии Лига (имевшей 36,9%) и поддержкой Движения 5-ти звезд (упавшей до 17%) в фазе, непосредственно перед падением их совместного правительства в августе 2019 г. [10].

Лига оправдала ожидания электората, который призвал к восстановлению процесса принятия политических решений и четкой идентификации национальных интересов с помощью классических механизмов представительной демократии. Вместе с тем модель прямой демократии, которая так привлекала избирателей Движения 5-ти звезд в самом начале, оказалась более проблематичной. Несмотря на риторику гипердемократии, создатели Движения 5-ти звезд Казаледжо и Грилло не в полной мере придерживались прямой демократии. Сильный централизм затмил идеалы участия, заложенные в начале процесса, и позволил этой партии выжить в течение долгого времени и преодолеть риски раздробленности. Именно организация, необходимая для повседневной политической борьбы, впоследствии способствовала появлению в Движении 5-ти звезд все более профессиональной олигархии [11–13].

В более общем плане можно отметить, что утверждение на итальянской политической сцене малоизвестных и маловлиятельных партийных сил

несколько лет назад стало, с одной стороны, следствием неоднократной смены позиций в итальянской политической системе в результате эпохальных международных перемен, а с другой – произошедшего на всем Западе [14] и в Италии сокращения влияния левых сил, связанного с дефицитом возможностей их реагирования на процессы глобализации.

Свидетельством падения влияния европейских левых является, прежде всего, потеря ими за 7 последних лет 16 миллионов голосов избирателей.

Кризис левых итальянских реформаторов проявился в результатах парламентских выборов 4 марта 2018 г. Реформаторские левые силы попытались реформировать капитализм, сделав его, по их мнению, социально справедливым и устойчивым, но на самом деле они пытались реформировать общество, чтобы сделать его пригодным для глобального капитализма [15].

В новом столетии реформистские левые, как они представлены в Италии, взяли на себя обязательство по трудоемкому переходу к либерально-англосаксонской модели (как показывает само название новорожденной партии, по-итальянски ПД – Партито демократико, по-русски Демократическая партия – ДП). Заслуживал внимания тот факт, что страна нуждается в глубоких изменениях. Но это было ретроспективное видение. Уже в середине 1990-х гг. несколько ученых предупреждали, что неравенство в доходах и благосостоянии между развитыми и развивающимися странами уменьшается, но оно существенно увеличивается внутри первых. В развитых странах те, кто имеет самую высокую квалификацию и работает в технически развитых секторах, выигрывают, в то время как все остальные должны выдерживать конкуренцию со странами с формирующейся рыночной экономикой. Существование среднего класса оказалось в опасности, общество поляризовалось, и это размывает консенсусную базу левых реформаторов [16].

Когда наступил мировой финансовый кризис 2008 г., в то время как левые реформаторы были втянуты в пространство рынок/мир, пространство государство/нация становилось новым полюсом притяжения для тех, кто чувствовал себя отвергнутым и обретал себя в различных формах так называемой «социальной правдой» [15].

Финансовый кризис остановил экономику, число бедных удвоилось. Падение режима Муамара Каддафи в Ливии привело к росту числа мигрантов, прибывающих в Италию с ливийского побережья. Но, прежде всего, левые правительства, все во главе с лидерами ДП (Летта, Ренци, Джентилони), перед лицом этих катаклизмов сделали два решающих шага, которые окончательно изменили ДНК левых сил. Первый заключался в том, чтобы сделать прием мигрантов моральным, а не политическим вопросом. Второй – в том, чтобы направить те немногие имеющиеся ресурсы (в частности, 10 млрд из 80 млрд евро госбюджета) на поддержку своей традиционной социальной базы, состоящей из зависимых трудящихся с гарантированным доходом. А не поддержать реально слабых: это не только иммигранты, но и незащищенные бедняки, безработные, люди другого цвета кожи и в общем целая армия бедных людей, которая несоразмерно выросла за годы кризиса [17].

Идеология «свертывания» Ренци и создание своего рода антиистеблишмента стали явлениями, которые в значительной степени способствовали подпитке популизма. На деле удача Ренци, по сути, состояла в том, что он оказался вне истеблишмента, в точно такой же мере, как и Берлускони. Такими же выглядят и представители нынешнего Движения 5-ти звезд. Однако вскоре избиратели поняли, что Ренци создал антиистеблишмент, который ничуть не лучше истеблишмента, против которого он выступал.

Аналогичным образом потеря консенсуса Движением 5-ти звезд накануне правительственного кризиса августа 2019 г. свидетельствует о провале эксперимента, проведенного еще более узким слоем элиты, когда он умело использовал инерцию и разъединение избирателей. Так избиратели стали участниками цифрового механизма, который дал им возможность чувствовать себя включенными в систему, но, по существу, оставаясь совершенно пассивными.

Позиция желто-зеленого правительства в отношении ЕС: совразимизм как параметр определения политической идентичности Европейского Союза?

До подписания Маастрихтского договора роль Италии в процессе европейской интеграции определяла готовность итальянских государственных деятелей находить баланс между экономическим характером формирующегося сообщества и необходимостью создания политического сообщества. Вспомним проект Де Гаспери по созданию Европейского политического сообщества, провал которого был вызван провалом Европейского оборонительного сообщества (ЕОС)¹ [18; 19], с которым он был связан. Или роль одного из теоретиков объединения Европы Алтьеро Спинелли и его критики функционализма как подхода к процессу европейской интеграции [20; 21]. Начиная с Маастрихтского договора 1992 г. о создании Европейского Союза Италия в конечном итоге начала пассивно поддерживать аполитичный характер Европейского Союза.

Поворот Евросоюза к межправительственному управлению после подписания Маастрихтского договора понизил влияние наднациональных институтов, особенно в свете той силы, которую демонстрировали более крупные и сильные государства-члены. В таких условиях Италии необходимо иметь авторитетное правительство для укрепления своих позиций на европейской арене, опирающееся на сплоченное парламентское большинство (качественное *government*), а также систему социального представительства интересов, способную обеспечить качественное управление (*governance*). Европеизм Италии, по сути, исторически прочен в том, что касается инте-

¹ Европейское оборонительное сообщество (ЕОС) – организация объединенных вооруженных сил 6 западноевропейских стран (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) с общими органами управления и единым бюджетом, план ее создания был выдвинут в 1952 г., но его не удалось осуществить. – *Прим. автора.*

грационных целей, но слаб в том, что касается политики противодействия некоторым, идущим вразрез с истинными национальными интересами страны решениям Европейского Союза. Если в прошлом Италия могла компенсировать слабость своих правительств, возложив на Комиссию ЕС (наднациональный орган) задачу по защите своих собственных интересов, то сегодня это все менее возможно [22. Р. 169].

Наиболее ощутимым результатом укрепления межправительственной европейской модели стало уменьшение роли парламента в принятии решений и институциональное укрепление правительства, то есть переход к демократии государственного централизма.

В результате возник Совранизм, который призывает к пересмотру политической идентичности Европейского Союза, т.е. поиску внутреннего консенсуса в рамках Сообщества государств, принадлежность которых не полностью и не исключительно возложена на правовые и экономические суперструктуры.

Совранизм не означает автоматически евроскептицизм. Возросшее значение центральных правящих структур Европейского Союза имеет последствием то, что национальные политические партии его стран-членов начинают по-новому оценивать затраты и выгоды, связанные с членством в ЕС [23].

Особенностью желто-зеленого правительства Италии 2018-2019 гг. был различный подход обеих партий правительственной коалиции к политике Европейского Союза.

Европейская концепция Движения 5-ти звезд в большей степени ориентирована на понимание природы процессов принятия решений, чем философии и структуры Союза [24]. В его «европейском проекте» предусмотрены демонтаж межправительственного метода управления и обеспечение защиты прерогатив национального государства в таких важных областях, как внешняя политика и политика безопасности.

В сравнении с этим Лига определяет себя как «неоевропейскую» партию [25]. Программа «легизма» опирается на мысли философа Джанфранко Мильо о государстве, которые он высказал уже в 1990-е годы, когда эта партия еще называлась Лега Норд (Лига Севера) и пыталась отстаивать интересы более развитого Севера страны. В последние годы теоретические основы «легизма» расширились, он включил в себя идеи и других мыслителей, например Джузеппе Вальдитара. Если в эпоху Мильо суверенитет понимался как идеология, несовместимая с социальным и политическим плюрализмом, то в настоящее время другие философы рассматривают суверенитет как средство, а не идеологию, противостоящее идеологии глобализма [26; 27].

Как утверждает Вальдитара, интернационализм и права человека – это два флага нового прогрессивного мирового фронта, который вовлек в свою борьбу некоторые слои либерализма и присоединился к глобалистскому католицизму, который склонен воспринимать христианское послание скорее как социальную «идеологию», чем как спасительное слово [28]. С этой точки зрения, можно объяснить возможное сближение, замеченное СМИ, между Лигой под руководством Сальвини и более традиционалистским течени-

ем католиков, критически относящимся к позиции Папы Римского Франциска в отношении вопроса о приеме мигрантов [29; 30].

Совранизм не задумывался как антиевропеизм, совранисты намерены защищать одновременно и свою родину, и объединенную Европу. Таким образом, совранизм означает как защиту примата своей нации, так и ее принадлежность к наднациональному сообществу, которое не должно быть, по их мнению, ни централистским, ни государственным [31]. Нынешнее возвращение к идее нации не совпадает с агрессивным национализмом конца XIX века, породившим предрассудки и войны, а связано с либерал-консервативным национализмом, для которого идентичность народа является средством сравнения с другими народами. Как пишет Михаэль Биллиг, речь идет о «банальном» национализме, то есть идентичности, которая переживет глобализацию, которая в развитых демократиях вынуждена отказываться от своих самых заметных агрессивных черт [32].

Заключение

Опыт желто-зеленого правительства Италии: новая интерпретация европейской политической идентичности?

Европейская политическая идентичность определяется как совокупность ценностей и принципов политического и социального характера, которые европейцы воспринимают и признают как свои собственные. Эти принципы и ценности нуждаются в точной интерпретации. В этом плане европеизм, в качестве альтернативной философии национализму, не превратился в принцип легитимизации новой европейской идентичности. Консенсус европейцев в отношении ЕС измеряется экономической стабильностью и благосостоянием, достигнутыми отдельными членами ЕС, но не приобретением общего понимания того, что означает быть европейскими гражданами.

Желто-зеленое правительство Италии воспринималось национальными и, прежде всего, международными СМИ как антиевропейское, что не соответствовало действительности. Это правительство старалось соблюдать основные правила ЕС. В конце концов именно различия между составлявшими это правительство двумя партиями: Лигой и Движением 5-ти звезд по вопросам отношения к ЕС и к выбору его будущих руководителей (Европейская Комиссия, т.е. правительство ЕС, должна быть реформирована, исходя из результатов выборов в Европейский парламент мая 2019 г.) – привели к кризису желто-зеленой коалиции, который завершился 20 августа 2019 г. отставкой кабинета 2018-2019 гг., возглавлявшегося беспартийным Председателем Совета министров Джузеппе Конте.

«Европейская линия», проводившаяся в 2018-2019 гг. желто-зеленым правительством Италии, и прежде всего министром внутренних дел Маттео Сальвини, отражала критический пересмотр противоречивых аспектов процесса конструирования политической идентичности ЕС, но, как уже было сказано, ее нельзя считать антиевропеистской.

В целом тенденцию к «совранизму» (суверенизации), выявившуюся при правлении желто-зеленой коалиции в Италии, можно рассматривать не как политический принцип легитимизации власти, а как способ укрепления участия итальянского государства в актуальной европейской конфигурации стран ЕС. Это не ставило под сомнение общие основополагающие принципы ЕС. Под сомнение ставились традиционные принципы итальянской модели участия в ЕС, в том числе такие, как «внешнее ограничение», «международная легитимность», «политкорректность».

Для участия Италии в процессе общеевропейского строительства был постоянным принцип «внешнего ограничения» [33; 34]. Это позволяло политическому руководству страны убеждать общественное мнение безропотно принимать очередные жесткие экономические ограничения как необходимые и навязанные европейскими партнерами.

Формирование внутри ЕС альянсов наподобие «франко-германского ядра», интегрироваться в которое Италии не удавалось, приводило к поиску альтернатив во внешней политике, направленной сначала на более тесное сотрудничество с Великобританией, а затем привилегированное партнерство с США.

Особенно при первом левоцентристском правительстве Проди (май 1996 – октябрь 1998 гг.) объединенная Европа воспринималась в Италии как образец, на основе которого страна должна была перестроить свою политическую идентичность. Последовало появление ряда действующих лиц, партий, интеллектуалов, формирующих общественное мнение в СМИ на основе отождествления общеевропейского идеала с «политкорректными» и социально-экономически «современными» ценностями. Насколько такая избранная итальянскими левыми линия оказалась безуспешной, показало дальнейшее развитие внутривнутриполитической ситуации, поддержка избирателями правоцентристских сил и сформированных ими кабинетов во главе с Берлускони и наконец приход к власти в 2018-2019 гг. желто-зеленого правительства, опиравшегося на идеи совранизма.

Попытка этого правительства в 2018-2019 гг. изменить и укрепить позиции Италии в Евросоюзе была вызвана также и тем, что ЕС переживает кризис политической идентичности, ставший особенно заметным в последнее время. Он связан с многолетним кризисом интеграционного процесса, который имеет конкретные причины. Это отсутствие авторитетного и признанного руководства в странах Союза, способного направить большинство стран ЕС к точным и долгосрочным целям; противоречия, вытекающие из расширения ЕС на Восток; отказ от принятия общей Конституции; неспособность евроструктур в Брюсселе и в отдельных странах, включая Италию, справиться с кризисом, вызванным катастрофическим притоком нелегальных мигрантов; чувство неуверенности в определении основополагающих ценностей, с опорой на них европейцы могут признать себя таковыми; исчезновение смысла истории Европы, который мог бы стать главной основой европейской политической идентичности.

Библиографический список

- [1] *Herrmann R.K., Risse T., Brewer M.B.* (eds) *Transnational Identities: Becoming European in the EU*. New York: Rowman & Littlefield, 2004. 314 p.
- [2] *McLaren L.M.* *Identity, Interests, and Attitudes to European Integration*. London: Palgrave Macmillan, 2006. 214 p.
- [3] *Lucarelli S., Cerutti F., Schmidt V.* *Debating Political Identity and Legitimacy in the European Union*. London: Routledge, 2011. 240 p.
- [4] *Алонци Р., Любин В.П.* Волна миграции в Европе и изменения в политике стран ЕС (на примере Германии и Италии, 2015–2018 гг.) // Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества. М.: Институт мировых цивилизаций, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 2018. С. 120–124. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/volna-migratsii-v-evrope-i-izmeneniya-v-politike-stran-es-na-primere-germanii-i-italii-2015-2018-gg>. Дата обращения: 22.10.2019.
- [5] *Barbieri G.* *Democrazia e plutocrazia nell'Italia di Berlusconi*. Milano: FrancoAngeli, 2016. 178 p.
- [6] *Biorcio R.* *Il populismo nella politica italiana. Da Bossi a Berlusconi, da Grillo a Renzi*. Milano: Mimesis 2015. 160 p.
- [7] *Orsina G.* *Il berlusconismo nella storia d'Italia*. Venezia: Marsilio, 2013. 239 p.
- [8] *D'Esposito F.* Silvio Berlusconi, 25 anni dopo: il bilancio in 3 punti del primo populista dei tempi moderni // *Il Fatto Quotidiano*. 26.02.2019. Режим доступа: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/01/26/silvio-berlusconi-25-anni-dopo-il-bilancio-in-3-punti-del-primo-populista-dei-tempi-moderni/4926087/>. Дата обращения: 22.10.2019.
- [9] *Fabbrini S.* Il populismo e i pericoli dei movimenti “contro” / *Il Sole 24ore*. 05.08.18. Режим доступа: https://www.ilsole24ore.com/art/il-populismo-e-pericoli-movimenti-contro-AE0ifFXF?refresh_ce=1. Дата обращения: 22.10.2019.
- [10] *Gli ultimi sondaggi prima della pausa estiva* // *Agenzia Italia*. 02.08.2019. Режим доступа: https://www.agi.it/blog-italia/youtrend/sondaggi_politici_partiti_elezioni-5952134/post/2019-08-02/. Дата обращения: 22.10.2019.
- [11] *De Falco G.* Il voto oligarchico di Rousseau // *Huffington Post*. 04.09.2019. Режим доступа: https://www.huffingtonpost.it/entry/il-voto-oligarchico-di-rousseau_it_5d6f68d6e4b011080456d6d5. Дата обращения: 22.10.2019.
- [12] *Corbetta P.* *M5s. Come cambia il partito di Grillo*. Bologna: Il Mulino, 2017. 286 p.
- [13] *Michels R.* *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens*. Leipzig: W. Klinkhardt, 1911. 401 p.
- [14] *Fukuyama F.* *Identità. La ricerca della dignità e i nuovi populismi*. Torino: Utet, 2019. 236 p.
- [15] *Tamborini R.* *Crisi Pd: la geometria della sconfitta* // *il Mulino*. 24 maggio 2018. Режим доступа: https://www.rivistailmulino.it/news/newsitem/index/Item/News:NEWS_ITEM:4371. Дата обращения: 22.10.2019.
- [16] *Ardeni P.G., Gallegati M.* *Disuguaglianze economiche e partiti populistici: legame da scindere* // *Il Manifesto*. 02.04.2019. Режим доступа: <https://ilmanifesto.it/disuguaglianze-economiche-e-partiti-populisti-legame-da-scindere/>. Дата обращения: 22.10.2019.
- [17] *Ricolfi L.* *Tutti gli errori della sinistra* // *Panorama*. 18.01.2019. Режим доступа: <https://www.panorama.it/news/politica/errori-sinistra-pd/>. Дата обращения: 22.10.2019.
- [18] *Preda D.* *Alcide De Gasperi federalista europeo*. Bologna: Il Mulino, 2004. 808 p.
- [19] *Ballini P. L.*, a cura di, *La Comunità europea di difesa (CED)*. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2009. 524 p.
- [20] *Spinelli A.* *Dagli Stati sovrani agli Stati Uniti d'Europa*. Firenze: La Nuova Italia, 1950. 347 p.
- [21] *Spinelli A.* *Manifesto dei federalisti europei*. Parma: Guanda, 1957. 108 p.
- [22] *Fabbrini S.* *Sdoppiamento. Una prospettiva nuova per l'Europa*. Roma-Bari: Laterza, 2017. 210 p.
- [23] *Cotta M.* *Un concetto ancora adeguato? L'euroscetticismo dopo le elezioni europee del 2014* // *Contro l'Europa? I diversi scetticismi verso l'integrazione europea*. Bologna: Il Mulino, 2016. P. 233–247.

- [24] Unione Europea – Movimento 5 Stelle. Режим доступа: <https://www.movimento5stelle.it/programma/wp-content/uploads/2018/02/Unione-Europea.pdf>. Дата обращения: 22.10.2019.
- [25] Costruzione della nuova Europa. Режим доступа: www.leganord.org/117-dipartimenti/europa-dei-popoli-rapporti-partiti-europei/integrazione-europea-europa-delle-regioni/9276-costruzione-della-nuova-europa?videoid=AFB0U2HXTX0. Дата обращения: 22.10.2019.
- [26] *Lottieri C.* La Lega sovranista di Salvini non è quella federalista e liberista di Miglio // *Il Foglio*. 11.01.2018. Режим доступа: <https://www.ilfoglio.it/politica/2018/01/11/news/la-lega-sovranista-di-salvini-non-e-quella-federalista-e-liberista-di-miglio-172537/>. Дата обращения: 22.10.2019.
- [27] *Fratus F., De Bernardi L., Sofo V.* Sovranismo: un'occasione per l'Europa. Cesena: *Historica*, 2019. 186 p.
- [28] *Valditara G.* Sovranismo: una speranza per la democrazia. Milano: *BookTime*, 2017. 149 p.
- [29] *Boezi F.* Così Salvini e la Lega spopolano tra i cattolici conservatori // *Il Giornale*. 13.01.2019. Режим доступа: <http://www.ilgiornale.it/news/politica/cos-salvini-e-lega-spopolano-i-cattolici-conservatori-1628226.html>. Дата обращения: 22.10.2019.
- [30] *Politi S.* Salvini si muove da antipapa. E dietro c'è una strategia precisa // *Il Fatto Quotidiano*. 03.06.2019. Режим доступа: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/06/03/salvini-studia-da-antipapa-e-dietro-ce-una-strategia-precisa/5228199/>. Дата обращения: 22.10.2019.
- [31] *Becchi P.* Italia sovrana. Milano: *Sperling & Kupfer*, 2018. 170 p.
- [32] *Billig M.* Banal nationalism. London: *SAGE*, 1995. 208 p.
- [33] *Diodato E.* Il vincolo esterno. Le ragioni della debolezza italiana. Sesto San Giovanni: *Mimesis*, 2014. 252 p.
- [34] *Caracciolo L., Locatelli N.* Il vincolo esterno come rimedio al deficit di Stato. Conversazione con Sabino Cassese, giudice emerito della Corte costituzionale // *Limes*. 04.06.2018. Режим доступа: <http://www.limesonline.com/cartaceo/il-vincolo-esterno-come-rimedio-al-deficit-di-stato?prv=true>. Дата обращения: 22.10.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 30.10.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-92-104

Research article

Searching for the EU Political Identity: Experience of the Italian Yellow-Green Government (2018–2019)

R. Alonzi

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article focuses upon the subject of the EU's political identity in connection with the experience of the Italian Yellow-Green Government (2018-2019). Taking into account general tendencies and attitudes of previous Italian governments towards the European integration process, the author pays special attention to the "European line" proposed by the coalition between the Five-Star Movement and the League. The author concludes that the supranational political nature and growing complexity of the European Union are not compatible with the one-sided approach to conceptualizing the EU identity. As a result, it is necessary to redefine the components

of the EU's political identity, as well as reconsider certain controversial concepts, such as sovranism and populism.

Key words: EU political identity; Yellow-Green Government; populism; sovranism; European integration

References

- [1] Herrmann R.K., Risse T., Brewer M.B. (eds) *Transnational Identities: Becoming European in the EU*. New York: Rowman & Littlefield; 2004. 314 p.
- [2] McLaren L.M. *Identity, Interests, and Attitudes to European Integration*. London: Palgrave Macmillan; 2006. 214 p.
- [3] Lucarelli S., Cerutti F., Schmidt V. *Debating Political Identity and Legitimacy in the European Union*. London: Routledge; 2011. 240 p.
- [4] Alonzi R., Ljubin V.P. The Wave of Migration in Europe and the Changes in the Policies of the EU Countries (Germany and Italy in 2015-2018). *Greater Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation*. Moscow: Institute of World Civilizations, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). 2018: 120–124. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/volna-migratsii-v-evrope-i-izmeneniya-v-politike-stran-es-na-primere-germanii-i-italii-2015-2018-gg>. Accessed: 22.10.2019 (In Russ.).
- [5] Barbieri G. *Democrazia e plutocrazia nell'Italia di Berlusconi*. Milano: FrancoAngeli; 2016. 178 p. (In Ital.).
- [6] Biorcio R. *Il populismo nella politica italiana. Da Bossi a Berlusconi, da Grillo a Renzi*. Milano: Mimesis; 2015. 160 p. (In Ital.).
- [7] Orsina G. *Il berlusconismo nella storia d'Italia*. Venezia: Marsilio; 2013. 239 p. (In Ital.).
- [8] D'Esposito F. Silvio Berlusconi, 25 anni dopo: il bilancio in 3 punti del primo populista dei tempi moderni. *Il Fatto Quotidiano*. 26.02.2019. Available from: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/01/26/silvio-berlusconi-25-anni-dopo-il-bilancio-in-3-punti-del-primo-populista-dei-tempi-moderni/4926087/>. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [9] Fabbrini S. Il populismo e i pericoli dei movimenti “contro”. *Il Sole 24ore*. 05.08.18. Available from: https://www.ilsole24ore.com/art/il-populismo-e-pericoli-movimenti-contro-AE0ifFXF?refresh_ce=1. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [10] Gli ultimi sondaggi prima della pausa estiva. *Agenzia Italia*. 02.08.2019. Available from: https://www.agi.it/blog-italia/youtrend/sondaggi_politici_partiti_elezioni-5952134/post/2019-08-02/. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [11] De Falco G. Il voto oligarchico di Rousseau. *Huffington Post*. 04.09.2019. Available from: https://www.huffingtonpost.it/entry/il-voto-oligarchico-di-rousseau_it_5d6f68d6e4b011080456d6d5. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [12] Corbetta P. M5s. *Come cambia il partito di Grillo*. Bologna: Il Mulino; 2017. 286 p. (In Ital.).
- [13] Michels R. *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens*. Leipzig: W. Klinkhardt; 1911. 401 p. (In Germ.).
- [14] Fukuyama F. *Identità. La ricerca della dignità e i nuovi populismi*. Torino: Utet; 2019. 236 p. (In Ital.).
- [15] Tamborini R. Crisi Pd: la geometria della sconfitta. *il Mulino*. 24 maggio 2018. Available from: https://www.rivistailmulino.it/news/newsitem/index/Item/News:NEWS_ITEM:4371. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [16] Ardeni P.G., Gallegati M. Disuguaglianze economiche e partiti populistici: legame da scindere. *Il Manifesto*. 02.04.2019. Available from: <https://ilmanifesto.it/disuguaglianze-economiche-e-partiti-populisti-legame-da-scindere/> Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).

- [17] Ricolfi L. Tutti gli errori della sinistra. *Panorama*. 18.01.2019. Available from: <https://www.panorama.it/news/politica/errori-sinistra-pd/>. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [18] Preda D. *Alcide De Gasperi federalista europeo*. Bologna: Il Mulino; 2004. 808 p. (In Ital.).
- [19] Ballini P. L. (a cura di) *La Comunità europea di difesa (CED)*. Soveria Mannelli: Rubbettino; 2009. 524 p. (In Ital.).
- [20] Spinelli A. *Dagli Stati sovrani agli Stati Uniti d'Europa*, Firenze: La Nuova Italia; 1950. 347 p. (In Ital.).
- [21] Spinelli A. *Manifesto dei federalisti europei*. Parma: Guanda; 1957. 108 p. (In Ital.).
- [22] Fabbrini S. *Sdoppiamento. Una prospettiva nuova per l'Europa*. Roma-Bari: Laterza; 2017. 210 p. (In Ital.).
- [23] Cotta M. Un concetto ancora adeguato? L'euroscetticismo dopo le elezioni europee del 2014. *Contro l'Europa? I diversi scetticismi verso l'integrazione europea*. Bologna: Il Mulino; 2016: 233 – 247 (In Ital.).
- [24] *Unione Europea – Movimento 5 Stelle*. Available from: <https://www.movimento5stelle.it/programma/wp-content/uploads/2018/02/Unione-Europea.pdf>. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [25] *Costruzione della nuova Europa*. Available from: www.leganord.org/117-dipartimenti/europa-dei-popoli-rapporti-partiti-europei/integrazione-europea-europa-delle-regioni/9276-costruzione-della-nuova-europa?videoid=AFB0U2HXTX0. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [26] Lottieri C. La Lega sovranista di Salvini non è quella federalista e liberista di Miglio. *Il Foglio*. 11.01.2018. Available from: <https://www.ilfoglio.it/politica/2018/01/11/news/la-lega-sovranista-di-salvini-non-e-quella-federalista-e-liberista-di-miglio-172537/>. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [27] Fratus F., De Bernardi L., Sofo V. *Sovranismo: un'occasione per l'Europa*. Cesena: Historica; 2019. 186 p. (In Ital.).
- [28] Valditara G. *Sovranismo: una speranza per la democrazia*. Milano: BookTime; 2017. 149 p. (In Ital.).
- [29] Boezi F. Così Salvini e la Lega spopolano tra i cattolici conservatori. *Il Giornale*. 13.01.2019. Available from: <http://www.ilgiornale.it/news/politica/cos-salvini-e-lega-spopolano-i-cattolici-conservatori-1628226.html>. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [30] Politi S. Salvini si muove da antipapa. E dietro c'è una strategia precisa. *Il Fatto Quotidiano*. 03.06.2019. Available from: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/06/03/salvini-studia-da-antipapa-e-dietro-ce-una-strategia-precisa/5228199/>. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).
- [31] Becchi P. *Italia sovrana*. Milano: Sperling & Kupfer; 2018. 170 p. (In Ital.).
- [32] Billig M. *Banal nationalism*. London: SAGE; 1995. 208 p.
- [33] Diodato E. Il vincolo esterno. Le ragioni della debolezza italiana. Sesto San Giovanni: Mimesis; 2014. 252 p. (In Ital.).
- [34] Caracciolo L., Locatelli N. Il vincolo esterno come rimedio al deficit di Stato. Conversazione con Sabino Cassese, giudice emerito della Corte costituzionale. *Limes*. 04.06.2018. Available from: <http://www.limesonline.com/cartaceo/il-vincolo-esterno-come-rimedio-al-deficit-di-stato?prv=true>. Accessed: 22.10.2019 (In Ital.).

Article history:

The article was submitted on 30.10.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Алонци Роберта – PhD по истории международных отношений, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, доцент кафедры истории международных отношений Сиенского университета (Италия) (ORCID ID: 0000-0003-3604-3283) (e-mail: alonziroberta@gmail.com).

Information about the author:

Roberta Alonzi – PhD in History of International Relations, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation), Associate Professor of the Department of History of International Relations, University of Siena (Italy) (ORCID ID: 0000-0003-3604-3283) (e-mail: alonziroberta@gmail.com).

Для цитирования:

Алонци Р. В поисках политической идентичности ЕС. Опыт желто-зеленого правительства в Италии, 2018-2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 92–104. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-92-104

For citation:

Alonzi R. Searching for the EU Political Identity: Experience of the Italian Yellow-Green Government (2018-2019). *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 92–104. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-92-104

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-105-115

Научная статья

Руанда – Бурунди: политический диалог как способ достижения соглашения

О. Ндайсаба

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье анализируется проблема, связанная с ухудшением отношений между Руандой и Бурунди, что в большей степени обусловлено вмешательством Руанды во внутренние дела Бурунди. Особое внимание уделяется роли политического диалога в поиске соглашения между двумя государствами. Отношения еще больше ухудшились после того, как режим Бужумбуры обвинил Руанду в причастности к дестабилизации режима Бужумбуры в результате попытки поддержать и вооружить бурундийских беженцев, вынужденных покинуть страну после неудачного переворота 13 мая 2015 г., совершенного против президента Бурунди Пьера Нкурунзизы. Руанда также обвиняет Бурунди в поддержке Демократических сил освобождения Руанды (ДСОР). Данный дипломатический кризис требует региональных усилий, чтобы обе страны сели за стол переговоров. Таким образом, роль региональных организаций, особенно Восточноафриканского сообщества (ВАС), становится более значительной, поскольку призывает стороны к диалогу, принимая во внимание, что нынешняя дипломатия требует многосторонности в отношении обсуждения и решения проблемы. Политический диалог поможет снять напряженность и исправить ситуацию. Тем не менее исторические, культурные и языковые сближения являются основными предпосылками, позволяющими обеим странам одуматься и мирно сосуществовать. Текущая ситуация между Бурунди и Руандой является бомбой замедленного действия, которая представляет собой угрозу безопасности, политической и социально-экономической стабильности всего региона Великих озер Африки (РВО). Для этого региональные сообщества должны убедиться, что государства-члены уважают принцип добрососедства и мирного сосуществования, необходимого для предотвращения риска любого конфликта и обеспечения геополитической стабильности.

Ключевые слова: Бурунди, Руанда, Пьер Нкурунзиза, Поль Кагаме, политический диалог, соглашение, добрососедские отношения, мирное сосуществование

Введение

В настоящее время отношения между Бурунди и Руандой резко ухудшились, находясь на грани провоцирования вооруженного конфликта. С конца XIX в. Бурунди и Руанда никогда не сталкивались с такими напряженными

© Ндайсаба О., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

отношениями. Обе стороны обвиняют друг друга в поддержке повстанческих групп, чьи операции направлены против режимов, действующих в обеих странах [1]. Несмотря на эту ситуацию, Бурунди и Руанда считаются «странами-близнецами» в соответствии с их культурным, этническим, языковым и историческим сходством. Отношения ухудшаются, и на данный момент, хотя с 2005 г., с момента окончания гражданской войны в Бурунди и прихода к власти президента Пьера Нкурунзизы, соседство между двумя странами было безупречным. Ситуация начала обостряться уже в 2012 г., когда Кигали обвинил Бужумбуру в укрытии руандийских солдат ДСОР (Демократических сил освобождения Руанды), чей режим Кагаме считает виновником геноцида 1994 г. Более того, неопознанные трупы, обнаруженные в октябре 2014 г. в озере Рверу, усилили напряженность между Кигали и Бужумбурой. Отношения еще больше ухудшились в апреле 2015 г., когда президент Нкурунзиза объявил о своем намерении остаться на третий срок, который некоторые акторы считают неконституционным. Многие акторы политической жизни Бурунди – члены президентской партии, правительственные службы, активисты гражданского общества или представители церкви – выступили против того, чтобы ограничить стремления Нкурунзизы снова управлять государством. Международное сообщество также выразило беспокойство по поводу избирательного процесса, подорванного дискуссией о третьем сроке, и впоследствии некоторые страны вышли из наблюдательного процесса, приостановив сотрудничество с Бурунди. Только Китай и Россия, внешняя политика которых основана на уважении принципа государственного суверенитета, оказывали положительное влияние на развитие продолжающегося политического процесса [2. С. 20].

Однако в связи с выдвижением кандидатуры Пьера Нкурунзизы на выборах 2015 года последовали протесты. Президент Руанды, не колеблясь, выступил на стороне протестующих, решительно осудив незаконность действий Пьера Нкурунзизы. 13 мая 2015 г., в то время как президент Бурунди принимал участие в саммите глав государств Восточноафриканского сообщества (ВАС) в Дар-эс-Саламе (Танзания), генерал Годфройд Нийомбаре объявил о перевороте на частном радио «Исанганиро». Попытка свергнуть режим Нкурунзизы потерпела неудачу, путчисты и протестующие, опасаясь репрессий, бежали в Руанду, что еще больше усилило обеспокоенность правительства Бурунди в отношении участия Руанды в дестабилизации государственного режима.

Обвинения президента Бурунди против Руанды

В письме от 4 декабря 2018 г. к главе государства Уганды, являвшегося на тот момент и председателем Восточноафриканского сообщества Йовери Кагута Мусевени, Пьер Нкурунзиза утверждал, что Руанда участвовала в дестабилизации его режима и, как следствие, предоставила убежище путчистам 15 мая 2015 г. В этой переписке Президент Бурунди также указывал на

то, что сотни людей погибли на севере страны и что руандийские военные самолеты бороздили пространство Бурунди без разрешения. Кроме того, в письме упоминалось, что Пьер Нкурунзиза больше не считает Руанду партнером, а относит ее к врагам, предупреждая о том, что Руанда нарушает законы и конвенции ВАС и Африканского союза, стремясь дестабилизировать безопасность Бурунди. Более того, по мнению президента Бурунди, Руанда организовала военную подготовку для бурундийских беженцев, проживающих в лагере беженцев Махама в восточной Руанде. Эти обвинения президента Бурунди совпадают с конфиденциальным отчетом экспертов ООН, в соответствии с которым Руанда начала набирать и обучать бурундийских беженцев с целью свержения президента Бурунди. Эксперты ООН заявили об этом после консультаций с 18 бурундийскими беженцами, которые указали, что набор действительно происходил в лагере Махама в мае и июне 2015 г. Также стало известно, что в течение двух месяцев они проходили военную подготовку у инструкторов, среди которых были и руандийские солдаты. Согласно этому отчету, «обучение включало военную тактику, а также использование и техническое обслуживание штурмовых винтовок и пулеметов, в том числе сеансы идеологического воспитания». Эксперты также опросили шесть руандийских и конголезских граждан, обвиняемых в контрабанде оружия на границе двух стран в октябре и ноябре 2015 г. Некоторые из них утверждали о том, что оружие было предназначено для поддержки вооруженной группы в Бурунди [3]. Но Руанда, со своей стороны, отвергла обвинения Бурунди, указывая, что вместо того, чтобы находить решение внутренних конфликтов, режим Бужумбуры стремится привлечь соседей.

Следует отметить, что даже если Руанда выступает против какого-либо вмешательства во внутренние дела Бурунди, она все равно провозглашается угрозой стабильности в регионе. Специалист по конституционному праву Кении профессор Яш Пал Ге полагает, что «режим Кагаме должен ответить за политическую и экономическую дестабилизацию в РВО. С выгодой для себя он создал систему добычи полезных ископаемых в ДРК, что позволяет ему поддерживать пальму первенства в регионе» [4. С. 204]. В связи с попыткой Руанды дестабилизировать Бурунди политический аналитик Эндрю Корыбко отмечает, что Кагаме активно манипулирует ситуацией, чтобы создать потоки беженцев, необходимые ему для своих планов. По мнению автора, президент Руанды пытался найти способ привлечь желаемых «новобранцев» в Руанду, используя массовую информационную войну, которая ведется против бурундийского народа. Еще один предпринятый Кагаме шаг – создать разногласия между хуту и тутси в армии в надежде спровоцировать большее дезертирство тутси, которое могло бы усилить поляризацию в армии, искусственно созданной для обеспечения «дружественной силы», чтобы помочь бурундийским «беженцам», которыми манипулируют руандийцы (тутси), если они решат вторгнуться в Бурунди. Как объясняет автор, Кагаме хотел соблазнить Нкурунзизу ликвидировать вооруженные силы по этническому признаку,

зная, что это почти наверняка спровоцирует возобновление гражданской войны, которая, вероятно, приведет к «новому геноциду» [5].

Территориальный спор из-за территории Сабанегвы также вызвал напряженность между Бурунди и Руандой. Отметим, что спор вокруг Сабанегвы не новое явление, он остается яблоком раздора для обеих сторон в течение нескольких лет. В октябре 2016 г. разрушение строящегося дома на этом холме руандийскими военными и гражданскими лицами привело к тому, что обе стороны сформировали совместную комиссию для решения этой проблемы. Необходимо подчеркнуть, что территориальные конфликты между соседними странами в Африке связаны с ошибками, допущенными во время разделения Африки, инициированного на Берлинской конференции в 1885 г., что не исключает манипуляций, особенно в политических целях. Таким образом, феномен Сабанегвы рассматривается как форма провокации, организованная Руандой. Впрочем, ВАС следует принимать более активное участие в обеспечении адекватного решения пограничных проблем между государствами-членами в интересах региональной стабильности и развития. По мнению постмодернистов, потенциал регионального развития направлен главным образом на создание единого планетарного пространства, состоящего из региональных образований, которые могут оформляться на территориях нескольких государств согласно культурно-историческим традициям местного населения. При этом основная функция политического развития в процессе формирования единого трансрегионального пространства состоит в разрешении такого рода противоречий, которые способствуют обострению межгосударственных и межнациональных отношений, а также в поиске новых, нетрадиционных подходов для решения неразрешимых ранее проблем, таких как территориальные споры, трудности в перемещении (людей, ресурсов), особый статус приграничных районов и т. п. [6. С. 66–67].

Следует также отметить, что такая позиция Руанды нарушает фундаментальный принцип добрососедства и мирного сосуществования Договора ВАС, в то время как статья 6 данного Договора предусматривает, что государства-члены соглашаются с тем, что «мир в регионе и безопасность являются предварительными условиями для социально-экономического развития сообщества и что они имеют решающее значение для достижения целей сообщества». При этом «государства соглашаются создавать и поддерживать климат, способствующий миру и безопасности, посредством сотрудничества и консультаций по вопросам, связанным с миром и безопасностью государств-членов, с целью предотвращения эффективного управления и разрешения споров и конфликтов между ними» (статья 124) [7].

Дипломатический кризис между Бурунди и Руандой менее беспокоит Кагаме, в то время как президент Нкурунзиза в его переписке, адресованной президенту Мусевени, показал свою готовность к диалогу с Руандой, тем самым предлагая ВАС срочно сосредоточиться на том, что он называет реальной проблемой, угрожающей миру и безопасности для своей страны. Он также высказал обеспокоенность по поводу бездействия данной организации

и выразил желание о созыве чрезвычайного саммита ВАС по бурундийско-руандийским вопросам с целью поиска в случае необходимости посредника.

Политический диалог, так желаемый президентом Бурунди, необходим, чтобы прийти к компромиссу для урегулирования дипломатического кризиса. Но, к сожалению, эта процедура сталкивается с трудностями при реализации, что объясняется, с одной стороны, исторически стабильными отношениями между Мусевени и Кагаме. Это было настолько трудно, что у президента Мусевени, несмотря на его мандат в качестве главы ВАС, хватило смелости потребовать от Кагаме диалога с Нкурунзизой, учитывая исторические отношения, которые связывают его с руандийским президентом. С другой стороны, невзирая на то, что он в настоящее время возглавляет ВАС, практически невозможно, чтобы руандийский президент стал посредником между ним и президентом Бурунди. Выход из этого дипломатического кризиса требует наднационального посредничества, а следовательно, и вовлечения Африканского союза. Качество посредника во всех конфликтах заключается в том, что он нейтрален и беспристрастен. Но этот политический диалог во многом зависит от политической воли лидеров. При этом пакт о ненападении [1], подписанный в эпоху монархии между королем Руанды Мутарой I и Бурунди Мутагой II, может служить примером для руандийской и бурундийской элит в целях поддержания добрососедских отношений и мирного сосуществования.

Кроме того, что эта ситуация между Руандой и Бурунди иногда затрудняет свободное перемещение людей и товаров внутри ВАС в результате закрытия границ, она также является угрозой региональной стабильности и развития. Но оказывается, что межрегиональные организации, например, Африканский союз (АС), Международная конференция по району Великих озер (МКРВО), а также ВАС менее обеспокоены этим вопросом. Роль перечисленных организаций значительна, что обусловлено многосторонним характером современной дипломатии и, соответственно, участием в обсуждении более чем двух сторон в силу процессов глобализации, влияющих на интересы обширного круга участников одновременно [8. С. 323]. Именно в рамках этой многосторонней дипломатии должен решаться вопрос политического диалога между Бурунди и Руандой с привлечением межрегиональных организаций субрегиона, в том числе ВАС.

Необходимость политического диалога

Политический диалог следует поощрять в интересах регионального развития и стабильности. Чтобы окончательно урегулировать противоречия, имеющиеся между ними, бурундийские и руандийские лидеры вынуждены налаживать диалог, несмотря на враждебные отношения, в которых они оказываются. Постмодернистский подход рассматривает противоречие между государствами как триггер, стимулирующий и инициирующий развитие региона. При этом российский исследователь В. Я. Феодоритов отмечает:

«Наличие противоречий означает наличие источника развития. Развитие преодолевает всякое конкретное противоречие, но не противоречие вообще. Всякое развитие несет в своем ядре две тенденции воспроизводства: воспроизводство – разрушение и воспроизводство – создание противоречий... в результате разрушения противоречий возникает импульс роста, в результате создания новых противоречий или диалектики старых воспроизводится потенциал роста. Единство противоречий, общность и столкновение парных категорий – важнейший принцип рождения и проведения политики» [6. С. 75].

Следует также отметить, что благодаря политическому диалогу Руанда и Бурунди могут прийти к соглашению и восстановить добрососедские отношения. В большинстве публикаций, где говорится о диалоге в международных отношениях (МО), приводится описанный выше взгляд на него как на *целенаправленное* конструктивное двустороннее, многостороннее *вербальное взаимодействие*, имеющее целью согласование позиций сторон, разрешение конфликтов, сближение цивилизаций, а то и просто поддержание контактов между государствами и их представителями. Таким образом, диалог в МО трактуется как *инструмент обеспечения мира и согласия между народами*, который следует применять как можно шире. «Политический диалог является своего рода практико-ориентированным видом диалога культур, способным на уровне консолидации интересов различных политических акторов сформировать стратегию и тактику гармоничного сосуществования» [9. С. 54].

В силу указанного выше Восточноафриканское сообщество как межрегиональная организация должно рассмотреть диалог как способ выхода из этого дипломатического кризиса между Бурунди и Руандой. Диалогичность МО наглядно проявляется в дипломатии, где «вызов» одной стороны в отношении другой (других) часто сопровождается более или менее быстрым и нередко ожидаемым, поскольку его формула закреплена в сложившейся международной практике, «отзывом» со стороны последней (последних). Когда, например, страна «А» высылает как *persona non grata* дипломатов страны «В», то практически незамедлительно следует симметричный ответ [9. С. 59]. Это заставляет нас подчеркнуть, что дипломатический инцидент, произошедший в октябре 2015 г., когда Дезире Ньярухирира, советник посольства Руанды в Бужумбуре, был объявлен «*persona non grata*» в результате обвинений со стороны правительства Бурунди во вмешательстве во внутренние дела государства, должен был немедленно привести две страны к диалогу, чего, к сожалению, не случилось.

Важно подчеркнуть, что отсутствие культуры диалога со стороны национальных и региональных лидеров является серьезным препятствием для национальной и региональной стабильности. В связи с этим российский исследователь Н. Зайцева указывает, что конфликтность современной истории во многом объясняется «дефицитом диалогичности» – свойства, умения субъектов взаимодействия «согласовывать свои интересы, обмениваясь ценностями своей культуры, своего видения ситуации и конструктивного решения общих проблем» [10. С. 44]. Автор делает вывод о том, что основным

принципом, на котором основывается политический диалог, является признание равенства и взаимного уважения участвующих в нем сторон. Таким образом, Руанда и Бурунди должны основываться на данном принципе, чтобы разрешить имеющиеся споры. Согласно Н. Зайцевой, «искажение конструктивного диалога приводит к политическому авантюризму и авторитаризму, так как нарушается главное требование диалога – нахождение согласованного решения, обеспечивающего преодоление конфликтов и трений в реализации политических интересов» [Там же]. Она выделяет несколько правил ведения конструктивного политического диалога, в частности грань открытости вопроса в диалоге, которую в герменевтике принято называть «горизонтом вопроса». Открытость политического вопроса никогда не бывает безграничной, здесь важно увидеть и проследить грань, его пределы, в противном случае вопрос может уйти в «пустоту», бесконечно далеко завести дискуссию. Следующее правило ведения политического диалога требует, чтобы участники следовали за мыслью друг друга, а не искали слабые стороны в ответах друг друга.

Н. Зайцева подтверждает идею И. Василенко о том, что искусство диалога не есть искусство выдвигать победоносные аргументы, опровергая всех и каждого, напротив, искусство вопрошания и искания истины часто оказывается искусством оценивать весомость чужого мнения. В диалоге нужно стремиться не понижать значение аргументов собеседника, а демонстрировать искусство мышления, усиливая сказанное, обращаясь к самому существу проблемы. Опираясь на идеи философа М. Бубера, Н. Зайцева утверждает, что каждый из партнеров в диалоге выступает как «особенный другой» – не как объект, а как партнер по политической ситуации. В этой плоскости «Я – Ты» образуется тонкое пространство «личного Я», которое требует наполнения «другим Я». М. Бубер назвал это пространство сферой «между». Категория «между» не является вспомогательной конструкцией в политическом диалоге. Напротив, именно здесь существует активное пространство для взаимной заинтересованности расширения базы взаимодействия партнеров, способ сближения полей доверия (позиций). В конструктивном диалоге каждый из партнеров, словно скульптор, творит общее политическое пространство «между» [10. С. 45].

По мнению Н. Зайцевой, следующее условие ведения конструктивного межгосударственного диалога во многом вытекает из предыдущих условий. Содержательный диалог возможен только при наличии ясного предмета взаимодействия, другими словами, у государств должна быть четкая ориентация на совместное решение конфликтных ситуаций. В противном случае диалог грозит превратиться в полемику, при которой участники часто стремятся монополизировать право на истину и тем самым одержать верх над оппонентом, заставить его изменить свою позицию или замолчать. В диалоге иногда видят способ воздействия на оппонента с целью изменения его позиций и даже политической культуры (характерная особенность диалога американских политиков в международных отношениях – желание убедить, даже принудить оппонента принять американский образ мышления). Следует также

подчеркнуть, что применимость концепции самореализации также позволит Руанде и Бурунди возобновить свои отношения. При этом Н. Зайцева на фоне объективной «миротворческой» роли политического диалога одной из основных его задач видит самореализацию партнеров. До сих пор в мировой политической практике только западная культура находила самореализацию, декларируя и осуществляя свои принципы и ценности, навязывая их остальным в качестве универсальных и общечеловеческих. В конструктивном политическом диалоге каждый участник становится посредником для другого в процессе самореализации [10. С. 45]. Кроме того, в случае напряженных отношений между государствами публичная дипломатия необходима и должна воплощать «soft power» для того, чтобы облегчить ситуацию.

Согласно Н. Зайцевой, в контексте анализа политического диалога как средства мирного существования нельзя не упомянуть его важный компонент – так называемую «soft power» – и ее неотъемлемый элемент – публичную дипломатию. Для этого автора задача публичной дипломатии заключается в привлечении на свою сторону общественности, в настоящее время тем или иным образом влияющей на внешнеполитический курс страны. При этом «публичная дипломатия в основном нацелена на открытый диалог, сопоставление позиций, создание благоприятного климата для развития международного взаимодействия» и, следовательно, на построение конструктивного политического диалога. Публичная дипломатия как неотъемлемая часть «мягкой силы» включает в себя широкий спектр действий, направленных на строительство долгосрочных конструктивных отношений с другими государствами, защиту целей национальной внешней политики и правильного понимания общественностью других государств ценностей и институтов собственного государства. Она в первую очередь нацелена на расширение диалога между гражданами своей страны и зарубежными партнерами, недопущение и мирное разрешение конфликтных ситуаций в стране и за рубежом [10. С. 45–46].

Более того, применяя теорию справедливости Джона Роулса к дипломатическому диалогу, можно сказать, что носить «вуаль неведения» необходимо для ведения успешного диалога между Бурунди и Руандой и поиска консенсуса. Теория Роулса предполагает, что участники договора не должны знать, какое место в обществе они занимают [11. С. 307]. Это означает, что руандийские и бурундийские лидеры как субъекты политического диалога должны быть сдержанными и скромными независимо от занимаемой ими в регионе позиции. Согласно автору, такое незнание гарантирует беспристрастность и лишает их возможности принимать решения из эгоистических, а не общих соображений. «Вуаль неведения» исключает информацию об их принадлежности к социальному классу, занимаемой должности, профессии, об их состоянии, таланте, уме, физической силе, здоровье, о природе существующего общества и индивидуальной концепции блага. Более того, участники договора действуют подобно тому, как если бы их враги определяли их место в будущей общественной иерархии. Заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России М. Лебедева

также считает, что дипломатический диалог предполагает признание того, что у другой стороны есть собственные интересы и цели. Это является не только естественным и закономерным, но и продуктивным фактором с точки зрения развития отношений. Отсюда главным в коммуникативно-информационной функции оказывается не директивное навязывание собственной точки зрения, а стремление через диалог искать взаимоприемлемое решение проблемы. Кроме того, с точки зрения концепции жесткого *торга*, когда каждый участник заботится только о собственных интересах и подает свою позицию как крайне закрытую, приходит концепция совместного с партнером анализа проблемы. Она предполагает ориентацию на взаимное удовлетворение интересов и достаточно открытый характер переговоров [8. С. 328]. Итак, следует подчеркнуть, что успешный политический диалог должен быть дистанцирован от какой-либо субъективности.

Выводы

В заключение отметим, что лучшим способом найти соглашение между государствами в случае дипломатического кризиса является политический диалог, выступающий ответом на вызовы внешней политики государств, а также основой для обеспечения безопасности, политической и социально-экономической стабильности. Для этого региональные лидеры призваны развивать культуру диалога, способ предотвращения и разрешения конфликтов. Региональные организации, особенно ВАС, должны быть более активными, чтобы привлечь Бурунди и Руанду к диалогу. Эффективный политический диалог является хорошим инструментом для смягчения напряженных отношений между двумя государствами. Конструктивный диалог позволит гармонизировать дипломатические отношения между Бужумбурой и Кигали. Кроме того, это действенный способ достичь компромисса и сблизить население двух стран, разделенных в результате дипломатического кризиса, в то время как они должны пользоваться преимуществами региональной интеграции, предполагающей в том числе свободное движение.

Библиографический список

- [1] Burundi et Rwanda: Hier et aujourd'hui. Une contribution à l'histoire socio-politique de la région des grands lacs africains. Режим доступа: <http://www.fdu-rwanda.com/wp-content/uploads/2019/01/PDF-1.pdf>. Дата обращения: 16.05.2019.
- [2] *Birantamije G.* Crise politique au Burundi: vers des forces de sécurité (re) politisées après une décennie de «success story» // *Conjonctures de l'Afrique centrale* 2018. 19 p.
- [3] Agence France-Presse NATIONS UNIES, Le Rwanda entraîne des réfugiés pour renverser le président burundais. Режим доступа: <https://www.lapresse.ca/international/afrique/201602/04/01-4947468-le-rwanda-entraîne-des-refugiés-pour-renverser-le-president-burundais.php>. Дата обращения: 21.11.2018.
- [4] *Сидорова Г.М.* Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго. М.: Институт Африки РАН, 2013. 399 с.
- [5] *Korybko A.* Guerre hybride: Géopolitique des Grands Lacs. Режим доступа: <https://www.mondialisation.ca/guerre-hybride-geopolitique-des-grands-lacs/5573258>. Дата обращения: 21.11.2018.

- [6] Косов Ю.В., Фокина В.В. Политическая регионалистика: краткий курс. СПб.: Питер, 2009. 192 с.
- [7] Traité pour l'établissement de la Communauté d'Afrique de l'Est (tel que modifié en date du 14 décembre 2006 et du 20 août 2007). Режим доступа: https://www.obr.bi/images/stories/download/Traite_EAC.pdf. Дата обращения: 18.01.2019.
- [8] Лебедева М.М. Мировая политика: учебник для вузов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. 365 с.
- [9] Баталов Э.Я. Международные отношения как антропологический диалог // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Сер.: Российская политическая наука: Истоки и перспективы. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 50–66.
- [10] Зайцева Н.В. Политический диалог как основа внешней политики (на примере современных российско-германских отношений) // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3 (36). С. 43–50.
- [11] Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2018. 623 с.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 14.10.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-105-115

Research article

Rwanda – Burundi: Political Dialogue as a Method of Achieving Agreement

A. Ndayisaba

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyzes the problem associated with the deterioration of relations between Rwanda and Burundi, which, according to various resources, are due to Rwanda's interference in the internal affairs of Burundi. Special attention is paid to the role of political dialogue in the search for agreement between the two states. Thus, relations deteriorated further after the Bujumbura regime accused Rwanda of involvement in destabilizing the Bujumbura regime as a result of an attempt to support and arm Burundian refugees fleeing Burundi after the failed coup on May 13, 2015, committed against Burundi's President Pierre Nkurunziza. Rwanda also accuses Burundi of supporting the Democratic Forces for the Liberation of Rwanda (FDLR). This diplomatic crisis requires a regional effort to bring both countries to the negotiating table. In this way, the role of interregional organizations, especially the East African Community (EAC), is more significant in order to encourage both countries to engage in dialogue, taking into account that current diplomacy requires multilateralism to discuss and solve the problem. Political dialogue will help relieve tensions and remedy the situation. However, historical, cultural and linguistic rapprochement, are the basic prerequisites that allow both countries to come to their senses and coexist peacefully. The current situation between Burundi and Rwanda is a time bomb, which poses a threat to the security, political and socio-economic stability of the entire Great Lacs region of Africa. For this, regional communities must ensure that Member States respect the principle of good neighborliness and peaceful coexistence, all in the interest of preventing the risk of any conflict and ensuring geopolitical stability.

Key words: Burundi, Rwanda, Pierre Nkurenziza, Paul Kagame, political dialogue, agreement, good neighborly relations, peaceful coexistence

References

- [1] *Burundi et Rwanda: Hier et aujourd'hui. Une contribution à l'histoire socio-politique de la région des grands lacs africains*. Available from: <http://www.fdu-rwanda.com/wp-content/uploads/2019/01/PDF-1.pdf>. Accessed: 16.05.2019 (In Fr.).
- [2] Birantamije G. Crise politique au Burundi: vers des forces de sécurité (re) politisées après une décennie de «success story». *Conjonctures de l'Afrique centrale*. 2018. 19 p. (In Fr.).
- [3] Agence France-Presse *NATIONS UNIES, Le Rwanda entraîne des réfugiés pour renverser le président burundais*. Available from: <https://www.lapresse.ca/international/afrique/201602/04/01-4947468-le-rwanda-entraîne-des-refugiés-pour-renverser-le-president-burundais.php>. Accessed: 21.11.2018 (In Fr.).
- [4] Sidorova G.M. *Armed Conflicts in Africa on the Example of the Democratic Republic of Congo*. Moscow: Institute of Africa; RAS; 2013. 399 p. (In Russ.).
- [5] Korybko A. *Guerre hybride: Géopolitique des Grands Lacs*. Available from: <https://www.mondialisation.ca/guerre-hybride-geopolitique-des-grands-lacs/5573258>. Accessed: 21.11.2018 (In Fr.).
- [6] Kosov Yu.V., Fokina V.V. *Political Regionalism: A Short Course*. SPb.: Peter; 2009. 192 p. (In Russ.).
- [7] *Traité pour l'établissement de la Communauté d'Afrique de l'Est* (tel que modifié en date du 14 décembre 2006 et du 20 août 2007). Available from: https://www.obr.bi/images/stories/download/Traite_EAC.pdf. Accessed: 18.01.2019 (In Fr.).
- [8] Lebedeva M.M. *World Politics: textbook for universities*. 2nd Ed., ISPR. Moscow: Aspect Press; 2007. 365 p. (In Russ.).
- [9] Batalov E.Ya. International Relations as an Anthropological Dialogue. *Political Science before the Challenges of Global and Regional Development. Series "Russian Political Science: Origins and Prospects"*. Moscow: Aspect Press; 2016: 50–66 (In Russ.).
- [10] Zaitseva N.V. Political Dialogue as the Basis of Foreign Policy (on the Example of Contemporary Russian-German Relations). *Vestnik of MGIMO University*. 2014; 3 (36): 43–50 (In Russ.).
- [11] Alekseeva T.A. *Modern Political Thought (XX–XXI Centuries): Political Theory and International Relations*. Moscow: Aspect Press; 2018. 623 p. (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 14.10.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Ндайисаба Огюстин – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-3196-4358) (e-mail: andayisaba51@gmail.com).

Information about the author:

Ndayisaba Augustin – Post-Graduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3196-4358) (e-mail: andayisaba51@gmail.com).

Для цитирования:

Ндайисаба О. Руанда – Бурунди: политический диалог как способ достижения соглашения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 105–115. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-105-115

For citation:

Ndayisaba A. Rwanda – Burundi: Political Dialogue as a Method of Achieving Agreement. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 105–115. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-105-115

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ CURRENT PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133

Научная статья

Аутентичное развитие: ключевые аспекты концепта

С.Г. Ильинская

Институт философии Российской академии наук
Ул. Гончарная, 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240

Аннотация. В работе раскрываются социальные, политические, философские и экономические аспекты концепта аутентичного развития, о котором автор ранее писала на страницах Вестника РУДН. Помимо опоры на российский исторический опыт и социокультурные ценности предлагаемый проект включает в себя отдельные социогуманитарные разработки отечественных исследователей предшествующих поколений, на которых статья предметно сконцентрирована. Благодаря применению системного и междисциплинарного подхода удается не только выделить социально-политическую и гуманитарную составляющую концепта, но и объемно представить весь комплекс проблем, на решение которых он направлен.

Ключевые слова: аутентичное развитие, трудовая этика, параллельный контур управления, разумный изоляционизм, нравственная экономика

В России были и есть здоровые интеллектуальные силы, которые выходят на глубокий уровень осмысления существующих проблем и формулируют оригинальные пути их разрешения. Проекты развития, вызревшие в недрах российского общества и альтернативные триаде «вестернизация – демократизация – модернизация», безусловно, заслуживают внимания. Много из того, что сегодня стало очевидным благодаря опыту постсоветского развития, еще двадцать лет назад было предвосхищено в трудах отечественных ученых: философов, историков, экономистов, которым иногда приходилось становиться публицистами для того, чтобы быть «услышанными» как

© Ильинская С.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

можно более широкой аудиторией. Настоящая статья сфокусирована на тех из них, чьи идеи помогли сформулировать авторский концепт аутентичного развития.

Дисгармонизация социальной реальности

Рассматривая состояние современного российского социума, необходимо остановиться на нескольких ключевых проблемах, существенно сказывающихся на самоощущении его членов.

В настоящее время происходит стремительная утрата трудовой этики, влекущая за собой в том числе интеллектуальную и нравственную деградацию. Если в советском обществе официально декларировался принцип: «У нас в стране любой труд почетен», то сегодня человек, выполняющий физическую работу, воспринимается как аутсайдер, которому не посчастливилось в жизни получить возможность вести более беспечное и расслабленное существование. При этом «те, кто сохранил профессиональную связь с продуктивной экономикой», получают зарплату «ниже прожиточного минимума. Напротив, те, кто связан с асоциальными и контрпродуктивными практиками – валютными спекуляциями, вывозом национальных богатств за рубеж, продажей национальных секретов заинтересованным ведомствам противника, недобросовестным «пиаром» и манипуляциями, – остались единственно вознаграждаемыми» и ведущими престижный образ жизни. В России было создано общество, «отказывающееся поощрять добросовестный труд» [1. С. 133].

Чтобы ни утверждали относительно двухуровневой советской морали, но, если для государственной идеологии ключевой референтной группой являются «трудящиеся» (а не «олигархи» или «рантье»), это влечет за собой ряд существенных следствий, в том числе принципиально иное отношение к работнику. За самоотверженный труд простой человек сравнительно недавно мог быть награжден медалью или орденом, а также различными материальными поощрениями (государственной премией или внеочередной покупкой автомобиля). На съемках программы «Новогодний огонек» наряду с академиками и космонавтами на экран попадали передовики производства и простые доярки, а не исключительно представители праздного класса. Учитель и врач в СССР были не низкооплачиваемым обслуживающим персоналом, а достойными и уважаемыми профессиями.

Деиндустриализация российской экономики привела к утрате инженерно-технической когорты. Автоматизация и роботизация имеющейся промышленности объективно влечет за собой исчезновение кластера технических специалистов. Сегодня занятость населения обеспечивается за счет виртуализации экономики, возникновения видов деятельности, не несущих пользы обществу (навязанных услуг, псевдо- и лжеуслуг). Образование и здравоохранение превратились в отрасли экономики, которые в этом качестве должны приносить доход и стремиться к максимизации прибыли. Такая

ситуация разительно отличается от положения дел в СССР, где ставилась цель иметь здоровое и образованное население и присутствовала политическая воля для достижения этой цели. При существующем положении дел результат в этих сферах подменяется процессом, когда люди непрерывно получают услуги, никогда не достигая искомого состояния.

Детей ориентируют на ранний выбор будущей профессии и концентрации на нескольких необходимых для дальнейшего обучения предметах. Такой подход помимо дисгармоничного развития школьника влечет за собой невозможность изменить в дальнейшем направление специализации, в то время как ситуация постмодерна, напротив, требует широкой эрудиции, дающей возможность легко перепрофилироваться, если вследствие НТП или изменения конъюнктуры рынка полученная специальность перестанет быть востребованной. Даже если искренне верить в возможность раннего выявления тех или иных способностей, все равно, ранняя специализация вместо фундаментально образованной личности, умеющей мыслить вариативно, формирует однобоко и ущербно развитую. Эксперты считают, что «когда нам говорят про обучение в течение всей жизни, речь идет лишь о примитивном наборе навыков, которые могут меняться в зависимости от потребностей работодателя» [2]. «Проводники политики рыночного “секвестра” уничтожают просвещение... и перспективы России как развитой страны» [1. С. 115].

Также произошла утрата навыков традиционного хозяйствования, прежде всего, из-за масштаба производства современных агрохолдингов. Исторически сельское хозяйство было основано на гармоничном сочетании отраслей, когда отходы животноводства (например, навоз) использовались в растениеводстве (становясь органическим удобрением) и наоборот (солома для подстилки и т.д.). Концентрация по 5 тыс. голов КРС на одном животноводческом комплексе превращает его в чудовищный источник загрязнения окружающей среды, поэтому утилизировать навоз на таком производстве приходится почти на уровне критериев, предъявляемых к отработанному ядерному топливу. Управление гигантским комбайном в крупном агрохолдинге имеет настолько опосредованное отношение к понятию «возделывание земли», что полностью исключает традиционную этику из данного процесса, превращая прежде плодородные почвы в грунт, уплотненный до состояния цемента. Многие принципы традиционного хозяйствования сохранялись даже в индустриализированных колхозах и совхозах, а советские ученые трудились в направлении минимизации отрицательных сторон интенсификации сельскохозяйственного производства, предлагая безотвальную вспашку и т.п. технологии, разрабатывая для них специальную технику.

Результаты интенсивного способа производства продуктов питания наносят здоровью населения существенный вред. Это касается продукции как животноводческой, так и растениеводческой отрасли. Для того чтобы продукция растениеводства была рентабельной, она выращивается с применением большого количества сельскохозяйственной химии (гербициды, фунгициды, инсектициды, акарициды), которая в итоге попадает в организм

конечного потребителя: животных, от которых затем получают товарное молоко, и человека. У содержащихся в стойлах и вскармливаемых по промышленным стандартам жвачных нарушаются естественные процессы, которые должны происходить в многокамерном желудке, поэтому такое молоко не сыропригодно, для производства из него творога и сыров нужны совсем не безвредные химические добавки. Само молоко, учитывая его дальнейшую промышленную обработку, имеет сомнительную ценность и наряду с яйцами стало на сегодня одним из самых аллергенных пищевых продуктов. В 2019 г. чрезмерное применение пестицидов в Орловской области нанесло непоправимый ущерб отрасли пчеловодства. Антибиотики и гормоны роста, используемые при откорме скота и птицы в мясной промышленности, накапливаются в мясе и тоже попадают в организм потребителя, вызывая резистентность к антибиотикам и раннюю онкологию. В дальнейшем, при производстве мясных продуктов, товарное мясо смешивается с консервантами, антиокислителями, генномодифицированной соей, пальмовым жиром и т.д. Последний широко применяется также в производстве кондитерских и молочных продуктов. Одна отрасль экономики (пищевая промышленность) снабжает население вредной пищей, другая (медицина) в дальнейшем пытается лечить последствия ее употребления.

Сама тенденция интенсификации производства продуктов питания была характерна для перехода от традиционного к современному обществу. У нас в стране в XX веке она стартовала с началом коллективизации и носила особенно организованный и повсеместный характер, поскольку происходила в сжатые сроки периода ускоренной индустриализации и служила задаче массового высвобождения рабочих рук для промышленности. Это пройденный этап как российской, так и мировой истории. В настоящее время перед страной стоят прямо противоположные задачи: нужно вовлечь население в созидательные формы занятости и обеспечить его качественным продовольствием, а для этого необходимо создавать стимулы для дезурбанизации и «возвращения на землю» людей, перехода их к органическому сельскому хозяйству. Пока на уровне государственной политики тенденции прямо противоположные. Вот почему меры по стимулированию рождаемости, осуществляемые в сочетании с сокращением образовательных и медицинских учреждений на селе, не достигают своей цели. Все качественное образование и здравоохранение сосредоточено в мегаполисах, где любые меры стимулирования рождаемости не могут иметь желаемого эффекта, поскольку в городской квартире воспитывать более трех детей очень сложно. Городская многодетность – прямой путь к маргинализации и социальному иждивенчеству. Прирост населения всегда давали именно малые города и села, в которых была возможность вести приусадебное хозяйство. Именно туда сегодня нужно не только возвращать медицину и образование, но и создавать там новые рабочие места.

Уничтожение колхозов и совхозов тридцать лет назад шло под лозунгом «Дорогу инициативному фермерству!». Современное внедрение ФГИС «Мер-

курий» и другие способы стандартизации на деле способствуют уничтожению малых форм предпринимательства из-за отчуждения права на свободную реализацию сельскохозяйственной продукции. Под предлогом борьбы с пальмовым маслом и прочим суррогатом с прилавков вытесняют натуральные продукты. Лишая крестьянство рынков сбыта, его принуждают покинуть родные места в поисках лучшей доли. В итоге плодородные земли зарастают лесом, а мегаполисы приближаются к грани социальной революции.

Утрата трудовой этики и престижа рабочих профессий тесно переплетены с активной трудовой иммиграцией и образуют с ней сложную систему, являясь в чем-то причиной, а в чем-то – следствием, что, в свою очередь, влечет за собой целый комплекс взаимосвязанных проблем. Депопуляция и старение российского населения считаются достаточными аргументами для вынесения вердикта о безальтернативности использования иностранцев в качестве рабочей силы. Однако миграционные потоки в настоящее время сформировались так, что наряду с притоком в Россию неквалифицированной рабочей силы из кишлаков Таджикистана, Узбекистана и Киргизии нарастает отток за рубеж не нашедших себе применения квалифицированных российских специалистов в возрасте 24-38 лет. Эмиграция наиболее образованной части отечественного кадрового потенциала ставит под сомнение будущее инноваций в российской экономике, способствует усилению технологического отставания, утрате новых научных направлений.

Основными центрами направления иммиграционных потоков вследствие их диаспорного характера являются мегаполисы (прежде всего Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и южные регионы России, не имеющие дефицита рабочей силы и являющиеся центром притяжения для внутренней трудовой миграции, обусловленной разницей в «реализации экономических возможностей, в уровне оплаты труда, наличии рабочих мест, медицинском обслуживании и качестве жизни в целом» [3. С. 177]. Вот почему другим социальным и экономическим результатом вышеуказанных тенденций становится сокращение внутреннего платежеспособного спроса. Оно происходит как за счет снижения уровня заработной платы россиян, занятых на тех же позициях, что и трудовые мигранты (и обусловленного такой конкуренцией), и увеличения числа безработных россиян, так и за счет того, что на потребление внутри страны иммигранты тратят не более 20% своего дохода, минимизируя его норму ради поддержки своих семей за пределами России. Таким образом, экономия предпринимателей на оплате труда оборачивается недостаточным реинвестированием отечественной экономики.

В настоящее время целые отрасли полностью переориентируются на использование низкоквалифицированной рабочей силы, что влечет за собой резкое снижение качества продукции, выполненных работ и оказанных услуг. Особенно тревожная ситуация складывается в строительстве. При любых, даже самых высоких, бюджетах строительных работ их реальными исполнителями оказываются иностранцы, зачастую не имеющие достаточ-

ной квалификации и не владеющие русским языком, а стоимость работ влияет только на величину маржи, которая достается подрядчикам и субподрядчикам.

То, что часть изменившейся реальности обусловлена глобальными тенденциями, а часть – сугубо российской спецификой, рядовым обывателем, как правило, не анализируется. Нижние сегменты социальной лестницы живут с ощущением, что все лучшее уже состоялось, вместо советской мечты о коммунистическом будущем они вынуждены лелеять постсоветские воспоминания о справедливом прошлом.

Острая «потребность в реализации социальной справедливости связана в сознании россиян с низким уровнем жизни, высоким уровнем тревожности относительно своего будущего, недостаточной социальной защищенностью» и сильнейшей социальной поляризацией. Больше половины опрошенных отрицательно оценивало «современную экономическую и социальную политику в стране» даже в 2011 г., когда экономика России была почти на пике подъема после финансового кризиса 2008, а не в стагфляционной ловушке, как сейчас. И «именно недостаточная социальная защищенность является основной причиной эмиграции людей из России» [4. С. 61, 63].

Общественное недовольство пытаются погасить атмосферой непрерывного праздника и развитием в мегаполисах индустрии развлечений. В социальных науках вместо объективного сопоставления советского прошлого и российского настоящего, на основе которого возможно было бы дальнейшее развитие, мы имеем полярные точки зрения: от апологетики до очернительства того или иного. В то же время среди молодежи (у поколения «миллениалов», которое не помнит советский опыт и имеет информацию о нем лишь от родителей или из других источников) растет популярность идей и ценностей социализма, причем данная тенденция характерна не только для российских студентов, но даже для их сверстников в США. Исследователи объясняют этот факт тем, что социальное неравенство не только в России, но и в мире в целом в настоящее время достигло своего апогея [5. С. 189].

Специфика политической системы

Ретроспективный исследователь системы русской власти, ученый-историк и публицист-футуролог Андрей Фурсов, рассуждая об условиях успешного развития современной России, включает в их число три необходимых элемента: интеллектуальное превосходство, политическую волю и адекватное знание о мире и о самих себе. Пока что, утверждает он, мы, «отбросив зашедший в тупик советский догматический марксизм, в основном довольствуемся интеллектуально-теоретическими» заимствованиями западных социальных, экономических и политических наработок, «которые, во-первых, отражают иную социальную реальность, а во-вторых, реальность 25-30-летней давности» [6. С. 85]. Для того чтобы в грядущей перспективе «новой реколонизации мира», когда у «менее достойных и неприспособлен-

ных» отнимут «дефицитные земные ресурсы, которыми они все равно не в состоянии эффективно распорядиться» [1. С. 56], России удалось избежать участи жертвы, он говорит о необходимости подавления всех политических групп, заинтересованных в сохранении ее нынешнего положения сырьевого придатка и финансового данника (не исключая и такого элемента подавления, как введение чрезвычайной, неинституциональной системы власти), и создания нового коллективного субъекта стратегического действия, сетевой структуры «Русский мир».

На достижение интеллектуального превосходства и разработку адекватного знания направлена деятельность Изборского клуба – сообщества патриотически ориентированных экспертов, поставившего перед собой ряд задач, служащих постепенному реформатированию российской политики. «Борьба за умы» ведется ими через написание аналитических докладов, разработку альтернативных политических программ, сотрудничество с экспертами в различных регионах России, формирование новой повестки дня и образование широкой антилиберальной политико-идеологической коалиции.

Обращение Фурсова в соавторстве с Ю.С. Пивоваровым [7; 8], а также другими авторами (например, В.П. Макаренко) [9] в конце 1990-х гг. к историческим формам российской государственности и чрезвычайным способам решения накопившихся проблем было вызвано осознанием нескольких фактов: 1) что реформированная российская политическая система успешно блокирует любые низовые протесты и инициативы; 2) что в отечественном социально-гуманитарном познании пока отсутствует научный язык, адекватный для описания, понимания и объяснения российской действительности; 3) что использование при изучении иных социокультурных реалий языка западной академической науки, который сформировался в другой когнитивной среде, привело к заикливанию на парадигме модернизации-либерализации-демократизации и рассуждениях об отклонении от универсальных принципов развития, возвратных тенденциях авторитаризма и т.п.

Предложенный Фурсовым и другими авторами поиск путей выхода из той интеллектуальной стагнации, куда российских ученых завела когнитивная подражательность, подвергся суровой академической критике за мистификацию «неизменных» российских культурных кодов. Выступая в защиту предложенного направления исследований, А.В. Лубский высказал несколько суждений по поводу фатальной безысходности произвола власть предержащих в России. С его точки зрения, «русская система» – это «концепция российской государственности как государственно-организованного общества» [10. С. 128]. Рассуждая на тему обреченности России на «русскую власть», Анатолий Владимирович предлагал опереться на методологические подходы, используемые в рамках неоклассической модели научного познания и связанные с идеей нелинейного времени, предполагающей реактуализацию прошлого в настоящем, дающую новое видение будущего.

Работая в данном направлении и выделяя ключевые черты «русской» политической системы на различных этапах ее исторического развития,

А.И. Фурсов в дальнейшем приложил немало усилий для того, чтобы раздemonизировать понятие «опричнина», сведя его суть к «иной, параллельной системе власти» (от слова «опричь», т.е. кроме), определить различные исторические формы опричнины, классифицировав ее на питерскую («птенцы гнезда петрова» Петра I), когда социальные изменения были обеспечены беспощадной эксплуатацией «низов» общества, и грозненскую (опричники Ивана IV, ЧК И. Сталина), представляющую собой диктатуру над потребностями, прежде всего, «верхов». Андрей Ильич в общеисторическом смысле трактует опричнину как организационное оружие, изменяющее ход истории благодаря направленному воздействию на систему в момент, являющийся точкой бифуркации. Впервые опричный принцип власти возникает для преодоления олигархического и, в свою очередь, порождает самодержавный принцип. Фурсов концептуализировал опричнину как комплекс чрезвычайных мер и реализующих его лиц, надстраивающийся над существующей системой власти как параллельный контур управления. Главная задача этого контура: решение внеинституциональным, быстрым и в то же время легитимным способом таких задач, которые иным способом решить невозможно [6. С. 32–33]. При этом автор осознает, что, будучи крайним средством, опричнина использует крайние меры и рекрутирует склонных к ним людей. Такая политика никогда не достигает своих целей до конца и всегда имеет побочные результаты, которые приходится ликвидировать уже после ее институционализации. Позднее нередко происходит и частичное восстановление тех социальных явлений, ради борьбы с которыми она внедрялась [6. С. 56].

Специфика российской государственности, по мнению А.В. Лубского, определяется не столько формальными институтами государственной власти, сколько неформальными, которые задают, с одной стороны, модели взаимодействия государства и общества (патернализм), государства и человека (этатизм), государства и природной среды (экстенсивное расширение), государства и окружающего мира (мессианизм), а с другой – модели поведения «власть предержащих» (насилие и мобилизация), «подданных-бессубъектников» (терпение и легитимация) и «лишних людей-диссидентов» (юрродство и безнадежность) [10. С. 128].

Подчеркнем, что все эти модели, в том числе высокая регламентирующая и распределительная функция государства, сформировались вследствие особых условий существования России: суровый климат, малый прибавочный продукт, постоянная необходимость отражения внешней угрозы. И сегодня нам необходимо не радикально отказываться от испытанных временем институтов, а в тех случаях, когда это уместно, точно их возрождать. Не сокрушаясь по поводу специфичности российского пути, политической и интеллектуальной элите необходимо осознать, что в таких природно-климатических условиях, в которых существует наше государство, определяющим условием возможности для политической элиты вести «европейский» образ жизни всегда был неевропейский образ жизни низов, определяющим условием свободы самореализации для творческой интеллигенции

всегда была тотальная детерминированность простого труженика. Понять и принять данный факт означает начать практиковать иные, «незападные» стандарты самоограничения.

Сегодня ситуация усугубилась сбоем в работе вертикальных каналов социальной мобильности как способа формирования политической и интеллектуальной элиты. Каналы рекрутирования руководящего звена в СССР кроме обязательной принадлежности к КПСС предполагали последовательное прохождение всех ступеней карьерной лестницы, опыт работы на производстве. Правящий класс на сегодня – это профессиональные менеджеры, не прошедшие подобных механизмов отбора и не знающие реальной жизни простого человека. Растворяющаяся коррупция сочетается с биологическим презрением высшего звена социальной пирамиды к стране и народу. Введение западных санкций как элемента давления на политическую элиту страны было неслучайным и действительно болезненным, поскольку за границей у ее представителей находятся счета, недвижимость, дети. Им действительно важно отдыхать на престижных курортах, потреблять элитные вина и сыры, демонстрировать другие элементы роскошного образа жизни.

В отличие от большинства авторов я не считаю, что российское государство сегодня демонстрирует свои исторические качества «сильной власти». Напротив, современное российское государство – это слабое, или отсутствующее, в социальном плане государство, используемое в своих интересах узкой олигархической прослойкой и высшим чиновничеством. Такое положение дел ставит под угрозу само существование страны, поскольку, видя коррупцию в высших эшелонах власти, нижестоящие «винтики» государственной машины лишаются стимулов за скромное вознаграждение честно выполнять свой долг.

Российское государство сегодня как никогда нуждается в параллельном контуре власти, иных («опричных») институтах, не вовлеченных в круговую поруку сформировавшейся коррупции, способных «перебрать людишек», вычистив с руководящих должностей, особенно в госсекторе, всех скомпрометированных личностей. Вот уже в течение 10 лет все чиновники, их супруги и несовершеннолетние дети ежегодно декларируют свои доходы и имущество. Даже простой анализ накопленных документов – серьезная основа для подобной чистки. К сожалению, имеющиеся в наличии параллельные контуры власти (прокуратура, спецслужбы) ввиду отсутствия политической воли пока не смогли запустить этот процесс. Для обеспечения защиты государственных интересов в перспективе в политику и на госслужбу должен быть закрыт путь любому человеку, имеющему счета или недвижимость за рубежом, как не подтвердившему свою лояльность интересам страны.

Прагматизм разумного изоляционизма

«Структурный разрыв», «сингулярность траектории развития» – понятия, широко используемые в работах не только А.И. Фурсова, но и А.С. Па-

нарина, хотя, размышляя о будущем России, об опричнине последний не говорил ни слова. Впрочем, проблема, тревожившая мыслителя, была, по сути, та же: пути, возможности и условия возрождения нашей страны, о котором до самой своей кончины в 2003 г. Александр Сергеевич не переставал мечтать. Ища при этом подобную перспективу в таких исторических аналогиях, когда те, «кто был ничем», становились «всем» (как, например, в случае с ранними христианами). И если Фурсова не пугает слово «опричнина», то для Панарина необходимым условием российского возрождения являлось наличие «железного занавеса».

Целесообразность разумного изоляционизма была очевидна ему в сфере поддержки отечественного производителя, поскольку все нынешние представители экономического авангарда прошли в своем развитии фазу протекционистской политики, мало того, они и сегодня, как в случае со сталелитейной промышленностью США, не гнушаются протекционистскими мерами. Глобальная идеология «открытого мира» нужна им лишь для окончательного торжества мировой экспроприаторской политики, передающей планету в их безраздельное пользование [1. С. 58]. Обращаясь к примеру азиатско-тихоокеанских «тигров», он подчеркивает, что отечественная промышленность в данном случае заботливо развивалась при государственной поддержке до тех пор, пока не превратилась в действительно конкурентноспособную, а ее финансово-ресурсной основой стала традиционная аскетическая мораль. На мой взгляд, релевантность данного примера несколько подрывается тем обстоятельством, что в период бурного промышленного развития Азиатского региона ТНК сознательно переносили сборочные линии в Китай и государства АТР, обладающие огромными резервами молодой, дешевой и дисциплинированной рабочей силы, с целью снижения себестоимости конечной продукции. В целом этот процесс можно считать завершенным и неприемлемым для России ввиду дефицита ее трудоспособного населения. Андрей Кобяков, кстати, прямо называет политику «глобального рынка» одной из форм протекционизма, насаждаемой в своих интересах ТНК и экономически развитыми странами [11].

Целесообразность некоторой «закрытости» была очевидна Панарину и в сфере подготовки интеллектуальных кадров. Поскольку, благодаря идеологии «открытого общества», в мире на сегодня сложилась ситуация, когда одни страны тратятся на образование молодежи, а другие, пользуясь своим экономическим и символическим капиталом, переманивают специалистов, организуя «утечку умов» [1. С. 52]. И внедренная в последние годы в России система оценивания результативности труда научных работников, ориентированная на международные стандарты и критерии, – еще один шаг на пути интенсификации этой утечки.

Когда, спустя более чем десятилетие после кончины Александра Сергеевича, против России были введены западные санкции, у нас в стране впервые заговорили об импортозамещении. Однако вместо программы реиндустриализации, предложенной РАН и нацеленной на возвращение

отечественного рынка, была утверждена Национальная технологическая инициатива, разработанная АСИ и Российской венчурной компанией и ориентированная на наращивание экспортного потенциала. Вместо рутинной и планомерной работы был выбран вариант «волшебной палочки», когда прорыв в одной высокотехнологичной отрасли воспринимается как рецепт спасения для экономики в целом.

Говоря о реиндустриализации страны, нельзя не поднять вопрос о ее источниках. Доказано, что создание в стране «привилегированного общества потребления» – компрадорской элиты – автоматически приводит к сокращению накопления, поскольку традиционную служилую этику элиты заменяют прагматически-гедонистические соображения. В настоящее время «тлетворный дух декадентского модерна, антимораль, насаждающая в обществе атмосферу расхищения» [1. С. 186–187] распространилась на все слои российского населения, которое постепенно приучили жить в кредит, не отказывая себе в соблазнах и удовольствиях. Не только наиболее обеспеченная часть российской социальной пирамиды вывозит капитал из страны, инвестируя его в недвижимость и другие зарубежные активы, но и не слишком обеспеченные strаты российского общества, пережив ряд финансовых реформ и кризисов, буквально на последние деньги едут отдыхать за границу, предпочитая сегодня потратить, нежели завтра потерять. Меры по привлечению западных инвестиций, о которых мы постоянно слышим из уст правительства, – очередная химера открытой экономики, поскольку экономически развитым странам нет смысла создавать себе конкурентов. По утверждению академика С.Ю. Глазьева, вывезенные из России деньги частично «реинвестируются» в ее экономику таким образом, что целые отрасли переходят под контроль нерезидентов. «В отсутствие мер по защите собственной финансовой системы российская экономика поглощается иностранным капиталом и лишается способности к самостоятельному развитию, что обрекает ее на ухудшение позиций при любом из сценариев дальнейшего развертывания глобального кризиса» [12]. Другое устойчивое заблуждение, которое в свое время неустанно развенчивал академик Д.С. Львов, – организация стабилизационного фонда и твердая убежденность экономического блока российского правительства в том, что ни один доллар из российских золотовалютных запасов не должен расходоваться на развитие экономики страны, поскольку это может спровоцировать инфляцию. По его мнению, такое положение дел не что иное, как защита антироссийских интересов отечественными ведомствами и финансирование развития западных экономик [13].

Назрела необходимость российскому государству вернуться к своей традиционно сильной роли и стать активным участником рыночных отношений. Именно государство может сформировать ту конкурентную среду, с созданием которой не справляются рыночные игроки. При поддержке государства реиндустриализация может начать идти буквально по всем направлениям, возобновив производство для внутреннего российского по-

требления необходимых товаров, возрождая отечественную промышленность на новом технологическом витке, уже без присущей индустриальной экономике гигантомании. Небольшие, высокотехнологичные, экологичные, выпускающие качественную продукцию, с высокой долей государственных вложений, рассредоточенные по различным регионам, отечественные производственные предприятия должны стать основой возрождения промышленного потенциала страны.

Реальность доказала, что рыночные институты не справляются слишком со многими задачами. «Вместо рачительных хозяев, денно и нощно работающих над повышением эффективности принадлежащих им предприятий, бесплатная приватизация государственной собственности породила криминально-хищнический тип “рейдерского” псевдопредпринимательства, ориентированный на “сбыт краденого”» [12]. Миф об эффективности рыночной экономики теряет убедительность, поскольку повсеместно множатся примеры нерационального использования ресурсов и иной бесхозяйственности именно негосударственных субъектов рынка. И если в СССР в таких случаях можно было пожаловаться в партийные органы или привлечь прессу, то сейчас нарушение своих индивидуальных прав граждан должен отстаивать в суде или с помощью прокуратуры, а коллективные права отстаивать некому и негде. Начинать реиндустриализацию необходимо с простых вещей, скажем, с утилизации отходов, где ресурсы лежат на поверхности, нужно только организовать сбор и переработку, параллельно решая важную государственную задачу противодействия дальнейшему замусориванию земель. Упование в этом вопросе на самостоятельных рыночных субъектов привело к парадоксальной ситуации, когда граждане уже созрели для сортировки бытового мусора, а каналы его раздельного сбора и переработки еще не налажены. В той же строительной отрасли, если государство будет создавать конкурентную среду, внедряя современные ресурсосберегающие технологии, естественным образом произойдет снижение искусственно завышенных цен на недвижимость.

Но главное, в чем должен проявить себя разумный изоляционизм, это – возвращение моральным критериям должного статуса в современной культуре, а это возможно лишь в случае аутентичного поиска множества неуниверсальных ответов, укорененных в различных великих традициях. В том числе свой ответ должна дать и российская цивилизация. Согласно предсказаниям А.С. Панарина, в мире назревает новая социальная и моральная революция, назначение которой близко тому, что некогда сыграло в истории человечества христианство, которое, «с одной стороны, реабилитировало физический труд, бывший в античности презренным делом рабов, а с другой – способствовало отмене самого рабства» [1. С. 190].

Отметим, что идеи Александра Панарина не были забыты, и сегодня они получают дальнейшее развитие в работах В.Н. Шевченко, В.И. Спиридоновой, Р.И. Соколовой и других авторов.

Необходимость нравственной экономики

Одна из статей ныне покойного академика Дмитрия Львова, обосновавшего структуру справедливой экономики, функционирующей на иных принципах, нежели рыночная, так и называлась «Нравственная экономика» [14]. Будучи православным человеком, Дмитрий Львов был убежден, что скрепляющим стержнем духовных начал российского общества являются соборность и личностное стремление к общности социально-экономической жизни. Поэтому нравственная экономика должна была базироваться не на индивидуальном успехе, стремлении к наживе и безграничному потреблению, а на коллективном благополучии и высоком качестве жизни у каждого члена общества.

Понятие «соборность», пришедшее из русской религиозной философии, шире коллективизма и уже давно вышло за пределы сугубо религиозного словаря. Соборный принцип означает не только единение в церковной жизни, но и братское отношение в жизни мирской, духовное единство народа, при котором возможно такое сочетание индивидуального и социального принципов, когда принимается вторичная ценность свободы и самоутверждения по сравнению с равенством и справедливостью [15. С. 180]. Некоторые черты социальной ориентированности русского народа, называемые общинностью и выраженные в доверии и взаимопомощи, регламентированности отношений не законом, а нравственностью, получили развитие в советский период российской истории. Дореволюционная традиция «помочей» трансформировалась в СССР в субботники, выезд горожан на сельхозработы и общественную нагрузку, авторитет «мира» – в приоритет коллективных решений, роль соборов – в легитимацию решений через их принятие на съезде или собрании.

В число необходимых для высокого качества жизни человека благ академик Львов включал и такие как: «труд не только ради заработка» и «время, свободное от труда ради заработка», без наличия которых все остальные блага потребления и свободы самоопределения представляют собой лишь эрзац свобод. Так же как и А.С. Панарина, его тревожило, что с переходом страны на рыночные рельсы резко изменилось соотношение рабочего и свободного времени, произошло резкое фактическое увеличение допустимого рабочего времени, в том числе за счет совмещения работ, «прежний политический тоталитаризм... сменился тоталитаризмом новой рыночной повседневности», порождая «конформистов» и «поденщиков», «зажатых в тиски сиюминутной озабоченности» [1. С. 38–39].

В связи с тем что личные доходы в условиях нравственной экономики должны определяться вкладом каждого в прирост чистого дохода общества, Львовым был поднят вопрос о необоснованном присвоении ренты, не являющейся результатом непосредственной предпринимательской деятельности, коммерческих рисков и т.п. В изменении способов распределения ренты академик видел резерв борьбы с бедностью и утверждал, что нравственная

экономика резко снизит потери общества от отвлечения ресурсов на поддержание разного рода теневых структур, ослабит криминальные явления в сфере бизнеса. Ключевой диспропорцией, сдерживающей экономический рост и отрицательно влияющей на качество экономики, Дмитрий Семенович считал недопустимо низкий уровень оплаты труда наемных работников, который нельзя оправдать ссылкой на сравнительно низкую отечественную производительность труда. Производя сопоставления с ключевыми мировыми экономиками, Дмитрий Семенович доказал, что в начале 2000-х гг., исходя из паритета покупательной способности рубля, на один доллар часовой заработной платы среднестатистический работник в России производил примерно в 3 раза больше валового национального продукта, чем в США. При этом наш наемный работник был вынужден обменивать свою нищенскую заработную плату, которая в реальном исчислении оказалась намного ниже советской, на продукцию и услуги, цены на которые вплотную приблизились к мировым, а в некоторых случаях их перешагнули [16].

Рассуждая о возвращении отечественного рынка, нельзя обойти вопрос о конкурентоспособности отечественной продукции, в том числе и по ценовым параметрам. Система исчисления налогооблагаемой базы в пореформенной России оказалась организована так, что фонд оплаты труда является главной составляющей налоговых доходов (около 70% их прямо или опосредованно связаны с этим фондом). В результате искаженных пропорций между первичными факторами производства получается, что самый угнетенный фактор производства «создает» основную часть дохода России. В своих работах Д.С. Львов с группой экономистов упирали на то, что реально в России основной вклад в прирост ВВП вносит не труд или капитал, а рента – доход от использования земли, территории страны, ее природных ресурсов, магистральных газопроводов, средств сообщения (транспорт и современные средства связи), монопольного положения производителей важных видов продукции, пользующихся повышенным спросом на рынке. Вклад же труда не превышает 5%, а капитала – 20%. Таким образом, реальное соотношение между трудом, капиталом и рентой как факторами производства выглядит соответственно как 1:4:15. Однако вклад в бюджет от них поступает в пропорции 20:5:4, благодаря чему происходит скрытое перераспределение значительной части национального дохода России в пользу небольшой группы финансовых олигархов и криминального бизнеса, и рента превращается в один из главных источников криминализации экономики и всей общественной жизни, за счет нее идет развитие западных экономик [13].

Академик Д.С. Львов разработал теорию использования природных ресурсов в интересах всех членов российского общества. Он предлагал обратить ренту в общественные доходы, которые можно аккумулировать в системе общественных финансов, расходовать на развитие систем здравоохранения и образования, социальную помощь малоимущим слоям населения, а также на обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и сохранение окружающей природной среды. Полагал, что за счет ренты наша страна могла бы покрывать не только эти расходы, но и частично

те, которые финансируются из государственного бюджета, – на оборону, содержание госаппарата.

По расчетам Д.С. Львова и других экономистов, существующее налогообложение примерно в 2 раза увеличивает издержки производства, а следовательно, и цены на отечественную продукцию, тем самым резко снижая ее конкурентоспособность даже на внутреннем рынке. Одновременно у производителей создается мощный стимул к сокращению рабочих мест. Дмитрий Семенович был уверен в том, что необходимо снять все налоги и начисления с фонда оплаты труда, ликвидировать НДС, перенести тяжесть налогообложения на прибыль. В то же время следовало бы предусмотреть близкое к 100-процентному перечисление в доход государства ренты от природоэксплуатирующих областей. Это дало бы возможность начать борьбу за вытеснение с нашего внутреннего рынка импортных товаров, а в дальнейшем сформировало дополнительные стимулы для развития отечественной экономики, увеличило налоговые поступления в бюджет и возможности повышения заработной платы [16].

Академик Львов неоднократно выступал на заседаниях Президиума РАН с предложениями перехода от плоской шкалы подоходного налога на прогрессивную, а для граждан с доходами ниже прожиточного минимума вообще отменить подоходный налог. Одновременно считал необходимым повысить налоговую нагрузку на имущество сверхбогатых, приведя ее в зависимость от рыночной стоимости имущества. Он активно протестовал против феномена воспроизводящейся бедности, которая была создана в России. И был твердо уверен, что с переходом к преимущественно рентной системе налогообложения российская экономика постепенно начнет превращаться в социально ориентированную.

Несмотря на то что сегодня развитие отечественной экономики осуществляется по иному сценарию, а фискальная политика государства ужесточается в отношении незащищенных слоев общества (контроль за доходами самозанятых граждан, повышение процентной ставки НДС и других косвенных налогов, уплачиваемых из кармана рядового потребителя, и т.п. недавние новации налогообложения), идеи Дмитрия Семеновича не были забыты, в настоящее время в том же направлении ведет свои исследования А.Б. Кобяков [11]. А Сергей Глазьев предлагает меры не только по практическому развитию российской экономики (в том числе ее реиндустриализации на базе нового технологического уклада), но и по эффективному противодействию выводу капитала за рубеж (для применения которых пока не хватает политической воли), доказательно развенчивая ключевые догмы либертарианского мейнстрима, следование которым со стороны ЦБР этому процессу способствует.

Итоги

Авторский концепт аутентичного развития [17] имеет под собой философские, экономические и политические основания и представляет собой

комплекс взаимосвязанных мер во всех сферах социальной жизни, способствующих гармоничному развитию российского общества и государства: опору, прежде всего, на собственный историко-культурный опыт (не исключая знание и учет мирового), реиндустриализацию, дезурбанизацию, возврат к созидательным формам занятости населения, возвращение государства в экономику в качестве ее активного участника. В том числе – формирование параллельного контура власти, если для реализации всех этих мер возникнет такая необходимость.

Парадигма аутентичного развития означает гармоничное сочетание различных стадий развития общества. Переход к постмодерну, высоким технологиям должен сочетаться с сохранением завоеваний современного общества, а также собственной культурной традиции. Конечно, культура – это не неизменная данность, она развивается с течением времени, однако сохранение традиционных ценностей (семья, природа, Родина), в том числе ценности созидательного труда, обеспечивает преемственность этого развития.

Библиографический список

- [1] *Панарин А. С.* Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
- [2] *Четверикова О.* Путь к цифровому слабоумию. 19.10.2019. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/tcifrovoy_totalitarizm_kak_eto_delaetsya_v_rossii. Дата обращения: 22.10.2019.
- [3] *Карадже Т.В., Томбу Д.В.* Реалии миграционного процесса в России: количественные «плюсы» и качественные «минусы» // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 175–183. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-175-183
- [4] *Зыбуновская Н.В.* Справедливость как ценность в сознании российского общества // Социология власти. 2011. № 6. С. 56–65.
- [5] *Будко Д.А., Лукьянова Г.В.* Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 184–194. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194.
- [6] *Фурсов А. И.* Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Книжный мир, 2016. 384 с.
- [7] *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.
- [8] *Фурсов А., Пивоваров Ю.* Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3.
- [9] *Макаренко В.П.* Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998.
- [10] *Лубский А.В.* Концепт «русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса // Политическая концептология. 2010. № 2. С. 116–129.
- [11] *Кобяков А. Б.* Консервативные императивы российской экономической модели // Мировой кризис: хроника и комментарии. Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/1409065>. Дата обращения: 30.10.2019.
- [12] *Глазьев С. Ю.* Культ Золотого тельца и Россия // Глазьев.Ру. 29.10.2019. Режим доступа: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/73176-kul-t-zolotogo-tel-tsa-i-rossija>. Дата обращения: 30.10.2019.
- [13] *Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д.С. Львова.* М.: Экономика, 1999. 517 с.
- [14] *Львов Д.С.* Нравственная экономика // Свободная мысль XXI. 2004. № 9. С. 24–36.

- [15] Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 176–181.
- [16] Мешков А. Он знал, как возродить Россию (памяти выдающегося русского ученого-экономиста Дмитрия Семеновича Львова) // Столетие (Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы). 06.07.2016. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/sozidateli/on_znal_kak_vozrodit_rossiju_133.htm. Дата обращения: 25.09.2019.
- [17] Ильинская С.Г. Концепт аутентичного развития как альтернативная модернизации идеология // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 215–236. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-215-236.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 20.12.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133

Research article

Authentic Development: Key Aspects of the Concept

S.G. Ilinskaya

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya Str., 12, Moscow, Russia, 109240

Abstract. The article focuses on the social, political, philosophical and economic aspects of the concept of authentic development. Besides being based on Russia's historical experience and socio-cultural values, the project relies on certain socio-humanitarian scientific studies conducted by domestic scholars of previous generations. By applying interdisciplinary and systematic approaches, the author is able to map out not only the socio-political and humanitarian components of the concept, but also a whole complex of problems the project is aimed to solve.

Key words: authentic development, labor ethic, parallel power, reasonable autarchy, moral economy

References

- [1] Panarin A.S. *The Truth of the iron curtain*. Moscow: Algoritm; 2006. 336 p. (In Russ.).
- [2] Chetverikova O. Path to Digital Dementia. *Zavtra*. 19.10.2019. Available from: http://zavtra.ru/blogs/tcifrovoj_totalitarizm_kak_eto_delaetsya_v_rossii. Accessed: 22.10.2019 (In Russ.).
- [3] Karadje T.V., Tombu D.V. Realities of the Migration Process in Russia: Quantitative “Pros” and Qualitative “Cons”. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 175–183. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-175-183 (In Russ.).
- [4] Zybunovskaya N.V. Justice as a Value in Consciousness of the Russian Society. *Sociology of power*. 2011; 6: 56–65 (In Russ.).
- [5] Budko D.A., Lukyanova G.V. Image of an Ideal Russia in the Consciousness of Student Youth. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 184–194. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194. (In Russ.).

- [6] Fursov A.I. *Forward, to Victory! Russian success in retrospect and perspective*. Moscow: Knizhnyj mir; 2016. 384 p. (In Russ.).
- [7] Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. Russian System and Reforms. *Pro et Contra*. 1999; 4 (4) (In Russ.).
- [8] Fursov A., Pivovarov Yu. Russian System: Genesis, Structure, Operation. *Russian historical journal*. 1998; 1 (3) (In Russ.).
- [9] Makarenko V.P. *Russian Power (Theoretical and Sociological Problems)*. Rostov n/D: 1998 (In Russ.).
- [10] Lubs kij A.V. The Concept of “Russian power”: Metaphorical Possibilities of Intellectual Discourse. *The political conceptology: journal of metadisciplinary reseach*. 2010; 2: 116–129 (In Russ.).
- [11] Kobyakov A.B. Conservative Imperatives of the Russian Economic Model. *World Crisis*. Available from: <http://worldcrisis.ru/crisis/1409065>. Accessed: 30.10.2019 (In Russ.).
- [12] Glazev S.Yu. Cult of the Golden Calf and Russia. *Glazev.Ru*. 29.10.2019. Available from: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/73176-kul-t-zolotogo-tel-tsa-i-rossija>. Accessed: 30.10.2019 (In Russ.).
- [13] *The Way to the XXI Century*. Ed. by D.S. Lvov. Moscow: Economics; 1999. 517 p. (In Russ.).
- [14] Lvov D.S. Moral economy. *Svobodnaya mysl – XXI*. 2004; 9: 24–36 (In Russ.).
- [15] Pestretsov A.F. Sobornost as a constant value in Russian national moral. *Bulletin of Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky. A series of Social science*. 2008; 1 (9): 176–181 (In Russ.).
- [16] Meshkov A. He Knew How to Revive Russia. *Stoletie*. 06.07.2016. Available from: http://www.stoletie.ru/sozidateli/on_znal_kak_vozrodit_rossiju_133.htm. Accessed: 25.09.2019 (In Russ.).
- [17] Ilinskaya S.G. The Concept of Authentic Development as an Alternative Ideology of Modernization. *RUDN Journal of Political Science*. 2018; 20 (2): 215–236. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-215-236 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 20.12.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Ильинская Светлана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Information about the author:

Svetlana G. Ilinskaya – PhD in Political Science, Senior Research Fellow of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Для цитирования:

Ильинская С.Г. Аутентичное развитие: ключевые аспекты концепта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 116–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133

For citation:

Ilinskaya S.G. Authentic Development: Key Aspects of the Concept. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 116–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-134-143

Научная статья

Тенденции изменений форм публичного оспаривания граждан в условиях постдемократии

Р.В. Савенков

Воронежский государственный университет
Университетская площадь, 1, Воронеж, Россия, 394018

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции изменения форм политического оспаривания граждан в современных конкурентных политических режимах. Общественные трансформации привели к разрушению традиционных социальных групп, способных к солидарному политическому действию. Одновременно с социальными переменами в политической сфере изменился характер базового института политического оспаривания – политических партий, выполняющих функции политической оппозиции. Современная политическая партия снижает масштабы вовлечения граждан в политическое действие, повышая затраты на политическую рекламу и тем самым попадая в зависимость от влиятельных экономических групп интересов и государственного финансирования. Ослабление политического давления общества через институционализованные каналы привело к разочарованию демократической системы в целом. Активные граждане в современном мире все более предпочитают неинституционализованные и нелегитимные формы политического действия. Однако наблюдение практик оспаривания в Северной Африке, Ближнем Востоке, Испании, США, Франции и России в 2010-е гг. демонстрирует сохранение доминантного положения институциональных каналов влияния на политические и публичные решения. Новые возможности Интернета для организации коллективного действия граждан не привели к формированию новой идентичности недовольных и закреплению практик эффективной онлайн-делиберации.

Ключевые слова: постдемократия, протест, политические партии, публичное оспаривание

Введение

Политико-экономические процессы в современном мире привели к глубоким общественным трансформациям, затронувшим его институциональные и социокультурные основания. Представители научного сообщества единодушны в представлении современной реальности в виде нового, качественно отличающегося этапа общественного развития. Социологи подбирают множество метафор («ускользающий мир», «общество риска» и т.п.),

© Савенков Р.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

чтобы уловить наблюдаемые стремительные изменения, фиксирующие сложность и многообразие современного общества, развивающегося под влиянием технологической революции и широкого проникновения во все сферы жизни информационно-коммуникативных технологий [1. С. 250]. Постиндустриальное общество рассматривается исследователями как новый социетальный тип, характеризующийся новыми центрами власти, новыми формами господства, новыми способами инвестиций и новой культурной моделью «саморефлексии» [2. С. 662].

В политической сфере наблюдается прогрессирующее ослабление связей масс с традиционными партийно-политическими институтами, размывание прежних партийных лояльностей. Как заметил еще в 1990-м г. Г. Вайнштейн, «...многие политические институты, возникнув в иную эпоху, сохранили приверженность прежним подходам к решению общественных проблем, не соответствующую новой реальности, новым задачам, выдвинутым перед ними изменившейся жизнью» [3. С. 98.] В научном дискурсе широко распространилось мнение о снижении роли и влияния политических партий как института, причем эта роль ставится под сомнение по разным основаниям. Во-первых, несколько десятилетий фиксируется снижение массовости партий и ослабление роли «партийных машин». Во-вторых, ослабляется идеологическая составляющая партийных программ, концентрация партий только на выборном процессе, при повсеместно снижающейся явке на выборы [4. С. 225–228]. Политические партии перестают быть подлинным институтом демократии, дрейфуя к новой стадии: «тесные связи с массами более не кажутся необходимыми, так как партии осваивают инструментарий политического маркетинга, и лидеры победившей партии осуществляют политику, которая удовлетворяет прежде всего их наиболее влиятельных сторонников» [5. С. 32].

Зафиксированные социально-политические перемены позволили К. Краучу заявить о появлении нового типа системы – постдемократии, «в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях» [6. С. 7]. Изменения в классовой структуре общества привели к размыванию солидарности групп и снижению их способности выражать свои политические интересы посредством классических институтов представительной демократии. При этом сохраняются все формальные компоненты демократического режима (выборы, партии и т.п.) [Там же. С. 7–8]. Описанные перемены требуют анализа изменений институтов публичного оспаривания, обеспечивавших функционирование конкурентных демократических режимов во второй половине XX в.

Понятие и методы

Публичное политическое оспаривание означает опровергать, делать нечто предметом спора. Наиболее близким синонимом являются глаголы «по-

лемизировать», «конкурировать» [7. С. 15]. Публичное оспаривание в широком смысле понимается как повторяющиеся практики по формированию политической сферы общества. Современное понимание политики предполагает рассмотрение ее как институционализированной конкуренции проектов и решений, ориентированных на общее благо, «пространство общественного дискурса для согласования социальных интересов и программ общего действия... способность к действию и делиберации в ситуациях истинного коллективного и общественного выбора» [8. С. 8, 50]. Другими словами, политика рассматривается как сфера институционализированного диалога общественных групп, согласование конкурирующих/конфликтующих проектов. Другими словами, эффективность политики определяется качеством институтов.

Нами выделены следующие формы публичного оспаривания:

- легитимные институционализированные (оппозиционная политическая партия, общественное движение, публичное мероприятие, голосование за оппозиционного кандидата/партию);
- легитимные неинституционализированные, т.е. не имеющие формальной регламентации незапрещенные модели поведения (некоторые виды протестного поведения (например, флеш-моб), критика в онлайн-пространстве, «дислайки» и т.п.);
- нелегитимные неинституционализированные (экстравагантные артперформансы, террористические акты и т.п.).

Институционализированное публичное оспаривание в конкурентных демократических системах включает в себя три основных вида действий: 1) *социальный/политический протест*; 2) *участие в выборах* (активное и пассивное) для поддержки оппозиционных акторов; 3) функционирование института *политической оппозиции*. Субъектами протеста являются граждане (индивидуально), «протестные публики» [9], общественные группы, движения, политические партии. «Политика оспаривания», рассматриваемая в виде протеста, включает в себя эпизодичные, публичные действия, в которых участники сопротивляются, предъявляют коллективные требования, координируют усилия для достижения общих интересов (или групповых интересов), а одной из сторон является правительство [10. С. 164].

Во второй половине XX в. социальный протест в форме публичной акции проявлялся в том случае, когда государственные структуры препятствовали оспариванию гражданами решений и действий властей неконфликтными средствами [11. С. 69]. В современных условиях постдемократии объектом оспаривания могут быть не только органы государственной и муниципальной власти, но и иные группы влияния (бизнес-корпорации, религиозные институты). Как указывает А. Соколов, «социальный протест – это специфическая форма социального (а значит, коллективного) действия субъектов общественной жизни, направленная на изменение процессов, явлений и отношений, которые оцениваются ими как неприемлемые» [12. С. 46].

Разновидностью протестного поведения и одновременно формой политического участия является *электоральный протест*: осознанное неучастие в выборах, порча бюллетеней, голосование «против всех», голосование за оппозиционных кандидатов [13. С. 271]. Отличие протестного голосования от осознанной поддержки оппозиционной партии или кандидата заключается в стремлении избирателя таким поведением продемонстрировать свое индивидуальное несогласие с предложенными политическими альтернативами (зарегистрированными партиями или кандидатами) и общей сложившейся политической ситуации. Такой вид протеста мы относим к массовому действию, когда большое количество людей действуют по отдельности, каждый руководствуется своими собственными, индивидуальными мотивами и намерениями (П. Штомпка). В ходе электорального процесса субъектами публичного оспаривания являются кандидаты (списки кандидатов) на выборные должности, находящиеся в оппозиции к инкубенту и другим участникам выборов. Включение субъектов оспаривания в избирательный процесс в статусе кандидатов повышает их статус до *оппозиции*, так как результаты публичных дискуссий (оспаривания) в период избирательной кампании влияют на волеизъявление граждан, а значит, могут быть трансформированы во властные решения и действия.

Институт политической оппозиции представляет собой более сложное оспаривание профессиональных политиков путем создания постоянного политического движения, политической партии, релевантной фракции в парламенте для значимого влияния на процессы принятия политических решений. Исследователями выделен ряд атрибутивных черт политической оппозиции, среди которых важными для нашего исследования являются: публичное обозначение своего несогласия; наличие и предложение собственного альтернативного проекта решения проблемы; протестные действия, противодействие власти; организованность; контроль над деятельностью власти [14. С. 284].

Основным методом нашего исследования является исторический и сравнительный, опыт использования которых заложен в работах Ч. Тилли [15].

Трансформация форм публичного оспаривания

Протестные движения разных эпох подробно проанализированы в работах известных зарубежных политологов [16–18]. Социальные движения в форме организованных действий граждан позволили урегулировать социально-экономические и политические конфликты, расширить возможности для институционального рутинизированного публичного оспаривания через всеобщее избирательное право и создание оппозиционных политических партий. Однако рубеж XX–XXI вв. демонстрирует постепенное разочарование граждан в сложившихся демократических институтах представительства и оспаривания, появление запроса на их модернизацию и более качественный учет мнений рядовых граждан.

Описанное выше падение партийного членства фиксирует лишь закат низовой организации партии, что сопровождалось компенсирующим усилением влияния партии на государство. Данная тенденция зафиксирована в демократических политиях Европы, подтолкнула к созданию нового типа политических партий – «картельной партии». Картельные партии «...характеризуются взаимопроникновением партии и государства и тенденцией сговора между партиями. С развитием картельной партии цели политики становятся самодостаточными, профессиональными технократическими, а то существенное, что осталось от конкуренции между партиями, сконцентрировано на эффективном и результативном управлении политией» [19; 20]. Другими словами, партии приобретают дополнительные стимулы не конкурировать за электорат между собой, а кооперироваться для снижения цены возможного электорального проигрыша. Структурные перемены партий снизили доверие избирателей к институту политической оппозиции в целом.

Проявлением трансформации роли партий и кризиса представительных демократических институтов стало широкое распространение феномена популизма. Популизм возникает из-за разрыва в системе представительства в двух вариантах: 1) между частью населения и частью политического класса, которую прежние сторонники больше не считают реальными представителями своих интересов; 2) если представляемый политическим классом спектр мнений и предпочтений сильно отличается от того, что население действительно думает и считает [21. С. 19–21].

Глобальный экономический кризис 2008 г., а также новые технические возможности для публичного оспаривания спровоцировали «глобальное политическое пробуждение», рост числа протестов как в конкурентных режимах [22], так и неконкурентных [23]. Исследователями зафиксированы различные результаты общественной турбулентности: в авторитарных режимах Магриба и Ближнего Востока произошли революционные перемены, а в конкурентных режимах постдемократии общественные движения заявив о себе в неинституционализированной форме, начали терять своих сторонников, практически не добившись поставленных политических целей [24]. По сути, поднявшаяся в этот период волна уличной протестной активности лишь отразила стремление масс к некой внеинституциональной и антиинституциональной политике [25. С. 48].

Развитие Интернета существенно трансформировало традиционные формы коллективных действий. Всемирная компьютерная сеть создала новые инструменты и механизмы мобилизации участников протестного действия. Социальные сети в Интернете упрощают и удешевляют политическое участие для граждан [12. С. 48]. Более того, в сети Интернет возникают альтернативные традиционным медиаинформационные поля, создающие возможности для обсуждения альтернатив общественного развития, публично-вербального оспаривания [1. С. 319–320]. В целом масс-медиа остаются важнейшим каналом воздействия субъектов оспаривания на органы власти:

«...акция протеста сегодня – это информационный повод для привлечения внимания к проблеме» [26. С. 401].

Итак, институт политической оппозиции в условиях постдемократии существует в условиях сильнейшего упадка общественного доверия к эффективности политических институтов в целом, которые, с одной стороны, привели к масштабному разочарованию и фрустрации, а с другой – к точечному росту легитимного и нелегитимного коллективного протеста и сопротивления [27. 17-42]. В итоге интернет-технологии создают новые технические возможности для организованного публичного оспаривания. Однако традиционные и альтернативные медиа пока не стали эффективными площадками делиберации и обсуждения альтернатив общественного развития, формирования долговременной идентичности и солидарности. По наблюдениям Д. Дзолу, социальная дифференциация и усложнение современного общества приводят к возрастанию стремления граждан «к индивидуальному самовыражению и индивидуальному действию» и снижению стремления к солидарности и созданию коллективных общностей [28].

Заключение

Переход конкурентных режимов в состояние постдемократии сопровождается делегитимизацией представительных демократических институтов, вовлекая активных граждан в прямые формы демократического участия [22. С. 63]. Агрессивные формы публичного протеста в Европе, распространение популизма дали повод говорить об упадке демократии. С определенным оптимизмом смотрит в будущее Д. Рансимен, утверждая, что «демократии переживают кризисы с большим успехом, чем любая альтернативная система, поскольку они могут приспосабливаться» [29. С. 16]

Наблюдаемой в настоящее время общей тенденцией конкурентных и неконкурентных режимов является ослабление влияния институционализированных форм публичного оспаривания: снижение электорального участия, падение доверия к политическим партиям и легитимным формам политического протеста. Все большую популярность в условиях постдемократии набирают неинституционализированные и нелегитимные формы оспаривания. Профессиональные политики пытаются повысить к себе интерес общества путем использования популизма. Популизм становится не столько самостоятельной политической доктриной, сколько способом критики плюрализма и существующих демократических институтов и процедур, а также способом противопоставления активных групп общества эгоистическим элитам.

Библиографический список

- [1] Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунуова. М.: Аспект-Пресс, 2018. 349 с.
- [2] *Коэн Д., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. 784 с.

- [3] *Вайнштейн Г.И.* Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1990. 169 с.
- [4] *Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко и др.* М.: Политическая энциклопедия, 2015. 303 с.
- [5] *Лоусон К.* Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. М.: ИНИОН РАН, 2010. № 4: Политические партии, демократия и качество государственного управления в современном обществе. С. 29–48.
- [6] *Крауч К.* Постдемократия. М.: ИД ВШЭ, 2010. 192 с.
- [7] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: ИД ВШЭ, 2010. 288 с.
- [8] *Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова.* М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.
- [9] *Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / Ed. by N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev.* Springer, 2019. 306 p.
- [10] *Лобанова О.Ю.* Протестные движения и «политика оспаривания: концептуальные рамки // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2013. № 4. С. 163–167.
- [11] *Очкина А.В.* Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4. С. 69–75.
- [12] *Соколов А.В.* Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти // Южно-Российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 2. С. 45–59. DOI: 10.31429/26190567-20-2-45-59
- [13] *Аль-Дайни М.А.* Электоральный протест: теоретические проблемы и возможности региональных исследований // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 269–280.
- [14] *Савенков Р.В.* Современные исследования политической оппозиции // Политическая экспертиза (ПолитЭкс). 2019. Т. 15. № 2. С. 275–290. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.208>.
- [15] *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: ИД «ВШЭ», 2019. 432 с.
- [16] *Tilly C.* Social Movements (1768-2004). Routledge, 2004. 204 p.
- [17] *Tarrow S.* Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics. Cambridge University Press, 2011. 328 p.
- [18] *Porta D., Diani M.* Social Movements. An Introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 345 p.
- [19] *Кац Р., Мэйр П.* Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. 2010. № 4. С. 77–112.
- [20] *Кац Р., Мэйр П.* Изменение модели партийной организации и партийная демократия: возникновение картельной партии // Политическая наука. 2006. № 1. С. 27–42.
- [21] *Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров.* М.: Политическая энциклопедия, 2018. 127 с.
- [22] *Van Vossle J.* Long waves of political contestation // Kondratieff Waves. 2015. № 2. P. 276–297.
- [23] *Социальный протест на современном Востоке / под ред. Д.В. Стрельцова.* М.: Аспект Пресс, 2016. 304 с.
- [24] *Тэрроу С.* Стратегия режима – это самый важный фактор, определяющий размах и длительность протестов // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 5–16.
- [25] *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России / В.И. Пантин (отв. ред.), И.С. Семенов (отв. ред.).* М.: ИМЭМО РАН, 2016. 183 с.
- [26] *Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.
- [27] *Кратев И.* Управление недоверием. М.: Издательство «Европа», 2014. 128 с.
- [28] *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М.: ИД ВШЭ, 2010. 320 с.

- [29] Рансимен Д. Ловушка уверенности. История кризиса демократии от Первой мировой войны до наших дней. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2019. 400 с.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 15.12.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-134-143

Review article

The Changes of Forms of Public Contestation in Post-Democracy

R.V. Savenkov

Voronezh State University

Universitetskaya Square, 1, Voronezh, Russian Federation, 394018

Abstract. The paper discusses the main trends in changing forms of political contestation of citizens in contemporary competitive and non-competitive political regimes. Social transformations led to the destruction of traditional social groups capable of joint political action. Along with social changes in the political sphere, the nature of the basic institution of political contestation – political parties – has changed, acting as political opposition. Contemporary political party reduces the scale of citizen involvement in political action, increasing the cost of political advertising, thereby becoming dependent on influential economic interest groups and state funding. The weakening of the political pressure of society through institutionalized channels led to the disappointment of the democratic system as a whole. Citizens in the contemporary world increasingly prefer non-institutionalized and illegitimate forms of political action. However, observations of dispute practices in North Africa, the Middle East, Spain, the United States, France, and Russia in the 2010s demonstrate that the dominant position of institutional channels of influence on political and public decisions has been maintained. New opportunities of the Internet for organizing collective actions of citizens have not led to the formation of a new identity of dissatisfied people and the consolidation of effective online deliberation practices.

Key words: post-democracy, protest, political parties, public contestation

References

- [1] *Publichnaya politika: Instituty, tsifrovizatsiya, razvitie*: Kollektivnaya monografiya. Ed. by L.V. Smorgunova. Moscow: Aspekt-Press; 2018. 349 p. (In Russ.).
- [2] Cohen J., Arato A. *Civil Society and Political Theory*. Moscow: Ves Mir; 2003. 349 p. (In Russ.).
- [3] Vainshtein G.I. *Massovoe soznanie i sotsial'nyi protest v usloviyakh sovremennogo kapitalizma*. Moscow: Nauka; 1990. 169 p. (In Russ.).
- [4] *Partii i partiinye sistemy: sovremennye tendentsii razvitiya*. Ed by B.I. Makarenko et al. Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya; 2015. 303 p. (In Russ.).
- [5] Lawson K. Novyi podkhod k sravnitel'nomu issledovaniyu politicheskikh partii. *Politicheskaya nauka*. 2010; (4): 29–48 (In Russ.).
- [6] Croch C. *Post-Democracy*. Moscow: ID VSHEh; 2010. 192 p. (In Russ.).
- [7] Dahl R. *Polyarchy. Participation and Opposition*. Moscow: ID VSHE; 2010. 288 p. (In Russ.).

- [8] *Konstituirovaniye sovremennoy politiki v Rossii: institutsional'nye problem*. Ed. by S.V. Patrushev, L.E. Filippova. Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya; 2018. 262 p. (In Russ.).
- [9] *Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action*. Ed. by N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev. Springer; 2019. 306 p.
- [10] Lobanova O. Protestnye dvizheniya i «politika osparivaniya: kontseptual'nye ramki. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 2013; (4): 163–167 (In Russ.).
- [11] Ochkina AV. Sotsial'nyi protest v sovremennoy Rossii: faktory i tendentsii razvitiya. *Ehkonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*. 2016; (4): 69–75 (In Russ.).
- [12] Sokolov A.V. Kollektivnye deystviya v sovremennoy Rossii: osobennosti organizatsii i reaktsiya vlasti. *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*. 2019; 20 (2): 45–59 (In Russ.). DOI: 10.31429/26190567-20-2-45-59.
- [13] Al'-Daini M.A. Ehlektoral'nyi protest: teoreticheskie problemy i vozmozhnosti regional'nykh issledovaniy. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2017; (2): 269–280 (In Russ.).
- [14] Savenkov RV. Sovremennye issledovaniya politicheskoy oppozitsii. *Politicheskaya ehkspertiza (PoliTEhks)*. 2019; 15 (2): 275–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.208>.
- [15] Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Moscow: ID “VSHE”; 2019. 432 p. (In Russ.).
- [16] Tilly C. *Social Movements (1768-2004)*. Routledge; 2004. 204 p.
- [17] Tarrow S. *Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics*. Cambridge University Press; 2011. 328 p.
- [18] Porta D., Diani M. *Social Movements. An Introduction*. Blackwell Publishing, Oxford; 2006. 345 p.
- [19] Katz R., Mair P. The Cartel Party Thesis: A Restatement. *Politicheskaya nauka*. 2010; (4): 77–112 (In Russ.).
- [20] Katz R., Mair P. Changing Models of Party Organization Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party. *Politicheskaya nauka*. 2006; (1): 27–42 (In Russ.).
- [21] *Populizm kak obshchii vyzov*. Ed by K. Krouford, B.I. Makarenko, N.V. Petrov. Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya; 2018. 127 p. (In Russ.).
- [22] Van Vossolle J. Long Waves of Political Contestation. *Kondratieff Waves*. 2015; (2): 276–297.
- [23] *Sotsial'nyi protest na sovremennom Vostoke*. Ed. by D.V. Strel'tsova. Moscow: Aspekt Press; 2016. 304 p. (In Russ.).
- [24] Tehrrou S. Strategiya rezhima – ehto samyi vazhnyi faktor, opredelyayushchie razmakh i dlitel'nost' protestov. *Svobodnaya mysl'*. 2011; (12): 5–16 (In Russ.).
- [25] *Prognozirovaniye sotsial'no-politicheskikh protsessov i konfliktov v stranakh Zapada i v Rossii*. Ed. by V.I. Pantin, I.S. Semenenko. Moscow: IMEhMO RAN; 2016. 183 p. (In Russ.).
- [26] *Grazhdanskoe i politicheskoe v rossiiskikh obshchestvennykh praktikakh*. Ed. by S.V. Patrusheva. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEhN); 2013. 525 p. (In Russ.).
- [27] Krastev I. *Upravlenie nedoveriem*. Moscow: Izdatel'stvo «EvropA»; 2014. 128 p. (In Russ.).
- [28] Zolo D. *Democracy and Complexity. A Realist Approach*. Moscow: ID VSHE; 2010. 320 p. (In Russ.).
- [29] Ranciman D. *The Confidence Trap. A History of Democracy in Crisis from World War I to the Present*. Moscow: Izd. dom “Vysshaya shkola ehkonomiki”; 2019. 400 p. (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 15.12.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Савенков Роман Васильевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-1643-2444) (e-mail: rvsav@yandex.ru).

Information about the author:

Roman V. Savenkov – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1643-2444) (e-mail: rvsav@yandex.ru).

Для цитирования:

Савенков Р.В. Тенденции изменений форм публичного оспаривания граждан в условиях пост-демократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 134–143. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-134-143

For citation:

Savenkov R.V. The Changes of Forms of Public Contestation in Post-Democracy. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 134–143. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-134-143

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-144-160

Research article

Russia and China as Viewed by Russian and Chinese Youth

A.A. Sorokina, M.S. Maximenkova

National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000 Russia

Abstract. Russia-China relations are a major research focus in international relations, yet few studies have so far addressed the issue of how the two nations view each other. This study seeks to contribute to closing this gap by focusing on how college-age millennials perceive the counterpart country. We have selected students who have had experience studying abroad, namely Chinese students who have studied in Russia and Russian students who have studied in China. Our findings are based on the analysis of 150 in-depth qualitative narrative interviews conducted with Chinese and Russian students (75 in each group). The study demonstrates that ethnocentric stereotypes prevail and both groups engage in cultural ‘othering’. Meanwhile, students from both countries perceive Russian President Vladimir Putin as a central determining factor in shaping Russia-China relations.

Key words: Russian students, Chinese students, qualitative research, country perceptions

Introduction

Over the course of the last decade, Russian-Chinese relations have advanced to a new level, as Russia has begun to view China as its main partner on the international political arena and in economic matters. In July 2017, Russian President Vladimir Putin signed an executive order on awarding the General Secretary of the Communist Party of China, President of the People’s Republic of China Xi Jinping the highest order of Russia, the Order of St. Andrew the First-Called, for his distinguished service in strengthening the friendship and cooperation between the peoples of the Russian Federation and the People’s Republic of China. In 2017, during his address to the Federal Assembly, Putin described Russia’s relationship with China as an ‘all-encompassing strategic partnership’.

According to public opinion polls, the majority of Russians (77%) view China as a strategic partner or ally [1]. 73% of people in China have a positive attitude towards Russians and Russia [2]. Public opinion polls are a key part of studies in international relations, since the perceptions of citizens of one country of the citi-

© Sorokina A.A., Maximenkova M.S., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

zens of another country could indicate certain trends in the developments of relations between nation-states; current public opinion polls among young people also indicate how relations between nation-states can develop in the future, as the current younger generations go on to become policy-makers. This article analyses and interprets perceptions of China among young people in Russia, and perceptions of Russia among young people in China.

Analyzing trends in perceptions among these groups will allow us to understand a starting point of mutual perceptions from which the possible future elites involved in forging Russia-China ties will emerge. The findings presented here are based on an analysis of 150 in-depth qualitative narrative interviews conducted with Chinese students and Russian students (75 with each group). We show that ethnocentric stereotypes prevail and each group engages in cultural “othering,” that students from both countries perceive Russian President Vladimir Putin to be a central determining factor in shaping Russia-China relations, and that students are uncertain about how the relationship between the two countries will develop in the future. We also argue that the image of China in the eyes of Russian students and the image of Russia in the eyes of Chinese students are based mostly on elements of soft power.

A vast body of literature is dedicated to the image of contemporary China in the eyes of citizens of other nation-states. These works mostly address how China is depicted in foreign media reports [3], and some of the studies also analyse cross-national opinion polls. Tao Xie and Benjamin I. Page use data from the Pew Global Attitudes Project (hereafter referred to as ‘Pew’), which includes data from over 44 countries, and argue that the level of ‘freedom’ or liberal democracy in a country has no significant impact on how that country’s public views other countries. The authors show that the most important determinant of China’s image in a country is that country’s level of socio-economic development, as measured by the UN Human Development Index. The higher a country scores on the index (controlling for other factors), the less favorable its public’s views of China. According to the data, publics in Pakistan, Russia and Lebanon have the most positive perceptions of China [4].

Works dedicated to the image of China and Chinese citizens among Russian citizens focus mostly on studies of populations living along the Russia-China border. Kapitolina Fedorova analyzes the roles of ethnic, social, and linguistic stereotypes in forming the image of Chinese citizens among Russian citizens. According to Fedorova, who studied in-group conversations and interviews conducted in 2008-2010 in the Zabaikalskii territory of Russia and the Chinese city of Manzhouli (Autonomous region Inner Mongolia), Russians living in the Russia-China border region resort to a large number of clichés about Chinese people, generally exhibit negative attitudes towards this group, and are sometimes shockingly rude. The author argues that this can be explained by a high level of xenophobia in Russia, which is also reflected in a large body of other studies [5]. Alicja Curanovic, for example, argues that the Russians perceived the Chinese state as a smaller threat than the Chinese people. Studies show that Russian citizens

mostly express concern about demographic factors, i.e. the population of China, which is much larger than that of Russia [6].

A number of other studies are dedicated to the views the Chinese public holds of other countries [7]. Jolanda van der Noll и Henk Dekker, for example, conducted a quantitative analysis of polls in China dedicated to perceptions of the USA, the EU, Russia, and Japan in China. The authors conclude that Chinese citizens' attitudes mirror the international relations between China and these four world powers. A great majority of the respondents had a positive to very positive overall attitude towards the EU and Europeans (85%), Russia and Russians (73%), the United States and Americans (59%). The attitude towards Japan and Japanese citizens was predominantly negative [2]. A new body of literature is also addressing the attitudes of younger generations of Chinese citizens who plan to study or have already begin to study abroad. For example, Peter G. Ghazarian has shown that a positive image of a foreign country among Chinese young people has an effect on their readiness to continue their studies in that country, and on their plans for emigration from China [8].

Another body of literature addresses stereotypes associated with various social groups in Russia and in China. These studies of national stereotypes (such as a classical work by Katz and Braly) have focused largely on the question of how far stereotypes are perceived as true by those who voice them, and how far stereotypes are actually grounded in reality [9]. We believe that stereotypes can inform and shape perceptions and reception of new information, thereby determining the emotions and social attitudes of various social groups towards other groups.

Not many studies published in the English language have dealt with the topic of stereotypes of China and of Chinese people. Nonetheless it is important to study such stereotypes in order to understand the image of China on the international arena.

Some studies are dedicated to the relationship between the media and negative stereotypes. Bersick, for example, argues that the European Union perceives China increasingly negatively, which has to do with the strengthening of China's position on the international arena and economically, and with the influence of old stereotypes and promotion of new negative stereotypes about China in the mass media [10]. Some researchers have used the phrase "China as-a-menace-to-the world" to describe the stereotypes associated with China in the West [11]. Lingling Zhang also studies the influence of media on stereotypes and claims that American college students see China largely as a potential threat to the United States, an image that is formed by media messages [12]. Gordana Blagojević, who studies perceptions among contemporary Serbs about the Chinese, argues that the Chinese widely settled in Serbia in the 1990's, yet knowledge among the Serbian population about this community of migrants largely exists at the level of media information [13].

Boden has pointed out that stereotypes and cliches often emerge due to lack of knowledge. Since citizens of European countries learn about China not through their own experiences but through mediated knowledge transmission, studies have

shown that mass media play a major role in forming the image of China in the eyes of Europeans. The image of China in Europe is informed very strongly by postcolonial power dynamics and Eurocentrism, which are reflected in the mass media. The formation of stereotypes can be mutual, and come from both sides: “China looks at Europe and the West in general from a Sinocentric viewpoint measuring the West by Chinese standards” [14].

Li and Worm also note that images of China that emerge and dominate in the realm of public opinion in the West can be traced back to the 1980s. A lack of understanding of contemporary China and the stereotype-ridden image of the country are based on prejudice that can be linked to Eurocentrism and colonialism. The role of the media is crucial here. To improve China’s international image and remove the misunderstanding of China, the authors have suggested that China should concentrate on developing soft power. They also mention the ways in which China has worked on its soft power over the past several years [15], a topic that is also addressed in the works of Falk Hartig [16].

Lingling Zhang's study (mentioned above) also shows that stereotypes about Chinese people are mixed. The author studied stereotypes about Chinese people among American college students, and concluded that negative stereotypes include the ideas that Chinese people are prejudiced, arrogant, narrow-minded, corrupt, and not generous. Positive stereotypes found in this study included the ideas that Chinese people are smart, hardworking, inventive, and have good morals [12]. Unlike the previous study, this study is dedicated to perceptions of Chinese people at large, rather than ethnic Chinese people who have immigrated to the country where the study is carried out.

Bob McKercher has developed the themes of Chinese people, stereotypes, and international mobility, and has turned his attention to the interactions between the first generation of mass tourists and the host community in different countries [17]. He notes that residents (host communities) of countries which attract the first generation of mass tourists see the tourists as “laggards, inward looking individuals who are culturally and socially introverted, unworldly and resistant to change”. Russia and China became important cases in this study because at the moment of publication of this article, residents of these countries became the first generation of tourists.

While the studies discussed above are dedicated mostly to how residents of Western countries perceive China and Chinese people, other studies have also addressed the image of China in other Asian countries. For example, Larisa Nikitina and Fumitaka Furuoka studied perceptions about China in neighboring Asian countries by conducting a survey meant to uncover cultural stereotypes about China among Malaysian students who are studying the Mandarin language [18]. The authors conclude that the image of China in the eyes of study participants is multifaceted and diverse. The authors note a series of key components of this image (culture, politics, language, history, climate, landscape, economics, religion and the Chinese people) and uncover specific associations with China (e.g. Kung Fu, Shaolin Temple, Great Wall of China, Bird Nest Stadium etc.).

The existing body of literature dedicated to the image of China and Chinese people and stereotypes of China and Chinese people shows that negative stereotypes dominate positive ones, and that stereotypes are not rooted in a deep knowledge of the culture and history of China. Most authors also conclude that increasing China's soft power can lead to improvements in the image of China on the international arena, and that China is already taking steps in this direction.

The image and stereotypes of contemporary Russia in other countries has also not been studied in-depth in the social sciences. One of the most stimulating studies in this under-studied area is the work of Larisa Zhilina, who surveyed Japanese students about their perceptions of Russia, and Russian students about their perceptions of China. The results show that study participants subscribe to a number of stereotypes about the other country; for example, Japanese students claim that Russia is 'the biggest country in the world,' 'It occupies a huge territory,' it is a 'northern country,' is associated with 'Siberia,' and is the 'country near Hokkaido.' Russia is also perceived as the 'distant neighbor,' 'neither European nor Asian,' and 'geographically, Russia is very much a part of East Asia,' which contrasts with what the Russian respondents would claim [19].

Alexander Bukh also conducted a survey-based study among young people in Southeast Asia, namely in Laos, Thailand, and Vietnam. The starting point of this study mirrors our own: the author seeks out study participants who would become the potential elites of the countries in question, and assumes that perceptions of the countries in this group will influence how the relationship between the countries will develop in the future. The study shows that despite the fact that many years have passed since the collapse of the Soviet Union, young people in the countries from the sample view Russia through the lens of stereotypes associated with the Soviet Union. Some non-Speviet-specific stereotypes were also voiced by the study participants, including Russian food, weather and the nesting doll *matryoshka* [20].

Several works address stereotypes associated with Russia and Russian people among Chinese people. These studies show that, just like in the case of stereotypes about China, the image is mixed and multifaceted. For example, a survey among Chinese people who work in Russia showed that they associate the positive characteristics of kindness (75%) and honesty (50%) with Russians. Negative stereotypes included drunkenness (72.4%), greed (27.6%), egoism (25.9%), and parasitism (20.7%) [21].

Jolanda van der Noll and Henk Dekker also surveyed Chinese study participants and showed that Chinese people view Russia as peaceful and trustworthy (the study compared Chinese perceptions of Russia with Chinese perceptions of Japan and the USA) [2].

Works that address the topic of how citizens of Russia and of China view each other are mostly historical in their approach, and focus on the development of Russia-China relations on the international arena. T.A. Hsia, for example, has described how Chinese citizens went from holding predominantly negative attitudes towards Russia in the late 19th and early 20th centuries, when Russia was

perceived as an aggressor state, to viewing Russia not only positively, but as an exemplary society in the latter half of the 20th century [22]. Alexander Lukin also addresses Russia-China relations by studying the attitudes of Russian political elites towards China in the 1990s [23].

Few studies have addressed both attitudes of Russian citizens towards China, and of Chinese citizens towards Russia. There is also a gap in data on attitudes of Russian and Chinese young people towards China and Russia, respectively. If young people do come up in studies, the studies usually refer to the topic of educational migration [24].

This study seeks to close this gap, using a vast data set of qualitative interviews with Russian and Chinese university students. The sections that follow outline the research design and methods, results, analysis, conclusion, and implications of this study.

Research Design

From June 2017 to February 2018, researchers at the Laboratory of Political Studies of the National Research University Higher School of Economics conducted 150 in-depth qualitative narrative interviews with Chinese students and Russian students (75 with each group).

We interviewed students who are particularly interested in pursuing careers that have to do with developing Russian-Chinese relations on the international arena. We selected Chinese students who were studying at Lomonosov Moscow State University, National Research University Higher School of Economics (NRU HSE), People's Friendship University of Russia (RUDN), the Moscow State Institute for International Relations (MGIMO). Most of the interviewees were bachelors students, or students who were enrolled at a course intended to prepare international students for studies at the aforementioned Russian universities. At the moment of the interview, each of the students had been residing in Russia for a period of about one year. The length of times the students were residing in Russia was important to us because we wanted to control for how long-term stays can affect attitudes towards Russia among foreign students.

We also interviewed students who are from Russia, who study at Lomonosov Moscow State University and the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE), who are enrolled in majors dedicated to Asian Studies, and who also study the Chinese language. The majority of the students from Russia who were interviewed in this study had been to China during travels or for language programs.

Each interview lasted approximately one hour. During the interview, interviewees were asked open unstructured questions about the main topics and images they associate with “Russia” and with “China”, and about the possibilities for the development of relations between the two countries in the future. We carried out the interviews with Chinese students in Chinese and/or in English, while the Russian students were interviewed in Russian.

We transcribed each interview and coded the data using qualitative content analysis. During coding, we highlighted the components that make up the image of each country using the following categorizations: cultural and historic elements and traditions, geographic and natural characteristics and demographic elements, everyday behavior norms in society, the political system, social and economic development, important political leaders and international relations.

The first question posed in the interview allowed us to identify the major associations study participants have with the countries they are asked about, and which they think of immediately without much thought (they were asked to name the very first associations that came to mind, without analysing them).

Both Russian and Chinese students, when asked to name the associations they have with the image of China and Russia, named associations that mostly fall within the categories “cultural and historic elements and traditions”, “geographic and natural characteristics and demographic elements”, and “everyday behavior norms in the two countries”. Russian students mostly focused on “cultural and historic elements and traditions” of China (associations that fall within this category was mentioned two times more often by Russian students about China than by Chinese students about Russia). For Chinese students, the dominant category of associations with Russia is the ‘geographic and natural characteristics’ category.

Table 1

Russia and China as Viewed by Russian and Chinese Youth

Components of the image	The image of China among Russian students (mentions)	The image of Russia among Chinese students (mentions)
Cultural and historic elements and traditions	65	30
Geographic and natural characteristics and demographic elements	50	56
Everyday behavior norms in society	20	45
Political system	19	6
Social and economic development	15	8
International relations	12	10
Important political leaders	10	26

Source: compiled by the authors.

The analysis presented below is dedicated to the content of each of the categories we have named above in the table (see table 1), and offers a detailed look at the image of China and Chinese citizens in the eyes of Russian students who are interested in China, and, subsequently, at the image of Russia and Russian citizens in the eyes of Chinese students who are interested in Russia academically and professionally.

The Image of China in the Eyes of Russian Students

The Russian students emphasized the idea that China is a ‘different world’ that is difficult for a ‘Western person’ to understand. Most students who mentioned ‘the West’ would associate themselves with a closeness to ‘the West,’ uttering phrases like ‘for us, Western people who love democracy and other such things, it is difficult to understand China’ (Russian student, female, 20 years old). Some identified China as ‘a totally different world’ or ‘a different planet.’ One student claimed that ‘China is a whole separate world, from the fact that they are different from us in terms of mentality, to their architecture. What is for us, people of the West, a ‘yes,’ would be a ‘no’ for Chinese people; what’s white for us is black for them.’ The most-mentioned characteristics of China mentioned Russian students in our interviews fall under the category ‘**cultural and historic elements and traditions,**’ with 64 mentions in total across all our interviews with Russian students. Russian students noted that Chinese culture is very unique, speaking most often about Chinese food, which is characterised as a ‘cult’ element of Chinese culture by Russian students. Russian students spoke about Chinese rice, sweet pork, crackers, tea, and noted that in their view, the processes of cooking and eating are treated like a ritual by many Chinese people: ‘This is a who ritual for them. For example, if there is an important business meeting, but lunchtime comes around, they will stop all business talks in order to have a meal’ (Russian student, male, 18 years old). Other important cultural elements named by Russian students include Chinese calligraphy, the Beijing opera, unique architectural forms, and traditional costumes. At the same time, study participants noted that Chinese culture is very different from European cultures and sometimes people who are not open and ready to see new things can end up confused at some aspects, for example the opera: ‘The Peking opera is very distinctive and original, you would never see anything like that anywhere else, all these costumes. I mean, all of these super costumes and the high notes. I mean, if someone who is not really ready for this watches it, then they would not understand anything, or they would just find it very funny. In general, this is something very unique, something that does not exist in other countries’ (Russian student, female, 20 years old).

Another key category used to describe China by Russian students includes ‘**geographic and natural characteristics and demographic elements,**’ which most often contained students’ reflections on the high population density of China. For many students this was one of the key characteristics of China that stands out most in their imaginaries of the country: ‘China is people. Many, many people, they are everywhere over there. This country is like an anthill. There are crowds all over the place, people with backpacks and children’ (Russian student, female, 20 years old). As we mentioned above, many Russians are more wary of Chinese people than they are of the Chinese state at large. This has to do with demographics: in Russian society fear of Chinese demographic dominance is quite widespread, as people believe that it is possible that ‘Chinese people have nowhere to live in China’ and ‘they will move to Russia.’ These worries were also

voiced by our study participants when they spoke of Russia as a potential country, the territory of which can help China solve its overpopulation problems. Another characteristic mentioned often was the climate of China, such as “extremely hot summers” from their time in the country.

20 study participants also mentioned ‘everyday behavior norms in society’ in their reflections on China. This category includes mentions of ‘open’ and ‘kind’ Chinese citizens who exhibit behavior norms the Russian students were not accustomed to. For example, one of the things Russian students described as being unaccustomed to on their trip to China was the fact that they encountered Chinese citizens who wished to take photographs with the Russian students. The students also mentioned that it is customary for Chinese citizens to help others: ‘friendliness among Chinese people. They understand that we don’t understand very much about their culture and their language, and even so they try to help’ (Russian student, female, age 19). According to the Russian study participants, another characteristic of Chinese people is their ability to create a dense crowd and not to let anyone get ahead: ‘Even in Shanghai there’s not really the kind of culture we have here. For example, they don’t know that people should first exit the metro car, and only after that should new passengers enter it – instead there’s a giant collision’ (Russian student, female, 20 years old). Some of the study participants also noted that they noticed certain habits among people in China, like rolling up T-shirts in hot weather: ‘I associate China with men who roll up their T-shirts in the heat and show their stomachs to everyone around’ (Russian student, male, 21 years old). Some students said that they were surprised that in China parents constantly scold and criticise their children, and employers criticise their employees: ‘I was not prepared for the fact that I would constantly be scolded and criticized. My parents spoiled me, and at school I was always praised... this is impossible to imagine in China. It’s considered that the only way to motivate someone is to harshly criticize them, otherwise the person will not understand what they are doing wrong and how to do it better’ (Russian student, male, 20 years old).

Study participants also noted characteristics of the Chinese political system, which came up a total of 19 times in the study among Russian students; they would usually mention communism or the communist party of China, without going into detail: ‘I associate China first and foremost with the color red, then with the Community Party of China, since this is the core, because it is codified in the constitution and in other laws’ (Russian student, male, 20 years old).

Social and economic development was mentioned 15 times in the study, with reference to the uneven development of China and the coexistence of very poor areas and modern skyscrapers right next to each other. Students spoke about the sharp contrasts they encountered in China: ‘If you walk in the center of a city, you see all these skyscrapers, everything is very beautiful and developed, but, literally, if you just turn the corner and go on a street to the right, making just one turn – then you will see a narrow dirty small street, people’s things will be hanging outside, cables everywhere, women would be washing the laundry in washbasins. And all of this is right in the city center. Everything is so mixed there, like tall buildings, and tra-

ditional architecture, and small old houses. This is very surprising to everyone. In China riches are right next to poverty’ (Russian student, 20 years old). Most of the students also noted that China is a very promising country which is developing at an extremely rapid pace. One of the elements students found very promising was China’s foreign policy, or China’s standing in **international relations**, which was mentioned 12 times in the study. The Russian students noted that China is one of the leading countries on the international arena. Students who participated in the study also mentioned **important political leaders** 10 times, mostly citing Mao Zedong rather than Xi Jinping, China’s current President and General Secretary of the Chinese Communist Party: “When I think of the word ‘China’ the first things that come to mind are the color red and Mao Zedong, because in school we studied Soviet-Chinese relations” (Russian student, male, 19 years old).

The Image of Russia in the Eyes of Chinese Students

The main component of the image of Russia in the eyes of Chinese student is Russia’s **‘geographic and natural characteristics and demographic elements,’** which were mentioned 56 times by the Chinese students who participated in this study. Within this category, Russia’s climate was mentioned most often, more specifically cold Russian winters. Students said that this climate is unusual for them because China is not as cold. ‘For me, Russia is always cold and snowy, though I also lived here during the summer. We, Chinese people, are not used to this kind of weather, especially since I am from the south of China’ (Chinese student, male, 23 years old). Students also mentioned the deep impressions they have gotten from fields and forests in Russia; one study participant spoke of his first impressions of the country in the following manner: ‘I needed to take a drive to Tyumen [a city in Russia], and during the whole drive I only saw forest out of the car window. Five hours of nothing but trees. In China there are not that many forests, which is probably why this surprised me the most’ (Chinese student, male, 21 years old). Chinese students often compared the ecological situation in Russia to that of China, positively evaluating Russia’s clean air, which is clean even in Moscow, and lamenting the fact that air pollution is one of China’s most pressing problems today.

When describing the associations they have with Russia, Chinese students also emphasized **‘everyday behavior norms in society’** in Russia. This category came up 45 times in the study in interviews with Chinese students. Some of the key characteristics of everyday behavior norms they mentioned included kindness, niceness, and responsiveness among Russians. These associations are related to personal encounters with people; Chinese students would describe at length how local residents in Russia would help them find a bus stop or a shop, for example. At the same time, Chinese students noted that Russians do not like to smile. In their interviews, the students often called Russians ‘combative’, explaining that they mean that Russians have a harsh character and strong willpower. Chinese students also spoke about the importance of alcohol for Russians; some study par-

ticipants recalled ‘typical Russian vodka’ and that ‘all Chinese people know that vodka is your national drink’ (Chinese student, male, 19 years old).

Some students made note of differing norms of study in Russian and Chinese universities. Chinese students said that they found it very good that students in Russian can openly debate their lecturers and express their own opinions without fear of being punished: ‘We don't have that in China. There, the students have to listen to the teacher and never challenge them. I also like that the lecturers try to convey information to each and every student; if you didn't understand something, they will explain it to you again, and this is extremely helpful for me in particular because in almost every lecture that is something that I cannot quite understand and learn right away. In China the teacher does not care whether you understood something or not, the learning process there is aimed more at self-education. That is, you go home and then you try to figure out the topic for yourself.’ (Chinese student, male, 19 years old).

For many of the Chinese students who participated in the study, Russia is associated with its **‘cultural and historic elements and traditions,’** which were mentioned 30 times. This was mostly related to classical Russian literature. Study participants would recall that they read these classics in school, for example: ‘Of course, all Chinese people have to read parts of novels or short stories in school, such as *War and Peace* or *Anna Karenina*’ (Chinese student, female, 21 years old). Some students also mentioned that they are familiar with the 19th century Russian poet Alexander Pushkin, who they also learned about in school. With regard to history, in their interviews Chinese students most often recalled and referred to the Soviet period. Many study participants notes that Chinese people are well acquainted with Soviet leaders, such as Joseph Stalin, Nikita Khrushchev Leonid Brezhnev, and Vladimir Lenin. In addition, study participants said that Russian films about war are very popular in China. According the study participants, Chinese pensioners are especially interested in the Soviet period: ‘Xi Jinping is friends with Putin, and because of this there are many tourist groups from China that consist of pensioners here. For them, this is like the USSR, they learned Russian when they were children, and for them Russia and the USSR are part of their childhood. Therefore they want to come here and see the Red Square or the Hermitage, they want to remember their years of youth’ (Chinese student, male, 20 years old).

Chinese students would also mention Russian food in their reflections about the country, which mostly included borsch, blini, and syrniki. Several students also mentioned national holidays: ‘Holidays and days off, New Year’s, Easter – all these days create such a warm, cozy atmosphere for me’ (Chinese student, female, 23 years old). The Russian holiday *Maslenitsa*¹ received special attention from

¹ Maslenitsa is an Eastern Slavic religious and folk holiday, celebrated during the last week before Great Lent. Sometimes they call it the ‘pancake week’, because in this time everyone has to cook and eat pancakes.

study participants: ‘I think that *Maslenitsa* is the best reflection of Russian traditions’ (Chinese student, female, 22 years old).

An important component in the image of Russia in the eyes of Chinese students are the **important political leaders** of Russia, which were mentioned 26 times. Every third study participant (among Chinese students), when reflecting on their associations with Russia, mentioned Russian President Vladimir Putin. Chinese students noted that Vladimir Putin can often be seen on Chinese television. ‘Chinese people think that he can do a lot. For example, he plays hockey, goes fishing, goes hunting, can shoot a gun. He’s a universal person. Many Chinese people say that Russia would be a very different country without Putin’ (Chinese student, female, 21 years old). Study participants overwhelmingly claim that Chinese citizens have a very positive outlook on Putin and consider him to be a strong and strong-willed leader who is also a friend of Xi Jinping. Students spoke of the fact that when Putin came to power, Russia-China relations significantly improved, and if he remains in power, then the two countries will keep up their positive relationship.

Another major characteristic of Russia mentioned by Chinese students alongside the topic of Vladimir Putin is Russia’s standing on the international arena, in **international relations**. This was mentioned 10 times by study participants. The Chinese students who participated in this study had a positive outlook on Putin’s actions on the international arena, claiming that they like ‘his tough politics.’ Few Chinese study participants mentioned **social and economic development** (8 mentions) or **characteristics of Russia’s political system** (mentioned 6 times). Only a few study participants mentioned that Russia has found itself in a difficult economic situation.

The Future of Russia-China Relations in the Eyes of Chinese and Russian Students

After we made asked about the first associations that came to mind among study participants when speaking about the country in question, we went on to ask the students about how Russia-China relations are likely to evolve in the future.

Despite the fact that most of the study participants both on the Russian side and on the Chinese side positively evaluate the current state of affairs between Russia and China, their evaluations of how the relationship will progress were more varied.

First, Russian students had trouble brainstorming about the development of Russia-China relations because of a tendency among Russian youths to focus on a short-term planning horizon. Studies have shown that young people in Russia have difficulty imagining what the future has in store for Russia domestically in the next 10-15 years, and they even have trouble predicting what their own future has in store for them individually. This uncertainty spills over onto their perceptions of the international arena. Efforts to discuss possible scenarios for the next 15 years were met with the students’ refusal to engage in the activity. They justi-

fied their inability to answer such questions by saying that this time frame is too long, ‘everything can change many times over during that many years, and it is difficult to predict things in Russia’. Many students noted that the development of Russia and the development of Russia’s standing on the international arena will largely depend on the future of Russia’s presidency: ‘Everything depends on the president; whoever will end up in power in the country, that will determine what kind of country this will be’ (Russian student, male, 20 years old).

It is important to note that Russian students had fewer difficulties in speaking about the future of China. They expressed certainty that China will develop rapidly, this will involved technological advances and the advance of the Chinese language to becoming and international language. When Russian students spoke about the future of China, they would often begin to voice certain fears that would be exacerbated in a context of hesitation and uncertainty about the future of Russia. If the first associations with the image of China were usually tied with cultural aspects of the country, when asked about the future, Russian students would stress that China is a great power: ‘I think that right now China is slowly joining the ranks of countries that rule economically, if I may use this phrase; countries that set the standards around the world, countries the whole world depends on. It is possible that China will be one of the competitors of the USA. China is already pretty much posing a certain threat’ (Russian student, female, 21 years old).

Russian students also concluded that the friendship between Russia and China is possible only while they do not have anything to compete for. When asked what brings Russia and China together at the current moment, Russian students could not answer and mostly resorted to generalising about mutual interest in oil. ‘Today, I believe, judging by the news and by what I heard from Chinese people, it seems we get along. I would like to hope so’ (Russian student, female, 20 years old).

Russian students believe that the major factor that determines the type of relationship Russia has with China is the reorientation of all foreign policy towards Asia in a context of strained relations between Russia and the EU, as well as between Russia and the USA. ‘The main task of Russia right now is “turning” towards the East, because relations with China today are becoming more of a partnership. Russia-China relations will continue to develop. Russia won’t have the same kind of cooperation with the West as it had before’ (Russian student, male, 18 years old). Many Russian study participants noted that because of the current power dynamics on the international arena, China is very important to Russia: ‘Because the whole world has turned away from us. I mean that we turned the world away from us ourselves, and this has happened working on the assumption that the Russians and the Chinese are friends forever’ (Russian student, male, 20 years old).

According to Chinese students, Russia-China relations will most likely remain friendly in the future. The main determinant of friendly relations between the two countries is believed by study participants to be the will of Russian President Vladimir Putin. Many Chinese students hope that Putin will make it easier for Chinese citizens to enter Russia, especially those looking to study at Russian universities. At the same time, the Chinese study participants voiced their concerns about the devel-

opment of Russia-China relations in the event of a new president in Russia: ‘If the political leadership of Russia changes, then it will be impossible to predict how he will be disposed towards China’ (Chinese student, female 24 years old).

At the same time, Chinese students often noted over the course of the study that many Chinese people who live in China are wary about Russia, mostly due to how Russia is depicted in Chinese media. Chinese students claimed the on Chinese television channels Russia is mostly depicted as a military power, which has caused many people in China to allegedly associate Russia with rockets and tanks, according to study participants. ‘If you do an internet search for ‘Russia,’ you would see photographs of the Russian army, paratroopers, rockets and tanks, fleet, and a parade on the Red Square. This parade is very famous in China, they show it every year on television. That is why many people think that Russia is all about tanks and rockets, and there’s a parade every day!’ (Chinese student, male, 19 years old).

It is important to note the Chinese students interviewed for this study do not perceive Russia in terms of its military capacity or weapons. Instead, some students cited military strength as a stereotype held by Chinese citizens who live in China with regard to Russia. This demonstrates that studying in Russia possibly results in less militarized lens through which the visiting students view the country.

Conclusions and Implications

A major factor that could bring about constructive relations between countries is a positive perception between the countries’ populations of one another. The image of China in the eyes of Russian students, and the image of Russia in the eyes of Chinese students are based mostly on elements of soft power. Almost none of our study participants spoke about the country they were interviewed about in terms of its military capacity, which leads us to conclude that there is fertile ground for the positive development of cooperation between the two countries in the future.

However, it is important to note that our sample was limited in terms of the types of students we interviewed: the Chinese students who participated in the study are studying Russian and are interested in Russia, and they have experience interacting with Russian students and other Russian citizens. The Russian students we interviewed are also interested in China and the Chinese language. However, we cannot say that the students exhibited deep or nuanced knowledge of the other country and based many of their answers on commonly held stereotypes. For Russian students who study the Chinese language, China is a country they perceive as differing greatly from European countries, as ‘another world’ where it is very hot, with a high concentration of the population, and where people eat rice, drink tea, and live in areas where skyscrapers mix with small traditional houses. For Chinese students who study the Russian language, Russia is a country where it is always very cold, where people are harsh and militant and do not like to smile. Notably, when Russian and Chinese students were asked about associations with the countries, in their answers they would often resort to discussions of the population of the country in question specifically; both Russian and Chinese students speak

of ‘the Chinese’ or ‘the Russians’ and their characteristics, often citing stereotypes, such as ‘Chinese people photograph everyone’ or ‘Russians love drinking vodka’.

This tendency for potential specialists in Russia and China to resort to stereotypes about the ‘other’ population may prove to be a barrier for constructive dialog in the future. Students are least informed about social and economic characteristics of the two countries, and about how the political system of the respective countries functions. This is necessary knowledge for those who plan to study and to inform policy on Russia-China relations in the future.

Russian and Chinese students perceive the development of Russia-China relations as something that is intricately connected to the figure of Russian President Vladimir Putin. Both Russian and Chinese students exhibit only very superficial knowledge of economic, cultural, and educational projects the two countries are involved in together.

At the moment, Russia and China must work on developing and improving their educational programs that focus on Russia-China relations. Overcoming stereotypes and creating a constructive image of other countries is possible only in a context conducive to the mutual exchange of knowledge. Educational programs that focus on China and on Russia in Russia and in China respectively should include the themes of cultural communication, socio-political characteristics, and economic ties, and should steer students beyond stereotypical thinking.

References

- [1] Rossiya – Kitaj – SSHA: otnosheniya v strategicheskom treugol'nike'. *Russian Public Opinion Research Centre (WCIOM)*, (7 February 2017). Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116055>. Accessed 11.06.2018 (In Russ.).
- [2] Noll J., Dekker H. A Comparative Analysis of Chinese urban Citizens' attitudes towards the EU, the United States, Russia and Japan. *International Relations*. 2016; 30 (4): 456–472.
- [3] Syed N.A. The Effect of Beijing 2008 on China's Image in the United States: A Study of US Media and Polls. *The International Journal of the History of Sport*. 2010; 27 (16–18): 2863–2892.
- [4] Xie T., Page B.I. What Affects China's National Image? A cross-national study of public opinion. *Journal of Contemporary China*. 2013; 22(83): 850–867.
- [5] Fedorova K. Speaking With and About Chinese Language Attitudes, Ethnic Stereotypes and Discourse Strategies in Interethnic Communication on the Russian-Chinese Border. *Civilizations*. 2013; 62 (1–2): 71–89.
- [6] Curanovic A. Why don't Russians fear the Chinese? The Chinese factor in the self-identification process of Russia. *Nationalities Papers*. 2012; 40 (2): 221–239.
- [7] Dong L. Chinese Perceptions of the European Union. *Journal of Contemporary China*. 2014; 23 (88): 756–779.
- [8] Ghazarian P.G. Country Image and the Study Abroad Destination Choice of Students from Mainland China. *Journal of International Students*. 2016; 6(3): 700–711.
- [9] Katz D., Braly K. Racial stereotypes of one hundred college students. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933; 28(3): 280–290.
- [10] Bersick S. Perceptions of Asia in Europe. *Asia Europe Journal*. 2010; 8 (2): 244–255.
- [11] Ng S.H., Ye J., Lee C. Media Discourse on Globalization in China: A Social–Psychological Analysis. *Journal of Language and Social Psychology*. 2011; 30 (2): 139–157.

- [12] Zhang L. Stereotypes of Chinese by American college students: media use and perceived realism. *International Journal of Communication*. 2015; 9: 1–20.
- [13] Blagojević G. Contemporary Serbian stereotypes about the Chinese in Belgrade: When you say China, I think about Block 70 or... *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*. 2009; 129: 47–6.
- [14] Boden J. Mass media: Playground of stereotyping. *International Communication Gazette: Formerly Gazette*. 2016; 78 (1–2): 121–136.
- [15] Li X., Worm V. Building China's Soft Power for a Peaceful Rise. *Journal of Chinese Political Science*. 2011; 16 (1): 69–89.
- [16] Hartig F. Confucius Institutes and the Rise of China. *Journal of Chinese Political Science*. 2012; 17 (1): 53–76.
- [17] McKercher B. The Roots of Stereotypes about Tourists. *Society*. 2008; 45: 345–347.
- [18] Nikitina L., Furuoka F. 'Dragon, kung fu and Jackie Chan...': stereotypes about China held by Malaysian students. *Trames. A Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2013; 17 (2) (67/62): 175–195.
- [19] Zhilina L. Public attitude and mutual perceptions: Japan and Russia. *Political Science Journal*. 2015; 10 (1–2): 1–30.
- [20] Bukh A. Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam. *Contemporary Southeast Asia: A Journal Of International & Strategic Affairs*. 2016; 38 (3): 445–475.
- [21] Vasil'eva K., Ostrovskij A., Alagueva T. The Image of Russians in the Eyes of the Chinese and the Image of the Chinese in the Eyes of Russians on Contiguous Territory. *Far Eastern Affairs*. 2007; 35 (4): 104–114.
- [22] Hsia T.A. Demons in Paradise: The Chinese Images of Russia. *The Annals of the American Academy*. 1963; 349: 27–37.
- [23] Lukin A. Russia's Image of China and Russian-Chinese Relations. *East Asia*. 1999; 17 (1): 5–39.
- [24] Bislev A. Student-to-Student Diplomacy: Chinese International Students as a Soft-Power Tool. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2017; 2: 81–109.

Article history:

The article was submitted on 18.12.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-144-160

Научная статья

Образы России и Китая во взаимных представлениях российской и китайской молодежи

А.А. Сорокина, М.С. Максименкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая улица, д. 20, Москва, Россия, 101000

Аннотация. Российско-китайские отношения находятся в центре внимания исследователей международных отношений. Тем не менее изучение представлений россиян о Китае и китайцев о России в работах представлено недостаточно. Данная работа нацелена на то, чтобы восполнить этот пробел. В фокусе – взаимные представления о странах среди студенческой молодежи. В основе работы лежит анализ 150 глубинных интервью, проведенных с китайскими студентами, специализирующимися на изучении России, и российскими

студентами, специализирующимися на изучении Китая (по 75 в каждой группе). В статье показано, что во взаимных представлениях друг о друге преобладают стереотипы, а определяющим фактором в развитии российско-китайских отношений респонденты из обеих стран считают российского президента В.В. Путина.

Ключевые слова: российские студенты, китайские студенты, качественное исследование, представление о стране

История статьи:

Статья поступила в редакцию 18.12.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

Информация об авторах:

Сорокина Анна Андреевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института прикладных политических исследований, доцент факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ORCID ID: 0000-0002-6412-2045) (e-mail: aasorokina@hse.ru).

Максименкова Марина Сергеевна – директор Центра политических исследований и экспертизы Института прикладных политических исследований, преподаватель факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ORCID ID: 0000-0003-2148-9522) (e-mail: mmaksimenkova@hse.ru).

Information about the authors:

Anna A. Sorokina – Leading Research Fellow of Laboratory for Political Studies, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-6412-2045) (e-mail: aasorokina@hse.ru).

Marina S. Maximenkova – Director of Centre for Political Studies and Assessments in Institute for Applied Political Studies, lecturer, National Research University Higher School of Economics (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-2148-9522) (e-mail: mmaksimenkova@hse.ru).

Для цитирования:

Sorokina A.A., Maximenkova M.S. Russia and China as Viewed by Russian and Chinese Youth // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 144–160. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-144-160

For citation:

Sorokina A.A., Maximenkova M.S. Russia and China as Viewed by Russian and Chinese Youth. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 144–160. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-144-160